

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Справка о состоянии УИС на 1 августа 2006 года 4

Нильс Кристи Развитие восстановительного правосудия – реакция на изъяны современной пенитенциарной системы? 7

Яков Гилинский Социология о пытках в современной России 19

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ. КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОС: ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ »

Александр Бикбов 32

Даниэль Дефер 38

Филипп Артьер 43

Арсений Рогинский 49

Людмила Альперн 50

Людмила Алексеева 58

Ив Коэн 62

Наум Ним 65

Александр Черкасов 70

Алексей Смирнов 74

Станислав Маркелов 76

Наталья Звягина 80

Оксана Дзера 84

**Василий Бушнев, Олег Журавлев,
Елена Московкина, Наталья Савельева** Кодекс и
голос: дилемма правозащитной работы 87

ИСТОРИЯ. ПОЖИВИ В НЕВОЛЕ

Александр Муленко Инфаркт миокарда 100

Ростислав Горчаков Из конвоя – под конвой 108

УСТАМИ НАЧАЛЬНИКОВ

Сергей Скалаух Аналитическая записка 122

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Уголовно-исполнительная система России по состоянию на 1 ноября 2006 года

Общее число содержащихся в учреждениях УИС – 871,2 тыс. человек, в том числе:

- в 765 исправительных колониях – 695,8 тыс.,
- в 211 следственных изоляторах – 151, 2 тыс.,
- в 160 ПФРСИ – 8,1 тыс.,
- в 7 тюрьмах – 2,5 тыс.,
- в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 13,3

тыс. человек.

В учреждениях содержится 59,2 тыс. сужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживает 703 ребенка.

Численность содержащихся лиц в СИЗО превышает установленный лимит на 7,7%.

Численность лиц, вновь арестованных в октябре, по отношению к началу года увеличилась на 9,6%.

За 10 месяцев 2006 года в СИЗО поступило 325 418 человек (АППГ 2005 г. – 314418).

Ежемесячно из СИЗО освобождаются в связи с изменением меры пресечения, вынесением оправдательных приговоров и приговоров, не связанных с лишением свободы, от 5,5 до 6,5 тыс. человек. За 10 месяцев 2006 года было освобождено 60 900 человек или 18,7% от вновь арестованных за тот же период.

С начала 2006 года численность арестованных женщин увеличилась на 4% (12 924 чел.).

Численность несовершеннолетних в октябре 2006 г. в сравнении с январем 2006 г. снизилась на 17%. Общее количество несовершеннолетних, содержащихся в СИЗО на 1 ноября, – 6739 человек.

В 2005 году было введено дополнительно 8257 мест. С начала 2006 года для содержания лиц, заключенных под стражу, введено 9360 мест. До конца 2006 года планируется дополнительно ввести 4710 мест.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 132 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 58 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

За январь–октябрь в учреждениях УИС было совершено 1100 преступлений (прирост по сравнению с АППГ 2005 г. – 25,5 %), из них:

- убийства – 20;
- дезорганизация нормальной деятельности учреждений – 3;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 45;
- захват заложников – 1;
- побеги – 273.

За 10 месяцев 2006 года предотвращено противоправных намерений – 96 001.

В состав УИС входят 2453 уголовно-исполнительных инспекции, в которых состоят на учете 572,1 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

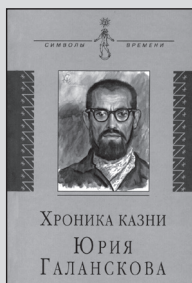
Производственный потенциал УИС составляет 601 предприятие исправительных учреждений.

При исправительных и воспитательных колониях функционирует 294 вечерних общеобразовательных школы и 222 учебно-консультационных пункта, 338 профессионально-технических училищ, действуют 396 церкви, 695 молитвенных комнат.

Штатная численность персонала УИС составляет 355,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 253,9 тыс. человек.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют 5 высших учебных заведений (с 7 филиалами), в том числе Академия права и управления Минюста России, 2 юридических колледжа, 1 средняя специальная школа, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий с филиалами в городах Иваново, Владимир, Челябинск, 2 кадетские школы-интерната: «Московский кадетский корпус юстиции» и «Симбирский кадетский корпус юстиции».

**Хроника казни Юрия Галанскова
в его письмах из зоны ЖХ-385,
свидетельствах и документах**
[вступ. ст., сост. и коммент. Г. Кагановского].
М.: Аграф, 2006. 640 с.
(Серия «Символы времени»).

Я встретился с Юрием почти полвека назад, на грани отрочества и ранней юности. Знакомство переросло в дружбу. Чуть ли не каждый вечер бродили по нашим родным замоскворецким переулкам, декламируя стихи, переваривая политические новости. Вместе работали на реставрируемых объектах... учились в школе рабочей молодежи, посещали литобъединения, ездили на побывку в деревню Сергиево под Звенигородом. Нередко доводилось сидеть в его осветительской ложе на знаковых для того времени спектаклях... И конечно же я был очевидцем легендарных событий вокруг Маяка, у меня на глазах зарождалось любимое детище Галанскова – альманах «Феникс».

Затем случилось непоправимое: Лефортовское 12-месячное сидение, судебный фарс, строгорежимный лагерь в Мордовии. В течение нескольких лагерных лет мы вели переписку, а потом... Были поездки на его могилу при зоне – с *тетей Катей* (так звали мы, друзья Юрия, его маму Екатерину Алексеевну); было, спустя почти два десятилетия, перезахоронение на Котляковском кладбище в Москве, а перед тем – символическое прощание Юрия с *Маяком*: Доставленный из Мордовии гроб (точнее, громоздкий ящик, сколоченный на месте эксгумации) был установлен у подножия фигуры «горлана-главаря», здесь же состоялся многолюдный митинг...

Готовя книгу к печати, работая с подлинниками лагерных писем Галанскова (в большинстве своем публикуемых здесь впервые), а также ответных родительских писем к нему (эти документы разительной впечатляющей силы вообще не были доступны до сих пор постороннему глазу), и обдумывая необходимые пояснения, реплики, я никак не мог соблюсти академическую отстраненность. Заранее прошу прощения у тех читателей, кого будет царапать прорывающийся кое-где субъективный акцент.

Развитие восстановительного правосудия – реакция на изъяны современной пенитенциарной системы?

В некоторых странах восстановительное правосудие в последнее десятилетие получило широкое распространение. Судя по количеству статей и книг, больших и малых конференций и практических инициатив, у него мало конкурентов в области пенитенциарной политики.

С чем же связан столь бурный всплеск интереса к данному явлению именно сегодня? Это и будет темой моих заметок.

Назад к корням

Во-первых, в высокоразвитых индустриальных странах растет интерес к корням, то есть культурам вроде маори в Новой Зеландии, североамериканским индейцам и эскимосам Крайнего Севера. Культура коренных народностей привлекает все большее внимание – а вдруг там есть нечто ценное? Одной из ценностей, в которой усматривается польза для современных обществ, являются применяемые ими способы разрешения конфликтов, когда упор делается на достижение мира, а не на разжигание внутренних распрей. Пробуждение интереса к восстановительному правосудию было связано главным образом с деятельностью знаменитых комиссий правды и примирения в Южной Африке после отмены апартеида и с примером тех стран, где имели место жесточайшие репрессии. Нельзя забывать и об еще одном интересном примере – Новой Зеландии, где элементы древнего права маори встроены в систему социального обеспечения детей.

Разбухание пенитенциарной системы

В результате глубоких изменений наших общественных систем, все большему количеству нежелательных поступков придается значение преступлений. И соответственно система формального контроля и наказания занимает все более доминирующее положение в обществе.

Все больше людей подвергается, предстает перед судом в качестве обвиняемых, свидетелей, пострадавших, и все большее число людей подвергается различным наказаниям – то есть страданию, сознательно применяемого с целью причинить страдание. У меня на родине в Норвегии число обращений в полицию в связи со случаями поведения, считающегося преступным, возросло за последние полвека в десять раз! А тюремное население удвоилось и достигло неслыханной в современную эпоху цифры: 70 заключенных на 10 тыс. человек населения. А в США на 100 тыс. человек населения приходится 700 заключенных.

Все это настоятельно требует ужесточения контроля над пенитенциарной системой. Уголовные суды работают в конвейерном режиме, что отражается в попытках стандартизировать судебные процедуры с помощью «приговорных таблиц», а также в неуклонном росте тюремного населения. Судя по многочисленным исследованиям о бесполезности судебной практики и о моральном смысле причинения бесцельной боли, изъяны уголовного правосудия сегодня становятся все более и более очевидными.

Мы видим практику сознательного причинения страдания человеку во многих обществах и, быть может, особенно в тех, которые называют себя «государствами всеобщего благоденствия», или христианскими, то есть основанными на идеях добра и прощения. Количественный рост случаев применения формального наказания особенно выпукло выявляет эти противоречия. Чтобы понять эти противоречия, нужно обратиться к основным пенитенциарным теориям, трактующих смысл применения наказания. И обнаруживаем бесконечные число аргументов о *полезности* наказания. Прежде всего нам говорят, что причинение страдания служит для предотвращения преступлений. Если бы мы не наказали лицо А за его злодеяния, его примеру непременно последовали бы лица В, С и D.

Если же аргументации о профилактическом смысле наказания недостаточно для морального оправдания причинения жестоких страданий братьям нашим человеческим, то выдвигаются аргументы о целительности наказания. Правонарушителя следует наказать, дабы преподать ему урок на будущее. Наказание рассматривается и как полезный способ избавиться, хотя бы на время, от преступника. А ведь иногда мы твердо уверены, что он после такого урока будет представлять собой еще большую проблему для общества.

Огромное количество исследований показывает, что система уголовных наказаний не обеспечивает достижения этих целей. Но на по-

добные выводы обращают мало внимания. И это неудивительно. Не имея надежно верифицируемых аргументов, исходящих из соображений общественной пользы, мы будем вынуждены признать, что руководствуемся иными причинами, выступая за применение наказания, или что мы наказываем вовсе без всякой причины.

И тут возникает третий тип аргументации в пользу наказания. Злонамеренным деяниям следует противодействовать злонамеренными методами. Если было совершено посягательство на некую ценность, то наказание должно рассматриваться как способ восстановления попорченной ценности. Вдобавок утверждают, что население – отчасти или в целом – возмущено и требует отмщения. И если не применить наказание, то общество этого не поймет и общественное мнение будет расколото. При этом уголовные суды, в «дюркгеймовской» перспективе, могут функционировать как организации, становящиеся рупорами общественного гнева и таким образом восстанавливающие попорченную ценность.

Но и тут мы не избавляемся от проблем, связанных с конфликтом ценностей. Как правило, мы единодушно разделяем такие ценности, как доброта, забота и прощение. Некоторые страны даже называют себя «государствами всеобщего благоденствия» – там и в самом деле широким слоям населения гарантируется необходимый уровень жизни. Популярными идеологиями в таких странах утверждают, что основная цель – уменьшить страдание, а не применять его в качестве орудия отмщения. Но встает вопрос: если попорченные ценности можно восстановить с помощью уголовного преследования, то не означает ли это, что ценность жизни защищается путем убийства убийцы?

Дефицит скорби и гнева в современных обществах

В Средние века одно из самых ужасных проклятий звучало так: «Чтобы тебе встретить неожиданную смерть вдали от дома!» Об этом пишет в замечательной книге о смерти и умирании Филипп Арье. Почему же смысл этого проклятия был столь ужасен? Это проклятие означало, что человека лишали возможности участвовать в собственной смерти. Даже если вы были ничтожнейшим из людей, в вашей жизни наступал момент, когда вы оказывались в центре всеобщего внимания. В идеальном случае к вам домой приезжал священник; соседи, родственники, друзья собирались в вашем доме, говорили о вас, вспоминали прошлое и сообща рисовали портрет человека, покидающего этот мир. Выслушав достаточно добрых слов о себе, умирающий покидал брэнную землю, и часть гостей оставалась в комнате усопшего,

дабы помешать дьяволу утащить его душу в преисподнюю до того, как она отправится на небеса. Но самое главное – это был осознанный уход в присутствии многих свидетелей. А потом были похороны. И невозможно было даже допустить мысль, что кто-то, хотя бы в малейшей степени связанный родственными узами с покойным, манкировал бы этим событием. На похоронах присутствовали и незнакомцы, пожелавшие выразить уважение покойному. Я до сих пор помню, как мой отец, когда мимо нас по улице проезжал похоронный кортеж, снимал шляпу и останавливался. Черные одеяния, черная вуаль на лице вдовы и многомесячный траур по покойному были обязательной частью ритуала. Эта традиция до сих пор соблюдается в королевских семьях.

И какой разительный контраст с нашим временем!

Абсолютное большинство людей в современных западных обществах умирает в больницах или приютах. Смерти происходят вдали от привычной для умирающего обстановки и часто в тайне от самого умирающего, которому внушают ложную надежду на скорейшее выздоровление (и поэтому он не понимает, что с ним происходит) или которого накачивают наркотиками до невменяемости. А извещение о смерти нередко появляется уже после похорон.

Что же это все означает?

Это можно рассматривать как отражение нашего типа общества. Мы меньше вовлечены в жизни друг друга, а следовательно, и в смерти друг друга, и мы почти не включены в сеть обязательных связей. Современные похороны отражают и подчеркивают эти особенности. Они символизируют очередную упущенную возможность эмоционального сопереживания, как и упущенную возможность для воссоединения вопреки житейским неурядицам.

Тем не менее еще не все утрачено. В целом похороны остаются одной из немногих оставшихся нам площадок для открытого выражения искренних чувств. Слезы тут воспринимаются не как признак слабости, а как знак причастности к человеческому роду. Кто-то может проливать и крокодиловы слезы, но этот термин лишь подчеркивает, сколь презираемы те, кто скорбит по покойному неискренне.

В общем, можно смело сказать, что похороны являются ареной эмоционального поведения. Это место для выражения скорби ради выражения чувства скорби. Сухой рационалист может упрекнуть нас в том, что мы пренебрегаем благоприятной возможностью: почему бы не вывесить в церкви или крематории плакаты с призывами: «Если бы он не курил, нас бы сегодня тут не было!», или «Курение убивает», или

«Не садитесь за руль пьяными!», «Ешьте больше фруктов!». Но этого – что нам доподлинно известно – делать нельзя.

В качестве предварительного вывода можно сказать: смерть и помертвые ритуалы все еще имеют значение, в частности для каждого из нас. Но мы все меньше имеем дело с подлинной смертью, а все больше – с ее пластиковым суррогатом. Смерть, в которой мы в наибольшей мере соучаствуем, это смерть, освещаемая в СМИ, то есть смерть, которая одновременно нам близка и чужда. Дома, на экране телевизора, мы постоянно наблюдаем смерть, а сами одновременно едим, моем посуду, играем с детьми. Одного взгляда на телеэкран достаточно, чтобы стать свидетелем массовых убийств в Ираке, Афганистане или Палестине. Желая проветрить мозги, мы смотрим кровавый триллер. Словом, мы окружены пластиковыми суррогатами смерти, мы свыклись с привычностью смерти.

Меньше, что объединяет, и больше, что разъединяет

Смерть и похороны утратили в нашем обществе важное значение, а преступления и наказания, напротив, обретают все большее значение. И это обстоятельство имеет ряд важных социальных последствий.

Похороны нас объединяли в общем горе: враги забывали о конфликтах или держали свои обиды при себе. А вот уголовные суды являются ареной обострения конфликтов. Уголовные суды заняты установлением фактов: что произошло, как, когда... Обвиняемый сталкивается в суде со своим злейшим врагом – прокурором, но рядом с ним и находится и его друг – адвокат. Точно так же и со свидетелями: в зале суда находятся их потенциальные недруги, как среди представителей противной стороны, так и среди зевак с улицы. В такой ситуации приходится рассчитывать не столько на открытость и искренность, сколько на тщательно выверенные заявления и на строго дозированную информацию. В суде действует принцип: сиди и помалкивай, чтобы не ухудшить свое положение. Характерно, что закон вменяет давать правдивые показания только свидетелям, а вот от обвиняемого правдивости никто не требует.

Благие ценности – и ценности пагубные

Похороны – это пример ситуации, когда акцент делается на достоинствах человека, а не на его недостатках. Британские газеты знамениты своими беспристрастными оценками в некрологах общественным деятелям, и это обычно шокирует тех, кто живет вне Британских островов. Но в обыденной жизни на похоронах чаще принято вспоми-

нать о благих деяниях, о том, каким добрым человеком был покойный, каким хорошим он был отцом, прекрасным работником, приятным в общении другом. Действия, сопровождающие смерть ближнего, а потом и похороны, призваны выпукло представить положительные ценности жизни. Это своего рода возрождение положительных ценностей на примере биографии покойного.

Похороны знаменуют начало окончания периода оплакивания покойника. Ничего не изменишь – умер. И, как падает театральный занавес, гроб с телом исчезает... Слезы и отчаяние, а иногда и скорбное облегчение. И в умах живых рисуется картина идеалов, которые призван воплощать покойный.

В уголовных судах бал правят недостатки человека. Некто совершил некое прегрешение. Если так, то он или она должны за это пострадать! И в центре всеобщего внимания оказываются проступки. Положительные ценности вспоминаются лишь для того, чтобы с их помощью осудить эти проступки. На этот раз рисуется картина отвратительных деяний и мерзких людей. Эта картина становится воплощением порочности, а не добронравия. И возникает ситуация, при которой основные действующие лица покидают зал судебных заседаний неудовлетворенными, считая наказание слишком мягким. В памяти пострадавшего закрепится портрет ужасного монстра, попранные ценности останутся не восстановлены, а желание мести будет долго отравлять мысли.

Цельная личность – и части целого

О покойнике и его смерти не рассказывают все – нам становятся известны только отдельные эпизоды, которые только и можно обнаружить в подобной ситуации. И эти эпизоды никто из присутствующих никогда не подвергает сомнению: это не отвечает ничьим интересам, к тому же может быть сочтено незитичным. Мы вспоминаем о покойном только положительное, а когда приходится касаться его проступков или качеств противоположного свойства, мы прячемся за аббревиатурой RIP – покойся с миром¹.

И как же это не похоже на слушания в уголовном суде! Уголовные суды – это пафосные арены для концентрации внимания на осуждении и страдании. Виновен ли данный человек, и если да, то какова приемлемая мера страдания, которого он заслуживает? Во избежа-

¹ *Requiescet in pace* (лат.).

ние злоупотреблений в древности были выработаны процедуры и правила, символизируемые Юстицией – слепой дамой с мечом в руке и весами. Одинаковые по тяжести преступления дела должны получать одинаковую меру боли. Но преступления и преступники никогда не бывают одинаковыми. Поэтому их следует *сделать* одинаковыми. А сделать это можно, исключив осложняющую такие дела информацию. Подготовка юристов в значительной степени сводится к обучению навыкам отметить несущественную и поэтому неприемлемую для рассмотрения в суде информацию. И залы суда являются площадками для рассмотрения происшествия не во всей его полноте, а лишь тех фрагментов и частей, которые судебные специалисты сочтут релевантными. А то, что стороны считают имеющим важнейшее значение, может быть расценено как несущественное и по этой причине исключено из судебного протокола. Раз за разом мы слышим одни и те же жалобы от пострадавших и осужденных: «Самое ужасное в судебном заседании было то, что мне так и не дали рассказать все, как было».

Благодатная почва для восстановительного правосудия

В этой перспективе восстановительное правосудие можно рассматривать как альтернативу уродливой судебной практике в нашем современном обществе. Этот тип правосудия проявляется в разных формах. Но общим и важнейшим является попытка установить факты, причем факты в том виде, как их видят обе стороны. Установление фактов является принципиальной задачей в судах ряда латиноамериканских стран, освободившихся от военных диктатур. Что случилось? Где сейчас находятся исчезнувшие люди?

Мои внуки, живы ли они, и если да, то сейчас они уже взрослые, где они теперь находятся – здесь или в другой стране? Или: я знаю, что мою жену убили, но где ее останки? Или на более тривиальном уровне, у нас в Европе: вы меня ограбили – почему именно меня? Я подвергаюсь опасности новых ограблений? И что вы за человек, если вы могли это сделать? Вы породили у меня чувство тревоги и страха. Или, в еще более вопиющем случае: вы сломали мне жизнь, как же вы могли такое совершить?

---

² См: Vanspauwen, Kris, Stephan Parmentier, Elmar Weitekamp (готовится к публикации).

Миротворцы

Большинство форм восстановительного правосудия имеют еще одну общую черту: они стремятся тем или иным способом восстановить мир. Мир через установление истины². Мир, устанавливаемый через понимание причин совершения человеком этого поступка или путем принятия извинений или компенсации.

Уголовное право тоже утверждает, что примиряет тяжущиеся стороны, но часто это не находит подтверждений. Мое детство прошло в оккупированной и нацифицированной стране, и позднее я видел, сколь ничтожна была цена того мира, который восстанавливали у меня на родине с помощью жестоких наказаний в послевоенные годы. Наблюдая каждый день за уголовными процессами, я видел одно и то же: длинные очереди бедных бесправных людей на пути в тюрьму, а потом длинные очереди тех же самых людей, только еще более бесправных и искалеченных, на пути из тюрьмы на волю. Если наказание призвано иметь какой-то смысл в установлении мира, то на каждой улице, у каждого дома должны бы проходить митинги за то, чтобы выпустить всех заключенных. Они все должны выйти – все, кто уже искупил свои грехи! И в честь их возвращения домой должны устраиваться торжественные церемонии.

Не мечом единым

Главное отличие между уголовными судами и процедурами посредничества заключается в том, что в руке посредников нет меча. Они стремятся установить, что произошло, и надеются выработать некое решение, приемлемое для обеих сторон, но вовсе не стремятся решить, кто прав и кто виноват или какова должна быть мера наказания, если вина будет установлена.

Когда в руке нет меча, многое меняется. В частности, отпадает необходимость контроля за контролерами. Когда речь не идет о наказании, довод об одинаковом подходе к одинаковым делам перестает играть решающую роль. И посредники вовсе не столь решительно, как это делают уголовные судьи, стремятся ограничить информацию до рамок «юридически существенной». Существенно то, что считают существенным обе стороны. То, что дает простор для эмоционального поведения. Слезы, выражение гнева или радости становятся в данном случае возможными, а иногда даже поощряются. «Комиссии носовых платков» – так полупрезрительно называли иногда южноафриканские комиссии примирительного правосудия. Они были не аренами для хладнокровного перечисления аргументов с целью сделать вывод о степени вины или вынести решение о мере

сознательно причиняемого преступнику. Эта система не требует от сторон держать свои эмоции при себе.

О форме

Основополагающая черта восстановительного правосудия – это непредвзятое отношение к тому, что должно находиться в центре внимания суда. По мере возможности не используется терминология уголовного права. Одной из основных задач такого правосудия является неприменение таких терминов как «пострадавший» или «правонарушитель». Вместо этого говорится о «сторонах» конфликта. В духе такого подхода считается полезным «трактовать информацию с точки зрения сторон», стараясь выявить то значение, которое то или иное деяние имеет для участников процесса. Это самое главное. Потому что часто бывает так, что в суде обсуждаются не сами деяния, но их *значе-ние*, их предумышленность, намерение или способ осуществления. В основе же посреднического процесса лежит желание выявить вариации этого значения и тем самым – понять различия в истолковании того или иного деяния одной или обеими сторонами.

О преимуществах обычного языка

Ради безопасности гражданского – и цивилизованного – общества очень важно не падать в плен специальной терминологии. Возможно, большинство граждан высокоразвитых индустриальных стран гораздо лучше образованы, чем прежде. Но в то же время мы стали гораздо беднее в смысле языка. Узкопрофессиональные группы монополизируют слишком много специальных терминов. Особую опасность в нашем случае представляют профессиональные языки психиатров и юристов. Они толкуют нам природу вещей с помощью концепций, почерпнутых из учебников права и диагностических таблиц. Для избавления от господства специалистов полезнее было бы использовать повествовательные формы. Для посредничества, или восстановительного правосудия, необходимо и возможно позволить сторонам рассказывать свою версию происшедшего, вместо того чтобы события излагались события фрагментарно, в своей терминологии. Повествование, рассказ, даже лирическое произведение может быть более адекватным лингвистическим инструментом для взаимопонимания простых людей, какими все мы, в сущности, и являемся.

Освободившись от оков терминологии права и психиатрии, стороны смогут в большей мере принимать участие в решениях, касающихся их жизни.

Но если преступление совершено?

Чтобы поточнее выразить свою мысль, я скажу без обиняков, грубо: преступлений не существует. Деяний не существует, они *становятся* – и их значение создается во время их совершения. Преступление тем самым является продуктом культурных, социальных и интеллектуальных процессов. Для любых деяний, в том числе и тех, которые считаются общественно нежелательными, существуют десятки возможных способов их понимания; плохие, безумные, злонамеренные, уязвленное самолюбие, юношеская бравада, политический героизм – или преступление. Таким образом, «одни и те же» деяния можно рассматривать в рамках разных систем – судебно-правовой, психиатрической, педагогической или теологической. И, как сказано выше, в результате глубоких перемен в наших общественных системах, все большему числу нежелательных поступков придается значение преступлений. И пенитенциарная система в целом играет все более доминирующую роль.

Именно этому и противостоит восстановительное правосудие. И именно в этом заключается его значение для освобождения из плена терминологии уголовного права – «преступление», «пострадавший / преступник» или «мера наказания». Слова – опасные инструменты, они поработают наш разум, формируют наши мысли. В древности в долинах Норвегии совершалось немало убийств. Если же трое авторитетных мужчин показывали, что то или иное убийство стало результатом несчастного случая – например, в ходе игры или состязания между подвыпившими молодыми людьми, – тогда короля не извещали о происшествии³. Дело могло быть улажено с помощью компенсации – и в долине вновь воцарялся мир.

Грядущие опасности

Институты ресторативного правосудия становятся рупором человеческого горя, которое получает публичное выражение. В посредническом процессе нет узких рамок «существенного». Что существенно с точки зрения сторон, то существенно и для процесса. Это ритуал, которая создает возможность для выражения глубокой скорби. Это ситуация, которая дает возможность заявить, сколь ужасны понесенные утраты. Гнев и осуждение также могут быть выражены, так как они не связаны напрямую с решениями о степени вины или с тем, в данной ситуации будет признано адекватной мерой страданий для

³ К счастью, его трон в то время находился очень далеко – в Дании.

виновника. Это форум для выражения горя и обвинения, но без сопутствующих решений о причинении виновному страданий.

Организации для посредничества или восстановительного правосудия создают возможности для конвертации гнева в горе, в то время как уголовный суд в значительной степени санкционирует гнев и ожесточение и зачастую лишь обостряет эти чувства. Суд – это площадка, специально подготовленная для конфронтации и вражды, и наказание часто будет расцениваться как «неправильное» обеими сторонами.

Гнев может привести к разрушительным последствиям и к обострению конфликта. Горе может, при известной поддержке, привести к облегчению и к возможности установления мира.

Похоронные церемонии и заседания уголовного суда являются площадками несомненной важности в большинстве современных обществ. Мы не можем представить жизнь без смерти. И большинство из нас не может представить смерть без некоего церемониального финала. Когда тело предположительно умершего человека не обнаружено, скорбь по покойному преодолеть куда труднее. Мое предположение заключается в том, что ритуалы восстановительного правосудия мало-помалу будут расцениваться как вполне естественная практика любого нормально функционирующего общества. Именно это и происходит сейчас на наших глазах.

И отлично! Нет, не совсем. Ничто не имеет более разрушительного эффекта, чем успех. Многие обращают внимание на уровень активности, энтузиазм и развитие в этой сфере. В некоторых странах она стала даже развивающейся индустрией. И это обстоятельство подрывает некоторые основополагающие идеи ресторативного правосудия, в частности мысль о том, что простые люди должны сами улаживать свои конфликты, а также что окружающее их общество должно быть вовлечено в процесс примирения. Именно эта идея в наши дни обретает беспрецедентную важность. Мы живем в ситуации, когда важнейшие компоненты гражданского общества ослаблены. Это особенно справедливо в отношении так называемых «высокоразвитых обществ», что является результатом развития системы всеобщего образования в этих обществах. Все большая часть населения получает среднее или высшее образование, причем часто без конкретной специализации. Это означает, что люди получают высшее образование, не имея представления, где его применить. Но им нужно чем-то зарабатывать на жизнь и они жадно ищут возможность использовать свои знания. Конфликты? Отлично! Предприниматели организуют специальные учебные курсы, открывают фирмы – и мало-помалу у нас появляется новая про-

фессия: «посредник». Еще одна специальность! Это хорошо для тех, кто теперь может этим зарабатывать себе на жизнь, но при этом гражданское общество лишается еще одной возможности заявить о себе. Оно лишается доступа к важной задаче, для решения которой могут объединиться простые граждане. И вместо укрепления гражданского общества это новое направление способствует ослаблению его роли. Мы ведь знаем, что посредники более компетентны в этой области – и мы отказываемся от своего решающего голоса. И очень скоро окажется, что у граждан не осталось никаких общих задач и мы все можем преспокойно заняться своими личными делами, оставив все на милость экспертов. Они-то уж точно знают, как лучше.

Перевод с английского Олега Алякринского

Социология о пытках в современной России

В России проблема применения пыток имеет чрезвычайную и печальную значимость. Масштабы и безнаказанность пыток и жестокого обращения со стороны органов «правопорядка» серьезно угрожают жизни и здоровью, правам и свободам жителей страны, всей системе правосудия, основам гражданского общества и государственности. Особую актуальность эта проблема приобрела с наведением так называемого «конституционного порядка» на Северном Кавказе, а затем «борьбы с терроризмом». Масштабные акции проверок паспортного режима, применение вооруженных формирований в экономических спорах, нагнетание средствами массовой информации (СМИ) атмосферы насилия и жестокости под лозунгом войны с криминалом формируют опасное представление о верховенстве силы, а не закона.

Некоторые виды пыток распространены в различных регионах России и подробно описаны в прессе и специальной литературе («слоник» – применение противогаса с прерыванием дыхания, «ласточка» – растяжка на веревках, «распятие Христа» – название говорит за себя, «конвертик» – пытаемого складывают как конверт для отправки, и др.). *Пытки стали повседневной практикой*, заставившей «Общую газету» в конце 1990-х годов открыть постоянную рубрику «Пытки как будни России», а «Новую газету» – рубрику «Общественный вердикт», посвященную той же теме. *Никто не застрахован от возможности стать жертвой нашей милиции*. Известны случаи применения пыток к аспирантам МГУ, офицерам российской армии, да и к самим сотрудникам милиции... Избивается население городов (Благовещенск и др.). Огромный эмпирический материал о

применении пыток в современной России представлен в многочисленных литературных источниках¹.

В течение последних лет органами власти России никаких реальных мер для пресечения пыток не было принято. Об этом свидетельствуют самые последние сообщения российских и международных правозащитных организаций. Не были устранены *причины*, обуславливающие пыточную вакханалию.

С нашей точки зрения, а также по мнению многих опрошенных нами экспертов, широкое применение пыток вызвано, *во-первых*, утратой профессионализма работников дознания и следствия (в силу разных причин – низкая оплата труда, уход профессионалов в бизнес и частные охранные структуры, растущая коррупция, приводящая к изгнанию «белых ворон» – сотрудников, не берущих взятки, и др.), когда вместо тщательного поиска и исследования объективных доказательств совершенного преступления обращаются к самому «простому»: вымогательству «признательных» показаний подозреваемого и обвиняемого путем угроз, обмана и – пыток.

Во-вторых, «раскрытие» преступлений путем применения пыток подстегивается требованиями руководства – «быстрее, быстрее» – и таким показателем оценки работы милиции, как «раскрываемость преступлений».

В-третьих, безнаказанность недозволенных приемов расследования, включая пытки. На практике привлечение к ответственности виновного в применении пыток сотрудника правоохранительных органов является редчайшим исключением. Безнаказанность пыток обусловлена все теми же требованиями поднять «раскрываемость», рас-

---

¹ *Абрамкин В.Ф.* Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996; Закон и его жертвы. Татарстан. Казань, 2004; «Индекс: Досье на цензуру», №№7–8 (Страна и ее заключенные), №18 (Евроремонт ГУЛАГа); Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия судебной реформе. 1997; «Неволя» (ежеквартальный журнал выходит с 2004 г.); Положение заключенных в современной России. Доклад и тематические статьи. М.: Московская Хельсинкская группа, 2003; Пытки в России: Хроника 1988–1998 гг. // К праву. Информационный бюллетень, 1998, вып. 5; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Международная амнистия, апрель 1997; Пытки. Преступления без наказания. Н. Новгород: Комитет против пыток, 2004; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Львова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004–2005 г. М., 2005; Российский вестник «Международной амнистии».

крыть преступления, находящиеся «на контроле» руководителей органов МВД, регионов, государства, явным нежеланием руководства служб МВД и органов прокуратуры осуществлять эффективный надзор за соблюдением органами милиции законности в процессе дознания, предварительного следствия, при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, а также полным пренебрежением к таким фактам со стороны судебных органов.

В-четвертых, нравственная деградация многих сотрудников правоохранительных органов, относящихся безразлично или даже с «удовольствием» (садизм) к пыткам людей. Нередко «совестливые» (например, следователи прокуратуры) спокойно передоверяют «черную работу» – пытки – сотрудникам милиции.

Отдельная тема – пытки в пенитенциарных учреждениях.

Сами условия нахождения в СИЗО, а то и в исправительных колониях (ИК), носят пыточный характер (о чем прямо говорил начальник ГУИН МВД РФ, а затем и ГУИН МЮ генерал Ю.И. Калинин: «Условия в наших следственных изоляторах по международным нормам можно квалифицировать как пытки. Это лишение сна, воздуха, пространства»). В пенитенциарных учреждениях имеют место пытки как для получения «признательных показаний» от подсудимых в СИЗО, так и в целях наказания «злостных нарушителей режима» в ИК. Незаконным физическим воздействием в отношении задержанных грешат сотрудники различных служб милиции. Не представляет исключения персонал пенитенциарных учреждений. В СИЗО имеются так называемые «пресс-хаты» – камеры, в которые помещают подсудимых, не признающих свою вину, и где роль палачей выполняют другие заключенные, разумеется, за определенные льготы². Печальную известность приобрели «Белые Лебеди» – пыточные колонии, куда направлялись «злостные нарушители режима» из других ИК. Факты пыток многократно зафиксированы в прорвавшихся на волю жалобах заключенных, представителями отечественных и международных правозащитных организаций.

Надо ли напоминать, что применение пыток противоречит ст. 5 Всеобщей декларации прав человека (1948), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), ст. 3 Европейской кон-

² См., например, о пыточной камере №721 Петербургского СИЗО в: Распятие в «Крестах»-2 // Час Пик, 1998, 4 марта.

венции о защите прав человека, ст. 21 Конституции Российской Федерации и само признается уголовным преступлением (ст. 302 УК РФ)?

Россия как участница различных международных организаций неоднократно получала от мирового сообщества рекомендации, связанные с устранением причин пыток. Так, в 1994 году решением Будапештской конференции ОБСЕ Россия, в числе прочих участников, приняла обязательства «вести дело к искоренению пыток, расследовать все заявления о случаях применения пыток и преследовать виновных в судебном порядке, включать в свои программы обучения и подготовки личного состава сил по поддержанию правопорядка и полиции конкретные положения, имеющие целью искоренения пыток» (п. 20 Решения).

С 13 по 16 мая 2004 г. Комитетом против пыток рассматривался 3-й периодический Доклад России по соблюдению Конвенции против пыток. Правозащитными организациями России был подготовлен Альтернативный доклад. В его составлении принимали участия эксперты Комитета против пыток и Московской Хельсинкской группы.

По итогам рассмотрения Доклада Комитет признал факты «многочисленных и постоянных заявлений о распространении пыток, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов»; «устойчивой системы безнаказанности пыток и иного жестокого обращения, чрезвычайно низкое количество лиц, осужденных за нарушение Конвенции»; «фактический отказ судей принимать во внимание представленные обвиняемым доказательства применения пыток и жестокого обращения, выливающийся в общую практику отсутствия расследования и преследования подобных случаев». Комитет также выразил озабоченность условиями содержания заключенных, проблемой дедовщины в армии и особо ситуацией в Чечне. Только что – 13 ноября 2006 года – международная правозащитная организация Human Rights Watch представила в Женеве доклад о пытках в Чечне как со стороны федеральных сил (в частности, сотрудников Второго оперативного расследовательного бюро МВД РФ), так и кадыровскими формированиями³.

Решением Европейского Суда по правам человека с Российской Федерации взыскано 250 000 евро в пользу Михеева, искалеченного в результате пыток. Михеева – сотрудника милиции! – пытали, добиваясь «чистосердечного признания» в убийстве девушки, которая впоследствии оказалась жива и невредима... Сотни подобных дел ожидают рассмотрения Европейским Судом по правам человека, по несколь-

ким делам вынесено решение против России (в частности, по делам «Имакаев против России», «Лулуев и другие против России»).

Было констатировано широкомасштабное применение пыток и насилия, происходящих в стране, что усугубляется отсутствием какой бы то ни было системы контроля и защиты от пыток. Это отражает состояние государственной политики не признавать проблему пыток и, на основании этого – отказываться принимать меры, направленные на ее изменение. Так, несмотря на очевидность многочисленного применения пыток в России, количество зарегистрированных *фактов* принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) и *лиц*, выявленных в совершении этого преступления, смехотворно мало: 2001 год – соответственно 19 и 3; 2002 год – 18 и 4; 2003 год – 2 и 0 (!); 2004 год – 4 и 0 (!)⁴. Неудивительно, что, по данным московских исследователей, коэффициент латентности (неучтенности) принуждения к даче показаний в 2002 год составил 70,73⁵.

Однако ставшие достоянием правозащитных организаций и СМИ факты применения пыток не дают еще представлений о *масштабах* этого явления в стране. Поэтому в 2005 году было проведено соответствующее социологическое исследование по инициативе НРОО «Комитет против пыток» (Нижний Новгород) и при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.

Целью проекта являлось выявление **масштабов распространности** пыток в России и ее регионах путем комплексного изучения ситуации по практике применения пыток.

При этом под *пыткой* в полном соответствии со ст.1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (10.12.1984.), понималось «любое действие, которым какому либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать его или принудить его или третье лицо или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причи-

⁴ Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 318.

⁵ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (статистический сборник). М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 2004. С. 10.

няются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». Под понятие «пытка» не подпадают действия, связанные с *законным* применением силовых санкций.

В пяти регионах страны (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, республика Коми, Чита) проводился массовый репрезентативный квартирный опрос *взрослого населения* (с 16 лет) по специально разработанной анкете. Анкета состоит из двух блоков: «А» – для всех опрашиваемых и «В» – для тех из опрошенных, кто подвергался физическому или психическому насилию со стороны сотрудников милиции.

Всего было опрошено: в Санкт-Петербурге – 2005 человек, в Пскове – 600 человек, в Нижнем Новгороде – 1000 человек, в Коми – 1101 человек, в Чите – 859 человек.

Исследования в этих регионах проводились профессиональными группами социологов (в Санкт-Петербурге – Центром девиантологии Социологического института РАН).

В трех регионах были проведены интервью с *экспертами*, к числу которых относились: в Санкт-Петербурге – 2 адвоката, 3 сотрудника милиции, 2 правозащитника, по одному – сотрудник прокуратуры, судебный медик, лицо с криминальным опытом; в Нижнем Новгороде – 4 адвоката, 4 сотрудника милиции, 2 сотрудника прокуратуры; в Чите – 7 сотрудников прокуратуры, 3 адвоката, 3 медика, по одному – правозащитник, судья.

В Коми и Чите были осуществлены опросы *заключенных* по анкете, учитывающей насилие над подозреваемыми, совершаемые до их осуждения и направления для отбытия наказания. Это условие освобождало осужденных от необходимости отвечать на вопросы, связанные с пребыванием в пенитенциарных учреждениях.

Кроме того, в Санкт-Петербурге был проведен *уличный опрос*, всего опрошено 540 человек.

Каковы же краткие результаты проведенных исследований?

Жертвы пыток

Из числа опрошенных жителей подвергались пыткам со стороны сотрудников милиции (незаконное или неоправданно жестокое насилие) в течение 2004 года: в Санкт-Петербурге – 68 чел., или **3,4%** опрошенных; в Пскове – 28 чел., или **4,7%** опрошенных, в Нижнем Новгороде – 34 чел., или **3,4%** опрошенных, в Коми – 51 чел., или **4,6%** опрошенных, Чита – 39 чел., или **4,5%** опрошенных. Средний показа-

тель по всем регионам – **4,1%** респондентов подвергались в течение *одного только года* (2004) пыткам (незаконному физическому или психическому насилию).

Совершенно очевидно, что кумулятивный (накопительный за ряд лет) процесс даст значительно больший удельный вес жертв пыток среди населения. Это логичное предположение подтверждается результатом уличного опроса в Санкт-Петербурге. На вопрос «Можете ли Вы припомнить *за всю жизнь* случаи применения сотрудниками милиции в отношении Вас насилия, которое Вы определили бы как незаконное?» положительно ответили **21,3%**. При этом только за **2005 год** такому насилию со стороны работников милиции подвергалось, со слов респондентов, **5,9%**.

Кроме того, по мнению респондентов, в целях воздействия на них – получения признаний и иных сведений, запугивания – применялись пытки в 2004 году *к третьим лицам* (родственникам, друзьям, коллегам): в Санкт-Петербурге – **1,5%**, в Пскове – **1,2%**, в Чите – **3,3%**, в Нижнем Новгороде – **0,2%**, в Коми – **1,0%**.

Респондентам было известно, что в 2004 году применялись пытки к кому-либо из ближайшего их окружения (родственники, друзья, коллеги) без цели воздействия на респондента: Санкт-Петербург – **9,3%**, Псков – **7,9%**, Чита – **17,7%**, Нижний Новгород – **12,3%**, Коми – **14,9%**.

Отношение населения к пыткам

Практически по всем вопросам, характеризующим пытки в стране, во всех регионах большинство респондентов согласилось с их значительной распространенностью.

Так, с утверждением «*Невиновных не пытают*» **не** согласны: в Санкт-Петербурге – **51,9%** респондентов, в Пскове – **47,7%**, в Нижнем Новгороде – **58,9%**, в Чите – **64,5%**, в Коми – **68,6%**.

За *необходимость специальных мер против пыток в милиции* выступают 80,7% петербуржцев, 68,3% псковитян, 73,4% нижегородцев, 85,1% жителей Коми, 77,5% читинцев.

«Вполне вероятно», что респонденту, его друзьям и близким *потребуется реальная защита от пыток* считают **47,6%** опрошенных жителей Петербурга, **46,5%** жителей Пскова, **53,0%** жителей Нижнего Новгорода, **62,6%** жителей Коми, **57,1%** читинцев.

Проблема пыток *не получает должного освещения* в СМИ по мнению 45,4% петербуржцев, 38,2% псковичей, 50,3% нижегородцев, 39,3% жителей Коми, 41,1% читинцев.

Считают, что *пытки применяются* в России: в Санкт-Петербурге – **64,3%** (в том числе, применяются систематически – 27,9%), в Пскове – **56,0%** (в том числе, применяются систематически – 26,5%), в Нижнем Новгороде – **64,4%** (в том числе, систематически – 35,4%), в Коми – **72,7%** (в том числе, систематически – 30,9%), в Чите – **54,6%** (в том числе, систематически – 20,8%).

В Петербурге и Пскове наибольший удельный вес респондентов, верящих в то, что в России невиновных не пытаются. В других трех регионах таких наивных людей намного меньше.

Лица, отбывающие наказание

В отношении заключенных, отбывающих наказание в Коми, сотрудниками милиции того региона, где проводилось расследование уголовного дела, применялось *незаконное или неоправданно жестокое* физическое насилие или угроза физического насилия в отношении **39,0%** (в том числе многократно – в отношении 10,1%) респондентов. В отношении заключенных, отбывающих наказание в читинском регионе, сотрудниками милиции того региона, где проводилось расследование уголовного дела, применялось *незаконное или неоправданно жестокое* физическое насилие или угроза физического насилия в отношении **61,3%** (в том числе многократно – в отношении 21,3%) респондентов.

Как видим, доля подвергающихся пыткам среди заключенных значительно выше, чем среди населения. Именно те, кто привлекается к уголовной ответственности, в большей степени являются «группой риска» стать жертвами физического насилия со стороны сотрудников милиции. Особенно явно это проявляется в *мотивах* такого воздействия. Так, 40,0% опрошенных заключенных в Коми и 56,7% – в Чите сообщили, что они подвергались незаконным физическим воздействиям в целях принуждения к явке с повинной, к даче показаний против себя и других лиц (либо в пользу других лиц) или к отказу от дачи показаний. И эта мотивация существенно выше среди всех иных мотивов применения пыток.

Некоторые характеристики применяемых пыток, мотивов и субъектов применения

В большинстве регионов применяется большинство перечисленных в анкете *методов* физического насилия. Как и следовало ожидать, чаще всего встречаются избиение, содержание в холодных помещениях и антисанитарных условиях, а также принудительные позы, включая подвешивание, бросание, растягивание, выкручивание рук и т. п. Значительно реже – применение электротока, погружение в воду

(кроме Коми, где было, со слов респондентов, 20 таких случаев), прижигание и иные пытки с использованием кипятка и горячих (раскаленных) предметов. Кроме того, респонденты упоминали угрозы оружием, тюрьмой, физическим и сексуальным насилием.

Аналогичные тенденции прослеживаются в ответах заключенных.

Среди *мотивов* применения пыток преобладают издевательство, кураж, вымогательство (вещей и / или денег), а также принуждение к явке с повинной, к даче показаний против себя и других лиц. «Экзотикой» являются месть и пытки за участие в акциях протеста, гражданского сопротивления и за жалобы на произвол.

В большинстве регионов наиболее причастными к незаконному применению насилия относятся *сотрудники* патрульно-постовой службы и следственных отделов милиции. Относительно мало причастны к применению пыток сотрудники ФСБ, прокуратуры (кроме Коми), судебные приставы (кроме Коми).

В качестве примера несколько подробнее расскажем об уличном опросе в Санкт-Петербурге. Как уже отмечалось, из 540 опрошенных на улице петербуржцев **21,3%** когда-либо в течение жизни подвергались незаконному насилию со стороны сотрудников милиции, а **5,9%** подвергались таковому в 2005 год.

В числе опрошенных было 48,3% мужчин, 51,7% женщин (что соответствует гендерному составу жителей города), с неполным средним образованием – 8,3%, со средним (общим и специальным) – 41,1%, с незаконченным высшим – 15%, с высшим – 35,6%. Возраст опрошенных: 18–30 лет – 26,1%, 31–49 лет – 31,5%, 50–64 года – 26,5%, 65 лет и старше – 15,9%. Отнесли себя к: учащимся – 10,6%, пенсионерам – 20,2%, домохозяйкам – 3,5%, безработным – 3,9%, военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов – 3,1%, рабочим, техникам, служащим средней квалификации – 27,6%, гуманитарной интеллигенции – 13,1%, технической интеллигенции – 7,4%, государственным чиновникам – 1,5%, предпринимателям, менеджерам, фермерам – 8,0% (иных – 1,1%).

По внешнему виду респондентов (оценка интервьюеров) среди них были 3,5% с чертами кавказской, среднеазиатской, арабской внешности, 2,0% – с монголоидной (китайской, корейской) внешностью, 8,0% с чертами социальной неустроенности, алкоголизма, 4,4% с признаками принадлежности к молодежной субкультуре.

На вопрос «Вы больше опасаетесь преступников или милиции?» 11,9% ответили – милиции, 40,9% – преступников, 36,7% – в равной степени.

Чувствуют себя абсолютно (34,8%) и скорее (33,9%) **не защищенными от физического насилия над собой – 68,7% опрошенных го-**

рожан. Чувствуют себя скорее защищенными – 11,7% и полностью защищенными – всего 4,1%.

Следует заметить, что в Петербурге и ранее (по другим поводам) задавались вопросы о защищенности горожан. Так, весной 2000 года, по данным Л. Кесельмана и М. Мацкевич (Социологический институт РАН), 46% респондентов уверенно ответили «нет» на этот вопрос и 25,5% сомневались в своей защищенности. Защищенными чувствовали себя 16,5%. Весной 2002 года, по данным тех же исследователей, защищенными чувствовали себя всего 14,5%, а не защищенными – 67%, в том числе абсолютно незащищенными – 40% и скорее незащищенными – 27%.

Анализ корреляционных зависимостей показал, в частности, что в Петербурге наибольший риск подвергнуться насилию со стороны сотрудников милиции в 2005 году был у мужчин (в 2,9 раза выше, чем у женщин), у представителей возрастных групп до 30 лет и 31–49 лет (минимальный – у тех, кому 65 лет и старше), с незаконченным высшим и с высшим образованием (!). В профессиональном отношении группами повышенного риска оказались учащиеся, безработные, представители гуманитарной интеллигенции, чиновники и предприниматели, наименьший риск – у пенсионеров, домохозяйек, незначительный риск у представителей технической интеллигенции.

В заключение следует отметить, что результаты опроса *всех* категорий респондентов – населения, заключенных, экспертов – во *всех* обследованных регионах свидетельствуют в целом (при некоторых региональных различиях) об **аналогичных тенденциях практики применения пыток** по *всем* значимым параметрам: *частота* применения (с очевидным преобладанием среди заключенных), *методы* физического насилия, *мотивы* применения пыток, причиненный жертвам *ущерб*. Этот вывод тем более значим и убедителен, что опросы в каждом из регионов осуществлялись по *единой* методике, но *различными* профессиональными исследовательскими коллективами, что исключает возможность предвзятости и умышленного искажения результатов.

Общий вывод: совокупность результатов репрезентативного опроса населения пяти регионов, опроса заключенных в двух регионах, опроса экспертов в трех регионах о применении пыток к самим респондентам и к их близким (как в целях воздействия на респондента, так и без этой цели, по другим «основаниям») свидетельствует о значительной распространенности пыток со стороны сотрудников российских «правоохранительных» органов.

ФОНД «В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ»

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Декларация

Создание Фонда «В защиту прав заключенных» – это попытка объединить силы людей, так или иначе занимающихся проблемами нарушения прав заключенных. Наш Фонд – правозащитная организация.

Мы будем оказывать помощь тем заключенным, чьи права нарушаются или нарушены, вне зависимости от того, кто они, в какой колонии содержатся, является ли они жертвой судебной ошибки или несут свое наказание в соответствии с законом.

Мы осознаем и понимаем, насколько трудно обществу понять мотивы и деяния людей, которые привели их в места заключения. Многие заключенные – не классические жертвы с чистым прошлым и ясным будущим. Они преступили закон, но за это уже понесли суровое наказание, потеряв свободу, оказавшись изолированными от общества, родных и близких, лишившись многих своих прав. Но и им, как и другим гражданам нашей страны, Конституцией РФ гарантированы неотъемлемые права человека.

Никто не имеет права их пытать, бить, убивать, унижать человеческое достоинство, подвергать пыткам, истязаниям и насилию. Тем более это не должны делать законные представители общества в лице сотрудников правоохранительных органов и системы исполнения наказаний.

Мы понимаем, что без объединения усилий всех заинтересованных сторон, без участия органов власти, представителей пенитенциарной системы, общественности, бизнесменов, предпринимателей, адвокатов, журналистов, простых граждан такую проблему не решить.

Мы открыты для диалога и совместной работы и готовы принять любую Вашу помощь.

А.Б. Мезяев
**Смертная казнь и современное
международное право**
М.: Права человека, 2004. 252 с.

Проблема смертной казни является одной из самых острых и сложных проблем, стоящих перед человечеством. Сложность увеличивается в связи с тем, что для ее решения необходимы исследования не только юристов, но и политологов, социологов, историков, антропологов, философов и специалистов многих других отраслей знаний. В то же время в правовых научных исследованиях проблема смертной казни фактически «приватизирована» специалистами по уголовному праву и криминологии. Однако данная проблема является объектом не только уголовно-правового, но и конституционно-правового и международно-правового регулирования.

В настоящей книге проводится первая в советской и российской юридической литературе попытка комплексного исследования проблемы смертной казни с точки зрения международного права. Конечно, имея в виду междисциплинарный характер этой проблемы, в работе используются достижения и других юридических наук.

В настоящее время 86 государств мира полностью отменили смертную казнь за все преступления, 151 государство отменили этот вид наказания за все преступления, кроме военных, 26 государств отменило смертную казнь *de facto*. Таким образом, на начало 2006 года общее количество государств, не применяющих смертную казнь, составило 122. 73 страны сохраняют смертную казнь в своем законодательстве, однако «главное» место среди них занимают четыре государства – Иран, Китай, Саудовская Аравия, США, где совершается абсолютное большинство казней (в 2005 году – 94% всех казней, произведенных в мире).

Проблемы, связанные со смертной казнью в России, имеют особо сложный характер, поэтому надеемся, что знание и правильное использование международного права поможет решить хотя бы часть из них.

Из Введения

**КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОС:
ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ
(РОССИЯ И ФРАНЦИЯ, 1970 И 2000-е)»
24–25 сентября 2006 г.**

Полностью материалы конференции будут опубликованы на сайте Центра им. А. Сахарова.

Александр Бикбов

Борьба против систем наказания как инструмент познания

Перекрестье перспектив

Исходным импульсом к организации этой конференции стало удивление. Оказалось, что в 1970-х во Франции были политзаключенные. Французское правительство прибегло к практике политзаключения именно в тот период, когда недавно возникшее в СССР правозащитное движение с надеждой глядело в священную даль «цивилизованного мира». Франция неоспоримо принадлежала к этому ряду «цивилизованных стран». И тем не менее там тоже были политзаключенные. Кроме того, оказалось, что в совсем иной политической и интеллектуальной ситуации во Франции начала 1970-х возникла инициатива, по своим задачам близкая правозащите советского периода. Этой инициативой была Группа информации по тюрьмам. Эта Группа оказалась неожиданно близка и разительно не похожа на объединения за права человека в СССР. Как и в СССР, она стала результатом деятельности интеллектуалов, не согласных мириться с текущим положением дел. Как и в СССР, за именами известных и во многом «неприкасаемых» участников стояла работа целой сети анонимных и полуанонимных активистов и исследователей. Но политические предпочтения участников были так же далеки от демократических, как их цели – от реформы системы наказаний. В отличие от советских правозащитников они не желали «исправить» систему или заставить исполнять законы. Мишелю Фуко, который был одним из организаторов и активистов этой Группы, тезис исправления был чужд в корне. Речь шла о том, чтобы выработать знание о тюрьме. Но такое знание, которое взорвало бы ее изнутри.

Чем важна эта невероятная при иных обстоятельствах встреча в Москве между российскими диссидентами и левыми французскими активистами? Хотим мы того или нет, но 1970-е, с их техниками и задачами, остаются той ситуацией, к которой так или иначе возвращаются практика и теория работы с тюрьмами: совершенно точно – в России, очень вероятно – во Франции. Прежде всего потому, что многие современные организации и само существование светских движений вокруг тюрем – это результат динамики конца 1960-х – 1970-х годов, со всеми теперь уже понемногу исчезающими из коллективной памя-

ти политическими обстоятельствами. Возникновение таких одновременно схожих и разнящихся инициатив в СССР и Франции, по обе стороны «железного занавеса», заслуживает особого внимания. Но обсуждать изолированно ситуацию 1970-х сегодня бессмысленно. Потому что она по-прежнему «заряжена»: в ней обнаруживаются недостающие смыслы, ориентиры, альтернативы по отношению ко всему тому, что происходит сейчас в поле борьбы против репрессивных систем и деятельности по их «смягчению».

Возможность получить ответ на некоторые актуальные вопросы – это поставить их так, чтобы они оказались в «перекрестье» редко соединяемых перспектив: хронологических (1970-е и 2000-е) и политических (Россия и Франция). Потому и участники конференции, которых я пригласил представить свои свидетельства и анализ, принадлежат к разным поколениям и обладают несхожими политическими предпочтениями. Замысел этой встречи – не устранить исходные различия между ними, а воспользоваться этими различиями как ресурсом знания и действия.

Знание как ставка в борьбе

Знание является ключевым элементом борьбы с системами наказания – этот факт демонстрирует вся ее недавняя история. В 1970-х и позже знание о тюрьме не просто используется оппозицией в противостоянии официальным органам. Оно выступает мотивом этой борьбы: не во имя обретения власти знать, что происходит в тюрьмах, а брать на себя власть, чтобы знать о том, что власть скрывает. В этой ситуации формула Фуко «Тюрьма – это аппарат познания» имеет совершенно реалистичский и практический смысл. Во-первых, потому что тюрьма производит классификации, которые неотделимы от телесных перемещений: она сначала устраняет преступников из мира законопослушных, а затем непрерывно тасует заключенных по режимам содержания, разделяет по мотивам и актам поведения, типологизирует по склонности к преступлению или к исправлению и т. д. В виде приобретенных в тюрьме привычек и мыслительных схем эти классификации попадают обратно в «законопослушный» мир, срастаясь с его здравым смыслом.

Во-вторых, познавательный эффект, связанный с тюрьмой, обеспечен тем, что тюрьма – это «сильный институт», который создает зону молчания, зону стыда и запрета, зону ложных представлений, начиная с политических угроз, заканчивая героической блатной мифологией. Само существование тюрьмы – это вызов для воли к знанию. Рутинная работа тюремной машинерии, которая непрерывно производит собственные классификации, задает своеобразные гравитационные ис-

кажения реальности. И, получив минимальный политический заряд, оказывается вызовом для тех, кто претендует на обладание истиной об этой реальности. Неслучайно техники информационной борьбы против тюрем и в СССР, и во Франции разрабатывают прежде всего ученые и интеллектуалы, для кого запрет на знание предстает угрозой одновременно политической и профессиональной. Противодействие работе тюремной машины – это не только попытка освободить заключенных или улучшить их быт, это попытка разоблачить ложь и восстановить истину. Эти два аспекта, познавательный и политический, неразделимы так же, как в самой тюрьме знание не отделимо от насилия.

Но две истории борьбы и познания разворачиваются далеко не одинаковым образом.

История правозащитного движения в СССР сложилась так, что «критика власти велась на языке права» (Людмила Алексеева). Парадокс состоит в том, что язык права становится языком сопротивления. Правозащитник – это честный двойник судьи, причем правосудие рассматривается как прямое и личное отправление справедливости. По словам Л. Алексеевой, «у них [правозащитников] нет ни лидеров, ни подчиненных, никто никому не «поручает» никаких дел, а может лишь сам делать задуманное, если не будет добровольных помощников. Никто не имеет каких-либо обязанностей, кроме налагаемых собственной совестью»¹. Если в ряде моментов движение во Франции и в СССР были близки, то общий мотив действия – уже под гораздо большим вопросом: была ли «совесть» тем импульсом, который заставил Мишеля Фуко и его соратников по Группе восклицать «Невыносимо!»²? В СССР «совесть» и «задача возвращения людям чувства собственного достоинства» (Андрей Амальрик), реализованные в легалистской установке, были нацелены на восстановление порядка (как в «цивилизованных странах»).

Во французском движении репрессивные системы воспринимались как неотъемлемая часть именно этого «цивилизованного» порядка, и цели Группы были крайне далеки от восстановления порядка через правосудие. Скорее они были созвучны прямо противоположному маоистскому самоощущению «подлить масла в огонь народного восстания». Основной задачей было взорвать порядок изнутри, начав с того, чтобы лишить этот «сильный институт» тюрьмы монополии на молчание. Создать тюрьме такую контрвласть, которая давала бы реле-

¹ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР, гл. «Движение за права человека», раздел III.

² «Intolérable» – название серии брошюр, выпускавшихся ГИТ.

вантное ей контрзнание. В отличие от правозащитников участники французского движения не избегали слова «политика»: именно политизация всей тюрьмы, вместо герметичной защиты политзаключенных, стала залогом эффективности Группы.

Это – различия, которые наиболее заметны. И лишь исходная их констатация. Практическим результатом нашей встречи было бы не просто описание проблем и нарушений, но анализ того, как функционирует знание об этих проблемах, в каких обстоятельствах, как оно меняет режим власти, какие инструменты власти этому знанию препятствуют и какие лучше всего ему удовлетворяют.

Профессионализация или политизация?

В хронологической перспективе ключевым остается вопрос, который с начала 1990-х обсуждается в российских правозащитных кругах с неизменным смещением: эмоциональным, моральным, политическим. Хотя только прямой ответ позволяет понять изменения, которым подверглась правозащитная практика с момента ее легализации. С середины 1960-х до середины 1980-х годов правозащитное движение в СССР, как и движение вокруг тюрем во Франции начала 1970-х, делалось усилиями дилетантов – убежденных и образованных активистов, имевших другую, «основную» профессию. Правозащита как призвание принципиально не могла стать профессией, оставаясь политическим актом, даже если сами правозащитники в СССР дистанцировались от политического смысла своих действий. Но с момента, когда правозащита перестала попадать под статью об «антисоветской пропаганде», открылся путь к ее профессионализации, а вероятность активной политизации, напротив, снизилась.

Несмотря на то, что участники Группы информации по тюрьмам не были профессионалами и разрабатывали техники политической работы «на ходу», их опыт оказался во многом опережающим по отношению к практикам 2000-х во Франции и в России. Почему Группе, действовавшей недолго, непрофессионально и локально, удалось достичь такого успеха в превращении тюремного вопроса в национальную проблему? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего понять, что профессионализация подобных инициатив не является простым переводом из идейного измерения в техническое. Переход от активизма к профессиональной правозащите включает принципиальное изменение места правозащитника в отношениях власти. Что это значит?

В советских 1970-х правозащитник, как во Франции – активист, постоянно балансировали на грани ареста: из активиста было очень

легко стать политзаключенным. В этот момент главным ориентиром и оппонентом правозащитника или активиста выступала централизованная государственная администрация, Власть с большой буквы. В ситуации 2000-х, когда существует и действует большое число профессиональных правозащитных организаций, правозащитник тоже попадает в тюрьму, но уже с мандатом, подписанным самой этой Властью, то есть с разрешения государства. Если в 70-е годы неофициальное практическое знание о тюрьме – контрзнание – формировалось в квартирах и отчасти в нецелевом образом используемых помещениях НИИ (как это было в СССР), то в современной ситуации правозащитник попадает в тюрьму из офиса, из некоего центра легальной профессиональной деятельности. Приходя в тюрьму из офиса, с официальным разрешением, он оказывается вовлечен в очень сложные, двойственные отношения с той Властью, с которой боролись и которую пытались не замечать участники подобных инициатив 70-х.

Если говорить о современной России, правозащитник – все менее политизированная позиция. Это больше не честный двойник нечестного официального судьи (и вероятный политзаключенный) советского периода, делающий «наше дело», то есть оказывающий помощь политзаключенным. Это специалист, для которого главной целью выступает совместная с тюремной администрацией экспертиза быта уголовных заключенных с позиций международного права. Правозащитник уже не попадает в социальную категорию, из которой пополняются ряды заключенных: это не входит в число основных профессиональных рисков. По своим должностным обязанностям он приближается к фигурам, с которыми раньше ни при каких условиях не согласился бы себя отождествить – со специалистами, работающими внутри системы наказаний: тюремными воспитателями, врачами и т. д. Только в ситуации российских 2000-х правозащитник приходит извне. Как следствие, знание «о нас» (политических, каким оно было в 1970-е) превращается в знание «о них» (уголовных). Минувя ключевой пункт – «их» знание, голоса самих заключенных, которые были в центре инициатив французской Группы.

Второй очень важный момент, о котором Даниэль Дефер упоминает как о чем-то само собой разумеющемся, но который, с точки зрения профессиональной правозащиты, является парадоксом. Группа информации по тюрьмам с самого начала планирует самороспуск, что блокирует любую возможность профессионализации. Это не означает какого-то чрезмерного оптимизма ее участников: никто из них не верит, что тюрьма исчезнет как проблема. Это означает, что предметом своего политического знания и действия Группа не считает тюремную проблему как

таковую. Ее задачи политически очерчены: заранее планируемый предел существования – это создание организации самими заключенными.

В этом смысле, модель профессиональной правозащиты построена на принципиально ином восприятии не только знаний заключенных, но и времени собственного существования. Организация профессиональна настолько, насколько постоянно занимается своей проблемой. Удивительным образом эта установка согласуется с ощущением правозащитников 70-х: что «это никогда не кончится» и что при советской власти всегда найдется, кого защищать. А поскольку в 2000-х не приходится рассчитывать на исчезновение тюрем, профессиональная правозащита, работающая на их улучшение, все плотнее встраивается в систему их поддержания.

Политизация и работа на упреждение

Группа изначально не пыталась решать тюремный вопрос профессионально. Ее участники воспринимали свою инициативу как самостоятельно взятую контрвласть, обеспеченную технической компетентностью. Их действия ставили под сомнение существующий политический порядок. Работа Группы заключалась не в ответах на репрессивные акты официальной Власти, а в ряде хорошо обоснованных упреждающих провокаций, которые расширяли область публично доступного знания. Именно эти действия, в конечном счете, сделали тюрьму предметом широкого интереса.

Принципиально, что создание Группы предшествует возникновению тюремного вопроса: она порождает его своей активностью. Правозащитное же движение в СССР начиналось с ответа на репрессии – с подписания обращений к государственным органам, затем к международным организациям. Если я правильно понимаю, и далее в СССР акции были вызваны актами государственного насилия, которые воспринимались как незаконные. Схожими были средства получения информации, но не техники политической мобилизации. Ощущение, что Советскую власть опередить невозможно, вполне естественно сопровождало отказ от политизации.

Упреждающий характер инициатив Группы был гарантирован, помимо прочего, избытком культурного капитала ее участников, использованным по назначению. Это была деятельность, где активистские интересы практически неотделимы от интересов познавательных и даже академических. В создании опросников участвуют признанные социологи. А М. Фуко на одной из конференций в Канаде замечает: «На самом деле меня не интересует заключенный как личность. Меня

интересуют властные тактики и стратегии... Цель – это проблематика власти»³. Это высказывание говорит не о высокомерии Фуко в отношении заключенных, а о том, что в основе его активизма лежал очень сильный познавательный импульс. Групп работала с социальной реальностью, которая должна была бы хотя бы отчасти подтверждать или опровергать теоретические представления.

Кроме того, отбор свидетельств для публикации предполагал использование критериев доказательности, красоты – так или иначе вкусовой выбор. Это значит, что огромную роль в функционировании Группы играл интеллектуальный, отчасти журналистский вкус, который должен был удовлетворить сразу нескольким задачам: не нарушив политической истины, дать живое и наглядное представление о быте тюрьмы. Это, с моей точки зрения, также говорит об избытке культурного капитала, который был перенесен на тюремную почву и смог дать результат, оказавшийся интересным, необыденным и востребованным в пространстве СМИ.

По-моему, в России 2000-х существует немного инициатив, которые работают в таком же упреждающем режиме. Одна из тех, что мне известна, – Команда правовой безопасности Legal Team, которая была спроектирована и заработала до начала милицейских репрессий против участников Социального форума 2006.

Даниэль Дефер

История движения против пенитенциарной системы во Франции, 1970–1972

В парламентских демократиях ни уголовное, ни психиатрическое заключение по политическим мотивам считаются неприемлемыми.. Однако в истории Франции последнего полувека есть периоды, когда

---

³ Интервью 1976 г. «Иллегализм и искусство наказания», цит. по: *Casadamont G. Michel Foucault et le champ carcéral// Sociétés et représentations, 1996. №3. P. 294.* Автор статьи замечает, что подобное высказывание Фуко вряд ли позволил бы себе в самой Франции (в Канаде политическая самоцензура Фуко ослабевает в результате физического выхода из пространства борьбы).

политическое насилие, реализованное в действиях, попытках действия или выражении идей, пресекалось при помощи тюремного заключения и воспринималось как преступное в уголовном смысле слова. В такие моменты – когда преследовался коллаборационизм периода немецкой оккупации, во время антиколониальной борьбы, а также после мая 68-го – в тюрьме оказывались группы людей, чей социальный статус обычно не предполагает подобного опыта.

Как только представители такой социальной группы оказывались в тюрьме по политическим мотивам, они сталкивались с невыносимой ситуацией, которую делали достоянием гласности. Так обычно и возникал толчок для частичных тюремных реформ.

Движение мая 68-го прекратилось с призывом к всеобщим выборам – призывом, полностью поддержанным коммунистической партией Франции, – которые обеспечили абсолютную победу правым и привели к целой серии исключительных репрессивных и полицейских мер в период с 1968 по 1972 год.

В начале 1969-го организации маоистского и троцкистского толка решительными мерами попытались возобновить это движение. Весной 1970-го правительство Помпиду издало декрет о роспуске этих организаций, так что большая часть их активистской деятельности попала под обвинение в незаконном восстановлении распущенного объединения. В результате несколько сот человек были арестованы и заключены в тюрьму. Так во Франции вновь появились политические заключенные.

Майские события 68-го не затронули тюрьмы. У стен Санте, большой парижской тюрьмы, проходили крупные манифестации, но ни манифестанты, ни заключенные не проявляли никакого интереса друг к другу. 13 мая 1968, в день самой большой уличной манифестации, один заключенный Санте сделал в дневнике такую запись: «Сегодня видел крысу».

Большинство активистов, оказавшихся в тюрьме после июня 1970-го, принадлежали к так называемому маоистскому, не ленинистскому движению во Франции – к Пролетарской Лево́й. Это были студенты, иногда студенты, пошедшие к станку на заводы, гораздо реже – молодые рабочие. В сентябре 1970-го Пролетарская левая, объявленная вне закона и действующая подпольно, инициирует голодовку в тюрьме с требованием статуса политзаключенных – не для получения материальных преимуществ, а с тем, чтобы добиться реализации права

на информацию: в тюрьме запрещен доступ к прессе (как и собрания). Эта голодовка не имеет успеха.

Пролетарская левая решает снова провести голодовку в январе 1971-го, когда подойдут к концу запасы из рождественской посылки, единственной официально разрешенной продуктовой передачи. Решено было также распространить требования на уголовных заключенных.

В конце декабря Фуко собирает у себя дома судей, которые только что создали радикальный левый профсоюз медиков, тюремных психиатров, журналистов, освещающих судебные дела и сочувствующих. Уже подготовлен социологический опросник, вдохновленный исследованием Маркса, то есть опросник, сфокусированный на материальных условиях тюремной жизни.

Фуко сразу же объявляет, что речь не идет о создании комиссии по расследованию в тюрьмах, поскольку такая комиссия предполагает диалог с государством, которое оказывается одновременно и тем, кто уполномочивает расследование, и тем, кто получает его результаты. Фуко предлагает создать неофициальную группу, которая собирала бы информацию всеми возможными – в частности нелегальными – способами у самих заключенных и адресовала ее исключительно общественному мнению. Три уважаемых интеллектуала берутся подтвердить правдивость и достоверность распространяемых сообщений: Жан-Мари Доменак, главный редактор христианского журнала «Эспри», Пьер Видал-Наке, историк античности, который разоблачил применение пыток французской армией в Алжире, и сам Фуко. Таким образом, цель была в том, чтобы дать возможность сказать самим заключенным о том, что обычно скрыто.

Первая брошюра Группы информации по тюрьмам (ГИТ) появляется в мае 1971-го. В предисловии, составленном главным образом Мишелем Фуко, заявлены политические и теоретические принципы ГИТ. В брошюре приводятся фрагменты из анкет, заполненных в двадцати тюрьмах. Одновременно мы публикуем фрагменты в широкой печати, пробуждая интерес к теме, который будет постоянно расти. Вместе с нами в тюремных очередях журналисты общаются с родственниками заключенных, которые также вступают в активистскую политическую деятельность.

В июне-июле министр юстиции разрешает распространение газет в тюрьмах, и о наших исследованиях узнают заключенные, которые начинают, как и их семьи, видеть в нас достойных доверия собеседников.

Вторая брошюра разоблачает исправительный реформизм, показывая отрицательные стороны «образцовой» тюремной системы, созданной в шестидесятые годы. Примерно в то же время в тюрьме Аттика в США происходит мятеж со взятием заложников. Сам мятеж и его подавление широко комментируются во французской печати. В самой строгой центральной тюрьме Франции двое приговоренных к смерти берут в заложники медицинскую сестру и охранника, а затем убивают их. В связи с этим растет давление со стороны профсоюзов работников пенитенциарной системы и их администрации, ГИТ и прессу обвиняют в том, что они спровоцировали эти события. Министерство юстиции объявляет об отмене рождественской посылки.

В начале декабря начинаются тюремные бунты. Обычно их жестоко топят в крови, молчании и тайне, но теперь ГИТ и общественное мнение делают это невозможным.

Число мятежей за два месяца доходит до тридцати пяти. Подняв бунт, заключенные выходят на крыши и общаются с народом, который выражает им поддержку. За мятежами следует не жестокое физическое подавление, как было раньше, а судебные процессы, которые весной превращаются в новую политическую трибуну. Заключенные в центральных тюрьмах, где они работают, как на заводах, самоорганизуются по образцу профсоюзов. Вне тюрем, но с ячейками внутри них создается «Комитет действия заключенных». ГИТ решает, что цель достигнута (слово берут сами заключенные, на смену группе приходят их организации), и самораспускается летом 72-го.

ГИТ всегда заявляла, что не предлагает и не требует реформы пенитенциарной системы: никакого реформизма, только радикальное разоблачение самого намерения «исправить преступника». Что такое – наказывать? От чьего имени? Как? Фуко назвал серию брошюр «Невыносимо».

Пусть заключенные сами скажут стране, от имени которой творится правосудие, какое именно правосудие отправляется и почему оно невыносимо.

Проекты реформы возникают с самого начала существования тюремной системы – ввиду очевидной ее неэффективности и рецидивов среди бывших заключенных. Сам реформистский дискурс, как считал Фуко, – неотъемлемая часть системы, которая претендует на то, чтобы заново воспитать, заново интегрировать население, маргинализованное как преступное.

Движение вокруг тюрем, которое мы попытались разместить под господствующей в левых движениях эмблемой пролетарской борьбы, все больше смыкалось – и по направленности нашего анализа, и по социальным силам, которые в нем участвовали, – с новыми формами борьбы, институционализовавшимися начиная с 1972, а именно: Движением освобождения женщин и Гомосексуальным фронтом революционного действия.

Начиная с 1971–1972 годов, специфическая борьба женщин, гомосексуалов, иммигрантов, лицеистов сделала легитимными новые частные цели, и борьба заключенных хорошо вписывалась в этот процесс.

Новое содержание получило понятие достоинства, возникло новое поле прав личности. Общество по-прежнему допускало лишение свободы как наказание, но уже без сопровождающих его унижений и издевательств: наказаний, тюремного дисциплинарного суда, карцера, запрета сексуальных отношений, ограничения информации, медицинской помощи (сегодня тюремная медицина подчиняется уже не администрации тюрем, но Министерству здравоохранения), ведению досье на бывших заключенных. Но каждый из этих пунктов был и по-прежнему остается под вопросом.

Основной и легитимной политической ставкой стали отношения власти: «Надзирать и наказывать» Фуко, опубликованная в 1975, стала теорией этой новой ситуации.

Роль знания в этой властной борьбе стала очевидной: мы вели борьбу, производя знание о заключении, носителями которого были сами заключенные. Опыт каждого заключенного и бывшего заключенного, как и их семей, был обобщен и размещен в публичном пространстве.

Борьба вокруг тюрем, особенно после выхода «Надзирать и наказывать», не ограничилась только публичной сферой и сферой наказания, но распространилась также на область социальных наук и социальных профессий, которые к ним восходят.

Фуко анализирует, каким образом система наказания послужила созданию изолированной и маргинализованной преступной части населения, при всем многообразии иллегализмов¹, которыми общество самым различным образом управляет.

¹ «Управление иллегализмами» – одно из ключевых понятий аналитики Фуко применительно к дисциплинарной системе капитализма. Иллегализм – не противозаконное поведение узкой группы преступников, а неотъемлемый элемент социального порядка, который можно обнаружить в любой точке общества. Разница в том, что в одних зонах властного порядка он изъят от закона и наказания, в других, напротив, становится привилегированным поводом для тюремного заключения. (Прим. перев.)

Он усомнился во всех существующих подходах к системе наказания и в криминологических науках. Можно сказать, что результат этой борьбы и тот способ, посредством которого ее проанализировал Фуко, закрепился в поле социальных наук.

Движение привело к некоторым *реформам*. В 1974 был создан Государственный секретариат по условиям заключения. Но четыре или пять лет назад врач тюрьмы Санте Вероник Вассер опубликовала разоблачение системы, в которой я обнаружил все то, что мы разоблачали 25 лет назад. Это указывает на точность анализа системы, проделанного Фуко.

Перевод с французского Александра Бикбова

Филипп Артьер

Провал в памяти?

Нередко забывают, что тюрьма исторична. Желая охарактеризовать жестокость тюрьмы, часто прибегали к характеристике «средневековая». И только благодаря некоторым работам, прежде всего «Надзирать и наказывать» Мишеля Фуко, во Франции заново открыли, что у тюрьмы есть своя история – и история недавняя. Уголовной тюрьме всего двести лет.

В центре моего внимания будут те способы, при помощи которых велись и ведутся поиски истины о тюрьме. Не о контр-дискурсе о тюрьме, но о таком дискурсе, который шел бы изнутри самой тюрьмы. Взав за точку отсчета Группу информации по тюрьмам (ГИТ), я хотел бы понять, какова в сегодняшней Франции ситуация, касающаяся, по выражению Даниэля Дефера, «наших» тюрем. Вопрос можно сформулировать и так: что остается от опыта ГИТ 30 лет спустя, является ли это наследие актуальным, каковы инструменты, изобретенные ГИТ и используемые сегодня (если таковые имеются)?

Прежде всего нужно понять, в какой обстановке разворачивалась активность ГИТ. Борьба Фуко, Жюль Делеза, Даниэля Дефера, активистов Пролетарской Лево́й вокруг тюрем происходила отнюдь не в тиши кабинетов. Она протекала в том числе на улицах, под стенами тюрем, в

физических столкновениях с властью, которая, конечно, не была властью советской, но которая была достаточно репрессивна в этот момент французской истории. Период полицейского насилия открылся двумя массовыми убийствами в Париже: 17 октября 1961 и 9 февраля 1962 на станции метро «Шарон», – оба раза во время манифестаций, связанных с колониальным вопросом, когда по приказу префекта полиции (то есть намеренно, а не по трагической случайности) были убиты демонстранты. У метро «Шарон» было убито 9 человек, членов или сочувствующих Коммунистической партии Франции. 17 октября 1961 было убито от 200 до 300 алжирцев, на тот момент еще французских граждан, которые были сброшены в Сену. Поэтому обстановка была достаточно напряженной. И хотя в мае 68-го не было убитых, в начале 1970-х закон против «погромщиков», запрет Пролетарской Левоы привели к новым, достаточно жестким полицейским репрессиям. Таким образом, фон, на котором в феврале 1971 года была создана ГИТ, включал в себя далеко не одну тюремную проблематику.

ГИТ добивалась двух целей. Первая состояла в том, чтобы сделать информацию из внешнего мира доступной в тюрьме. Во французских тюрьмах не была доступна ни пресса, ни радио, ни телевидение. Этого, по убеждению ГИТ, нужно было добиваться вовсе не из соображений комфорта и не для того, чтобы реформировать тюрьму, но для того, чтобы вписать ее в общий фронт борьбы: Тюрьма не является изолированным от общества местом, это часть общества, это «наша» тюрьма. Параллельно с борьбой за информацию в тюрьмах ведется борьба в городских кварталах. Группа стремится информировать улицу: активисты ГИТ ездили на рабочие окраины и общались с людьми, у которых был тюремный опыт, с членами семей заключенных. Это важно, поскольку именно в этих обстоятельствах кристаллизуется особый способ сбора и производства информации, характерный для ГИТ. Более того, имел место обмен информацией между заключенными разных тюрем и даже разных стран, как в случае с американской тюрьмой Аттика. Мятеж в Аттике в конце августа 1971, когда было убито около 40 заключенных, имел огромное значение для тюремного движения во Франции. Но и в Испании, Англии, Швеции, Италии наблюдается всплеск протестов в тюрьмах, также связанных с обменом информацией. Аналогов этому мы сегодня уже не находим.

Вторая цель – произвести коллективное и политическое знание о тюрьме. Одним из главных инструментов было анкетирование заключенных посредством составленного ГИТ опросника. Причем заключенные не просто отвечали «да» или «нет», они давали свои коммента-

рии, прилагали тюремные дневники и т. д. Язык, которым пользуются заключенные в данном случае, – совсем не формальный. Так, в ответ на последний вопрос анкеты: «Какое впечатление произвела на Вас эта анкета и этот опросник?», один из них ответил: «Очень неплохое. Но никто еще не сделал достаточно для тюрем, поскольку надо пройти через тюрьму, чтобы понять, что это такое. Спасибо». То же с остальными вопросами. «Как проходит медицинский осмотр?» – «Как конвейер. Осматривают как собак». Это язык не консенсуса или реформы, это не общие слова о тюрьме. Это констатации: заключенный свидетельствует о своей тюрьме в тот момент, когда он там находится. Материал, собранный ГИТ напрямую превращался в публикации, в тему обсуждений на встречах с семьями заключенных, на манифестациях, на дискуссиях по фильмам о тюрьме. Крайне важный аспект деятельности ГИТ – отношения с семьями заключенных, что давало возможность не только распространять анкеты в тюрьмах, но также пространство высказывания, свидетельства.

Третья цель ГИТ – сделать тюрьму темой новостей, что одновременно означало изменить СМИ. Во Франции на тот момент не существовало частных каналов, а государственные контролировались Министерством информации. Задачей ГИТ, как и целого ряда других групп конца 1960-х – начала 1970-х, было производство нового типа новостей. Газета «Либерасьон», например, родилась в именно этой борьбе. Она стала результатом развития пресс-агентства Освобождения (*libération*), которое интересовалось «частными случаями», такими как жестокое обращение в тюрьмах, самоубийства, бунты, причем в очень конкретной форме: «в такой-то тюрьме такой-то заключенный был привязан к кровати в течение такого-то времени». Это сыграло огромную роль в политизации тюрем. ГИТ выпускает собственные недорогие брошюры, в газете Пролетарской Лево́й «Народное дело» публикуются материалы о тюремных бунтах. Уже и общепольская «Ну-вель обсерватер», газета французских левых, в 1971 году говорит не только о политзаключенных, а обо всех, включая уголовных.

Наконец, еще одна цель ГИТ – через эти новости передать требования заключенных, которые неразрывно связаны с повседневностью тюрьмы: вопросы питания, отопления, доступа к книгам, гигиены, здоровья и т. д. В истории Франции эти вопросы еще никогда не были политизированы. Сегодня вопрос быта – вопрос неизбежно политический, но он не был таковым в тот момент. Работа ГИТ выводит эти бытовые требования на новый уровень. Причем требования и лозунги не имеют отвлеченного характера. Например, в одном из материалов «На-

родного дела» заключенные не заявляют: «Мы требуем революции!», «Нам нужна власть!» или что-то подобное, но: «Мы голодны!»

Сейчас вокруг тюрем сложилось совсем иное положение. ГИТ в свое время добилась поставленных целей, сделав возможным коллективное знание тюрьмы. Почему оно не востребовано сегодня, и как это произошло? Перечислю очень кратко факторы, которые, на мой взгляд, сыграли решающую роль.

Во-первых, нужно отметить, что вслед за инициативами ГИТ и созданием движения заключенных, в 1973 произошли крупные волнения во французских тюрьмах, во многом вдохновленные анархо-индивидуалистскими лозунгами. Во-вторых, был опубликован целый ряд личных свидетельств бывших заключенных, получивших широкую известность, которые привели к индивидуализации представления о тюрьме и о борьбе вокруг тюрем. Фуко был встревожен тем, что борьба, которая началась как коллективная, в конечном счете стала ассоциироваться с несколькими личностями, такими, как Серж Ливрозе, который написал книгу, имевшую необыкновенный успех, «От тюрьмы – к восстанию»; или Нобельспис, опубликовавший книгу «Тюрьма особого режима» («QHS»). Последним звеном в этой цепи стало появление другого способа говорить о тюрьме, привнесенного политическими активистами, сторонниками прямого действия, а также активистами движений за независимость Корсики, Бретани, Страны Басков. Это одна серия факторов. Другая связана с созданием организаций иного типа, нежели ГИТ, в изменившихся политических условиях.

В конце 1980-х создается движение Международный мониторинг тюрем (OIP*) наряду с другими схожими инициативами: Мониторинг студенческой жизни (OVE), Мониторинг условий жизни женщин (OCF) и ряд других. Целью этих проектов является производство данных там и тогда, где и когда их не предоставляет государственная власть, хранящая молчание. Эти проекты решающим образом отличаются от задач ГИТ: речь идет уже не о том, чтобы транслировать знание *тюрьмы*, но о том, чтобы произвести знание *о тюрьме*, опираясь на ряд стандартных техник. В частности, Международный мониторинг тюрем изучает условия тюремного содержания, используя анкеты, прошедшие экспертизу IPSOS, одного из крупнейших опросных агентств.

---

* В названии этой и указанных тут же организаций ключевым словом является «observatoire», букв. «наблюдательный комитет»; при его переводе использован употреблявшийся термин «мониторинг». (Прим. перев.)

Другая рамка, в которую вписана работа OIP, – это Amnesty International, мощная организация, занимающаяся защитой прав уголовных заключенных. Это уже совсем иной угол зрения – угол зрения права, причем в международных масштабах. В течение нескольких лет OIP даже делал ежегодный отчет о положении в тюрьмах, где по результатам, полученным в разных странах, давался сравнительный анализ. Данные предоставляли уже не сами заключенные, а адвокаты, воспитатели, посетители, члены семей.

OIP производит три типа результатов. Первый – это рекомендации заключенному, экземпляр которых, с согласия тюремной администрации, предоставляется каждому на его родном языке. Эти рекомендации, содержащие множество практических, юридических сведений, призваны помочь заключенному в его тюремной жизни.

Второй тип – это экспертиза: работает ли то или иное учреждение, функционирует ли оно правильно, какие есть проблемы. В этом смысле OIP действует как институт, дополняющий государственную власть. Показательный пример – частное обслуживание тюрем. Во Франции существовала программа строительства новых тюрем, где часть функций – медицинское обслуживание, стирка, питание заключенных – передавалась из государственного ведения частным компаниям. Отчеты OIP, безусловно, принимались во внимание, когда государственные органы подводили итоги пятилетних контрактов. То есть OIP оказывалась в двойственном положении: и независимая сила, и своеобразный филиал государственных структур.

Наконец, еще один результат – представление тюрьмы в СМИ: через обращение к ряду известных в медийном поле лиц, в частности к некоторым адвокатам, бывшим медикам и тюремным администраторам, OIP снова удалось сделать тюрьму сюжетом новостей. В газетах «Монд» и «Либерасьон» появились постоянные рубрики, посвященные тюрьмам.

Через пять-шесть лет с момента создания OIP решила создать Генеральные Штаты по условиям тюремного содержания. Стимулом для этого послужило возмущение тюрьмой, вызванное книгой врача тюрьмы Санте, опубликованной в 2002 году и разоблачавшей условия содержания, точнее, стиль работы врачей в тюрьмах. Скандал вызвала даже не сама книга, а двухстраничная выдержка из нее, опубликованная в «Монд» на правах рекламы., после чего начались два парламентских расследования, а этого во Франции не случалось последние 150 лет. OIP ставит вопрос: что делать ввиду повторяющихся злоупотреблений тюрьмой со стороны государственной власти?

Под эгидой Министерства юстиции OIP начинает большое исследование тюрем, основанное, как и в случае ГИТ, на распространении анкеты. Ее разработчики полагали, что, поскольку Франция является демократическим государством, необходимо осмыслить и реализовать рациональные основания тюрьмы. Опросник распространялся как среди заключенных, так и среди надзирателей, адвокатов, судей, членов семей заключенных. В него входили пять больших разделов: государственное исполнение наказаний, повседневная жизнь в тюрьме, режим заключения, подготовка к освобождению, альтернативы тюремному заключению. Причем большая часть предполагаемых ответов в отличие от опросника ГИТ были закрыты: «весьма удовлетворительно», «не вполне удовлетворительно», «затрудняюсь ответить» и т.д. Опросник распространялся во всех тюрьмах с согласия тюремной администрации. Были получены ответы около 200 тысяч человек.

Принципиально, что анкета разрабатывалась OIP при участии ряда партнеров, в том числе не только тюремная администрация, но и – что, в некотором смысле, еще хуже – профсоюзы тюремных работников, которые во Франции занимают крайне жесткие позиции в вопросах безопасности и усиления режима. Таким образом, цель авторов анкеты состояла в поиске консенсуса между самым широким кругом партнеров, что в итоге нейтрализовало возможный критический заряд, на котором OIP мог бы выстраивать дальнейшую работу.

Короче говоря, один из главных вопросов, который (через используемые показатели и критерии оценки) ставит OIP, – это вопрос об удовлетворительности тюремного учреждения: с какого момента тюрьма удовлетворительна? То есть сам факт существования тюрьмы для OIP является нормой. Вопрос о чем-либо ином, нежели тюремное заключение, уже не стоит. Позицию OIP можно назвать соглашательской: важно, чтобы тюрьма соответствовала норме. Борьба против самой тюрьмы, которую вела ГИТ, прекращена.

Перевод с французского Александра Бикбова

Арсений Рогинский

«Можно ли вообще говорить о сопоставимости наших историй?»

Первое – эмоциональное – впечатление от докладов французских коллег – как трудно (почти невозможно) сопоставлять наши истории.

Во-первых, для нас, для моих сверстников (это те, кто родился в войну или сразу после), «тюрьма» – это что-то совсем повседневное.

Я жил в рабочем поселке и бегал в школу – в первый, второй и третий класс – мимо лагеря, мимо вышек. Когда я возвращался из школы после второй смены, то навстречу обязательно попадалась колонна заключенных. Рядом со мной и рядом со всеми нами всегда была масса людей, которые прошли тюрьмы. Для таких, как я, мальчиков пятидесятых, живших в эпоху выхода из тюрем, бывшие заключенные – это быт. Они не вызвали какого-то специального интереса, мы не приставали к ним с расспросами – они были частью нашей жизни. В этом лагерном (окололагерном, постлагерном) воздухе мы и выросли.

Во-вторых, когда французские участники конференции увлеченно рассказывали о подпольных кружках 60–70-х, я думал о том, что для нас к середине шестидесятых скомпрометированность идеи подполья была уже полностью очевидной. Для нас «подполье» – это «их» (большевистская) история. Конечно, и до того, и после подпольные кружки были, но они постоянно отодвигались на периферию возникающего движения, все больше уходя в провинцию. Главный путь был от подполья к легальности, а высшей точкой конца 60-х стало создание первой легальной группы, которая открыто объявила и свой состав, и свои цели. Это «Инициативная группа за права человека» – 69-й год.

В-третьих, если во Франции наши ровесники допускали возможность насилия в своих конструкциях, то для нас, получивших прививку сталинским террором, идея насилия была заведомо неприемлема независимо от того, к какой группе, к какому политическому направлению люди принадлежали. Ненасилие и легальность – это была наша самоидентификация.

Следующее, что очень важно: французы были одушевлены идеями социальной справедливости. Отсюда, конечно, у всего этого движения левая идеологическая подкладка. Они все время искали пути к народу, даже в истории с тюрьмами.

А мы искали (конечно, это «мы» я произношу условно) язык для самоидентификации, язык для взаимоотношений с себе подобными группами интеллектуалов – национальными, религиозными, другими, язык для разговора с властью. И нашли ведь в конце концов – язык права. Но при чем тут «народ»?

Заметим, что во Франции Группа информации занималась и политическими заключенными, и уголовными, всей тюрьмой вместе. Когда вы почитаете «Хронику текущих событий», то увидите, что информация и анализ концентрировались исключительно вокруг политической тюрьмы. В этом смысле надо понять нашу очень узкую социальную, интеллектуальную и информационную базу, но так получилось не случайно. Как мне кажется, «путей к народу» мое поколение не искало.

И вот я задаю себе вопрос: можно ли вообще говорить о сопоставимости наших историй?..

Людмила Альперн

В поисках свободы: интеграция тени, или тюремная реформа как перманентная революция

Карл Юнг, определяя один из главных архетипов бессознательно-го, названный им «тенью», отмечал, что в «тень» отбрасывается все темное, все, что человек не любит и не приемлет в себе, а потому вытесняется из сознания и переносит на то, что считается «темным» в культуре. Он упомянул в этой связи просто «темных» по цвету кожи людей и «темных» иносказательно, в частности преступников. Преступник – удобный объект для проекции тени. Ненавидеть преступников удобно, и борьба с преступностью стала перманентной «войной» любого «миролюбивого» цивилизованного государства. Но развитие предполагает отказ от проекций, интеграцию, собирание «светлых» и «темных» сторон в единую структуру, расширение сознания...

Тем самым я не хочу сказать, что *явления, называемого преступностью, не существует*, хотя это любимый тезис всемирно известного криминолога Нильса Кристи, но для меня совершенно очевидно, что указанное явление как минимум неоднозначно и требует иного под-

хода как объект изучения и реагирования. Современная криминология так и не нашла общепризнанного определения для своего предмета. Кроме, пожалуй, одного: *преступление – это социальный конструкт*. Нет ни одного, даже самого тяжкого деяния, которое можно было назвать *абсолютным преступлением*. Самые опасные из них с точки зрения жизни человека при определенных обстоятельствах всегда находили оправдание в обществе. А так называемые *беловоротничковые преступления – экономические или инакомыслие* – могут быть наказаны предельно строго, вплоть до полного морального или физического истребления лиц, их совершивших.

***

Именно с последней проблемой я столкнулась в юности, прошедшей в застойной Москве второй половины 70-х. В ней не было места терактам или вооруженным противостояниям власти. Не было в силу детской незрелости и никакого моего личного вклада в «демократическое движение», наоборот – движение сделало вклад в мое развитие. Но ощущение ненависти к «преступному режиму» приводило к ощущению преступности собственной личности и жизни, а значит, к ожиданию «справедливого суда и наказания» – исключения из института, увольнения с работы, ссылки, каторги, смертной казни...

***

Организация «Центр содействия реформе уголовного правосудия», в которой я стала профессионально работать уже в новейшее время (конец 90-х), фактически оказалась моей семьей – ее сотрудников я знала к этому моменту не менее двадцати лет, директора – Валерия Абрамкина – более двадцати.

Виды деятельности, которыми Центр занимался, были знакомы мне с ранней юности, почти с детства. Работа эта на поверку оказалась унаследованным делом, своего рода семейным бизнесом. Я прошла серьезную подготовку, сдала трудные экзамены и получила профессию, которую называю «тюремная реформа».

Сущность этой деятельности можно описать как умение работать (слушать и понимать) с представителями наиболее отверженных групп населения (заключенных, их родственников, бывших заключенных, а значит, в том числе бродяг, бомжей, скитальцев, грязных и злых, несчастных и голодных) и в то же время с наиболее властными и полномочными представителями общества: сотрудниками правоохранительных структур – милиции, следственного аппарата, прокуратуры, пени-

тенциарной системы, Государственной Думы и т. д. То есть выполнять роль посредника, проводника между этими, казалось бы, безнадежно оторванными друг от друга человеческими слоями, противоположными по сути, но органично связанными между собой и представляющие в терминах аналитической психологии «тьень» друг друга.

***

У меня никогда не было проблем с принятием заключенных, я подсознательно идентифицировалась именно с ними, так как еще в юности сама определила себя как преступницу и вынесла себе приговор. Даже сейчас меня не покидает чувство, что последние восемь лет, непрерывно работая с тюрьмой, я просто отсиживаю свой срок и время моего освобождения все еще не наступило. Все, что я пытаюсь в ней изменить, улучшить, я делаю лично для себя.

Но власть предрержащие, в том числе тюремщики, были и, возможно, все еще остаются моей «тьенью». Я относилась к ним, как и положено в правоохранительной традиции, в лучшем случае – как к бездушным бюрократам.

Мне понадобилось пройти большой путь, чтобы понять, что это – моя личная проблема. Штамп, который предписывает думать, что, если я лично не способна видеть за формой или занимаемой должностью человека, не имеет ничего общего с объективной реальностью. И я переступила этот порог, я перестала работать с системой – с должностями, званиями, режимами, я стала работать с людьми. Я сняла с них свои проекции, и это сделало меня свободней.

Возможно, мне просто повезло: люди, с которыми я работаю уже много лет, сотрудники одного областного тюремного управления, действительно оказались людьми в большей степени, чем я, в высшей степени, несмотря на столь сложную и давящую работу, и это они первые сняли с меня свои проекции и увидели во мне человека.

Я могу многое рассказать о моих отношениях с ныне покойным начальником женской колонии строго режима Юрием Яковлевичем Афанасьевым, имевшим в зоне кличку «папа», о тех шагах, которые мы сделали навстречу друг другу, и потом уже вместе. О том, как он, тюремщик со стажем, смог пересмотреть свои подходы к тюремному делу, перестать применять долговременную изоляцию в качестве наказания, перестроить ШИЗО по европейским нормам, стал работать с судьями для более эффективного применения УДО и т. д. На вопрос международных экспертов: «Что вам дает сотрудничество с общественными организациями?» он как-то ответил: «Мы пересмотрели свое отношение к осужденным. Мы и раньше к ним относились неплохо, а стали относиться – как к людям».

Для меня это и есть главная характеристика моей работы. Я знаю это давно, ощущаю это своей чувствительной шкурой – как тюремщики относятся ко мне, так и к своим подопечным.

***

Однако это случилось не сразу. Не сразу мы попали в колонии. Только с конца 1998 года, после перехода пенитенциарной системы из МВД в Минюст, мы стали работать не только с отдельными заключенными по письмам и при личных встречах с теми, кто освобожден, но и в самих учреждениях.

Моя работа в учреждениях началась с мониторинга соблюдения *Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН* в шести женских учреждениях РФ. Получив вопросник от международной организации, осевшей в Лионе (*Observatoire international des prisons (OIP)*) о положении женщин в российских тюрьмах, я поняла, что ответов нет, вернее – я их не знаю. Это задело и заинтересовало меня. В кратчайшие сроки мне удалось получить официальное разрешение на проведение исследования. Трудно сказать, что оказало здесь главное влияние – то ли у нас было много «гуманитарной помощи» (так как мы стали сотрудничать с «Международным женским клубом», члены которого желали оказать помощь детям осужденных женщин, содержащихся в колонийских домах ребенка), то ли исследование проводилось в женских учреждениях, не слишком значимых с точки зрения тюремной идеологии.

Конечно, кое-что я знала. Знания были литературные. Это не было «моим знанием». Тогда я поняла еще одну особенность своего восприятия – *только личное присутствие, личное участие, личное наблюдение позволяло мне оперировать знанием, осмысленно представлять его другим*. В противном случае я ощущала себя жалкой самозванкой, плагиатором, лгуньей, которую легко можно поймать на так называемых «измышлениях». Возможно, это было прямое следствие «героической юности», когда каждое неосторожное слово могло стать причиной преследований.

Исследование соблюдения минимальных стандартов стало моим базовым образованием в тюремной проблеме и основой для всей дальнейшей работы, которая длится уже 8 лет. В нее вошли серии проектов в женских и воспитательных колониях – все они начинались с подробнейшего анкетирования осужденных (и в тех случаях, когда это было возможно – сотрудников), элементом которого стал знаменитый *конкурс сочинений*, победители и просто участники конкурса обычно

награждались тем, чего так не хватало им в предельно скудной тюремной жизни, – шоколадками, книжками, носками, конвертами и т. д.

Сочинения позволяли выговориться малолетним узникам, открыто рассказать о своих бедах и несчастьях (условием проведения «конкурса» было полное отстранение от него администрации колонии, мы раздавали бланки и собирали готовые произведения из рук в руки, в обход воспитателей и учителей), а нам давали возможность глубже проникнуть в сложный, жестокий мир детской тюрьмы, понять и его, и возможную степень своего участия и влияния.

Лучшие сочинения мы стали публиковать в небольших сборниках, и они широко разошлись по стране. Кроме того, Центр с 98-го года работал с выставкой, представляя проблемы тюремного мира, и задолго до этого – с всероссийской радиопередачей. Мы информировали государство и общество о том, что происходит в тюрьмах, и, надо сказать, мы были услышаны.

Мы искали все новые подходы и способы наиболее плотного, но в то же время наиболее безопасного для заключенных и наименее подозрительного для сотрудников контакта с заключенными.

Так, пользуясь методикой известного французского фотографа Клавдия Слубана, который неоднократно, с 1998 года, обращался к нам с просьбой помочь ему в осуществлении его проектов в воспитательных колониях на территории России и СНГ, мы стали проводить также и *конкурсы фотографий*. Смысл конкурса заключался в том, что несовершеннолетним воспитанникам, с разрешения администрации, раздавались одноразовые фотоаппараты, чтобы они могли фотографировать то, что им казалось наиболее интересным и важным в их среде обитания. Обычно отказов от администрации не поступало, в результате работы участники конкурса получали свои фотографии, понравившиеся получала и администрация колонии. До начала работы все участники проходили инструктаж со стороны опытного фотографа, своего рода обучение фотомастерству. Это был еще один канал для близкого контакта, возможности поговорить наедине, и заодно научить чему-то выброшенного на помойку ребенка, позволить ему прикоснуться к тому, что в тюрьме считается сакральным: «к воле», к «людям с воли».

***

Обобщая этот опыт, я могу с полным основанием сказать, что главным условием нашей работы в том или ином тюремном учреждении *всегда было условие личного участия, личной ответственности за происходящее*. Мы никогда ничего (и до сих пор) не делали чужими

руками – руками администрации, посредников, и т. д. Мы часто привлекаем специалистов к своей работе – психологов, юристов, социальных работников и т. д. – для проведения профессиональных консультаций, но никогда не оставляем их «наедине с тюрьмой», в любом деле – была ли это раздача «гуманитарной помощи», «конкурсы», опросы или мероприятия последних лет: «семинары» и «образовательные программы» – *мы несли и несем ответственность за то, что будет с людьми, оставшимися в тюрьме после того, как мы оттуда уйдем.* Это тоже один из важнейших признаков унаследованности нашей работы от «демократического движения». Одним из путей такого контроля за ситуацией является постоянная работа в определенном учреждении в течение многих лет. К чему мы в конце концов и перешли.

***

Что касается меня, то недостаток знаний и представлений о том, что может быть изменено в тюрьмах, привело меня на Запад, и мои коллеги из Франции, Польши, Англии, Норвегии, США, Италии и других стран расширили мои представления о возможном, дали новые идеи и средства для их претворения.

В качестве яркого для себя примера могу упомянуть работу всефранцузской организации «Общество посетителей тюрем», которая осуществляет как мониторинг мест лишения свободы, так и обучение заключенных на индивидуальной основе, охватывая при этом около 10% тюремного населения страны. Примерно 1000 «посетителей» по всей стране, получая доступ в тюрьму после тщательной проверки, могут встречаться, беседовать, обучать, и представлять интересы своих подопечных перед лицом тюремной администрации.

Результатом такого образования стала серия пилотных проектов в женской колонии под общим названием «Женщина в системе уголовного правосудия». Конечно, все это произошло не в один день, а год за годом. Маленькими шагами, привлекая все средства, как материальные, так и интеллектуальные, призывая на помощь мировое сообщество, мы выработали условия, в которых осуществление такого сложного проекта стало возможным. Общими усилиями (мы, администрация, осужденные) была создана *инициативная группа*, состоящая из персонала (представляющего все административные отделы) и осужденных (из всех отрядов), с которой мы стали обсуждать наиболее важные, с нашей точки зрения, для женской тюрьмы темы – здоровый образ жизни, сексуальное здоровье, домашнее насилие, особенности

женской и мужской психологии (в серии гендерного образования), права человека и одну из последних разработок – внедрение медиации как альтернативы дисциплинарным мерам для решения конфликтов с/и между осужденными.

Последняя тема опередила законодательную инновацию, внесенную недавно в Европейские тюремные правила (статья 56), где такой подход рекомендуется повсеместно. Нам пока не удалось найти страну и место, где бы реализовывался этот подход, таким образом, мы – первые и теперь, доведя до конца методику обучения и внедрения (в виде службы примирения), сможем передать ее в том числе и на Запад. Именно там, скорее всего, она будет востребована быстрее, чем у нас, что уже подтвердили французские коллеги.

Этот проект был удостоен в 2003 году премии «За права человека» Республики Франции, войдя в пятерку лауреатов, а в конкурсе участвовало более 200 проектов из 65 стран, включая Францию.

***

Все вышесказанное видится, возможно, как головокружение от успеха. Это не так. Определенный успех действительно имеется, но головокружения нет. Напротив, постоянно возникает состояние фрустрации, так как обычно любое успешное продвижение внезапно обрывается очередной неудачей.

Дело в том, что национальной особенностью нашей работы (в отличие от западных коллег) является то, что мы, работая с тюрьмами, пытаемся их переустроить, найти новые подходы, в то же время анализируем и критикуем работу тюремного ведомства. Иначе не получается. Нас мало, и мы делаем всю работу.

Что это означает? То, что любой текст, в котором мои тюремные коллеги усматривают для себя обиду или неприятность, становится препятствием для продолжения практической работы, в которой они и сами заинтересованы, и даже – в определенной мере – это признают.

Им становится обидно. Они тонко и болезненно реагируют на любое с их точки зрения критическое или просто нехвалебное высказывание, даже если, казалось бы, они сами должны прекрасно понимать, что сказанное справедливо.

Но они не понимают. Оказывается, работая в тюрьме, занимаясь исполнением наказания, прекрасно с этим справляясь, тюремщик считает, что он занимается воспитанием, вернее – перевоспитанием, и чувствует себя вполне комфортно.

Все это свидетельствует только об одном – об очень старательном и успешном вытеснении «тени».

***

Англичанин Джон Говард, родившийся в 1726 году, названный великим филантропом, был захвачен по пути в Португалию французским корсаром и попал во французскую тюрьму. Там он прошел через все муки ада и, освободившись, посвятил оставшуюся жизнь тюремной реформе. Фактически весь XIX век прошел под его именем.

Говард объездил все страны Европы, критикуя и описывая плохие практики, в поисках хороших. Ему даже удавалось кое-что найти – в Голландии, например, иногда же в тюрьмы его просто не пускали – в Бастилию, например, он так и не попал. Он изобрел пенитенциарий (глостерский) – первое в полном смысле исправительное учреждение, но в Англии оно не прижилось, зато оказалось востребованным в Северной Америке, и вскоре филадельфийские пенитенциарии, скрещенные с бентамовскими паноптиконами, заполнили всю Европу, добрались и на родину Говарда, в Англию.

Сам Говард умер в Херсоне, в 1790 году. Его заинтересовала русская солдатчина, мало чем, на его взгляд, отличная от отмененной уже тогда в Европе тюремной галеры, вполне тюремная и бесчеловечная практика. Но многократно спасшийся от чумы, которую старательно изучал, посещая морские карантинные (тоже, на его взгляд, тюремные места), и от «тюремной лихорадки» (так и не знаю, что это за болезнь), которая, выходя из тюрем, косила целые города, он не перенес русского тифа. С тех пор в Херсоне стоит памятник этому всемирно известному тюремному реформатору.

***

Тюремная реформа вещь заразительная, как чума, холера или тиф. Она передается какими-то бактериями и становится навязчивой, как болезнь. Я легко узнаю людей, так же, как и я, пораженных этим заболеванием. Что толкает их к столь странному виду деятельности? Не иначе, как поиски свободы.

Недавно один мой старый знакомый, помогавший мне организовать лекцию Нильса Кристи в Москве, спросил: «Реформа-то наша, при чем тут Нильс?» И я, когда-то считавшая слово «революция» ругательством, ответила: «Тюремная реформа бывает только перманентной, как революция по Троцкому. Нильс при том».

Людмила Алексеева

«Наличие политически мотивированных репрессий – позор для страны»

Можно сказать, что правозащитное движение в СССР зародилось вследствие повышенного интереса к политическим репрессиям в советский период. Днем рождения правозащитного движения в нашей стране принято считать 5 декабря 1965 года, когда состоялась первая в СССР демонстрация под правозащитными лозунгами, а именно «Уважайте конституцию» и «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем».

Скоро выяснилось, что мы тогда ничего о советских местах лишения свободы не знали. После того как в хрущевские времена на свободу вышли политические заключенные, осужденные при Сталине, мы считали, что в нашей стране политзаключенных больше нет. Но очень скоро благодаря этим двум лагерникам – Синявскому и Даниэлю – их друзья узнали, что в Мордовии, куда их направили, находится целый комплекс политических лагерей и тысячи политзэков.

Потом наши возможности познакомиться с обитателями этих лагерей сильно расширились, так как стали сажать правозащитников, и в каждом лагере кто-то из них сидел. Через них и через их родственников мы постепенно узнавали о составе политических заключенных. Правозащитники составляли там ничтожное меньшинство. Там были участники подпольных марксистских и ленинских кружков; распространители листовок с критикой советской власти; авторы, распространители и даже просто читатели самиздата, но больше всего – участники национальных движений – из Украины, Литвы, Латвии и Эстонии, из Армении и Грузии, а также верующие разных конфессий – протестанты, католики и даже православные. Мы не только узнали о составе политзаключенных, но через их родственников познакомимся с остававшимися на свободе их единомышленниками и стали поддерживать с ними постоянную связь. Они сообщали нам о фактах преследований, об акциях сопротивления этим преследованиям. Все это становилось содержанием «Хроники текущих событий» (информационный бюллетень московских правозащитников, выходивший в самиздате с 1968 по 1984 год).

Через «Хронику» сведения об этих движениях и о судьбах их участников расходились по всей стране. «Хроника», несмотря на очень трудоемкий процесс изготовления (на пишущих машинках), распрост-

ранялась довольно широко. Во всяком случае, на обысках ее экземпляры находили по всей стране – от Калининграда и Риги до Владивостока и Хабаровска. А кроме того, «Хронику» путем всяческих ухищрений передавали на Запад, и ее транслировали зарубежные радиостанции, вещавшие на нашу страну. Эти радиостанции слушали миллионы наших сограждан, и таким образом через это издание правозащитников становилось известно и о самих правозащитниках, и о политзаключенных, и о движениях, за участие в которых они лишились свободы.

Не только в Москве, но и в других городах нашлось немало сочувствующих, стали происходить сборы средств на нужды политзаключенных. Нередко деньги давали тайно, прося, чтобы никто об этом не знал, так как это грозило серьезными неприятностями, вплоть до исключения из партии и увольнения с работы. На собранные таким образом деньги правозащитники оплачивали адвокатов для вновь арестованных, подписку на газеты и журналы в политлагеря, оплачивали поездки родственников на свидания в места заключения и продуктовые посылки политзэкам – среди них было немало таких, у семей которых после ареста кормильца средств на это не было.

Информационная работа правозащитников и их помощь политзаключенным очень способствовала объединению и взаимопониманию между политзаключенными с разными взглядами. В политических лагерях довольно распространенными стали совместные акции протеста – например, против стеснений в переписке или в защиту кого-то из узников. А со временем общим стало требование признать за ними статус политических заключенных. В этих совместных акциях участвовали и правозащитники, и различные подпольщики, и, что особенно интересно, активисты национальных движений, подчас не очень-то симпатизировавших друг другу – например, русские националисты и сионисты, прибалты, армяне, сторонники независимости Украины и т. д. О протестных акциях в лагерях всякими способами сообщалось заранее на волю, и правозащитники распространяли эту информацию, благодаря чему эти акции не оставались без внимания и нередко достигали успеха. Это поднимало настроение политзэков, они ощущали поддержку и свою значимость для тех, кто на воле. Самой яркой совместной акцией политзаключенных и правозащитников в Москве, пожалуй, стало объявление Дня политического заключенного СССР.

Идею подал политзэк-правозащитник Кронид Любарский. Его предложение было передано во все политические лагеря и на волю. Были отправлены заранее подготовленные письма с требованиями политзэ-

ков. Впервые День политзаключенного отмечался 30 октября 1974 года в Москве пресс-конференцией с участием А.Д. Сахарова и членов первой правозащитной организации – Инициативной группы защиты прав человека в СССР. А в лагерях для политических прошли массовые голодовки с теми же требованиями, которые были озвучены в Москве на пресс-конференции. С тех пор, несмотря на все противодействие карательных служб, День политического заключенного отмечался таким же образом ежегодно. В 1991 году этот день был узаконен указом президента Б. Ельцина как День памяти жертв политических репрессий. Он отмечается ежегодно у Соловецкого камня на Лубянской площади. Во многих других городах собрание и возложение цветов происходит на местах расстрела политзаключенных в сталинские времена.

Солидарность политзэков разных убеждений способствовала сближению разнородных общественных движений, прежде никак не общавшихся. Это проявилось уже во второй половине 70-х годов, в хельсинкский период.

Мы называем этот период «хельсинкским» потому, что объединение произошло вокруг Общественной группы содействия соблюдению Хельсинкских соглашений в СССР, которую чаще называют просто Московской Хельсинкской группой. Несмотря на то, что по численности участников правозащитное движение не могло сравниться с религиозными, а тем более национальными движениями, объединение произошло на базе правозащитной идеологии. Организационно это выразилось в создании Украинской, Литовской, Грузинской и Армянской хельсинкских групп, а также Комитета защиты прав верующих в СССР в Москве и Католического комитета защиты прав верующих в Литве. Еврейское движение за выезд из СССР не создало какой-либо аналогичной организации, но активисты этого движения Виталий Рубин, Анатолий Щаранский, Владимир Слепак, Натан Мейман сами вошли в Московскую Хельсинкскую группу и с энтузиазмом там работали.

Думаю, что общим для этого объединения был отказ от насильственных способов достижения своих целей. Кроме того, и национальные, и религиозные движения переняли от правозащитников опору на конституцию, законы, международные договоренности в области прав человек и стремление отойти от подпольной деятельности в пользу деятельности открытой. Несмотря на опасность открытости при советском режиме, она, как показывал пример правозащитников, была более эффективной, чем подполье, и максимально способствовала формированию психологии свободных людей пусть и в несвободной стране.

Объединение всех протестных движений в СССР в хельсинкский период сыграло огромную роль в привлечении внимания общественности, а затем и политических деятелей стран Запада, к проблемам нарушения прав личности в Советском Союзе, дискриминации по признакам национальности и по вероисповеданию. Возрос общий интерес стран Запада к происходящему в СССР, их лидеры более смело стали предъявлять претензии Советскому Союзу и его сателлитам по поводу невыполнения гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. Именно это давление с Запада обеспечило беспрецедентное заявление главы советской делегации на Венской конференции (это был декабрь 1988 года) стран – партнеров по Хельсинкским соглашениям о том, что советское правительство приняло решение освободить всех осужденных по политическим обвинениям. В феврале 1987 года началось это освобождение и к началу 1988 года в СССР не осталось политических заключенных.

Сейчас правозащитникам работать в местах заключения хоть и нелегко, но гораздо легче, чем в советское время. Во-первых, – и это очень важно – потому, что за правозащитную деятельность сейчас, как правило, не сажают. Во-вторых, гораздо легче стало получать информацию из мест заключения, хотя и сейчас ее утечки стремятся избежать те, кто этими местами руководит.

Сейчас в России, как и в других цивилизованных странах, проводится мониторинг мест заключения. Не скажу, что условия для этого благоприятные – таковыми они были в начале 90-х годов, а потом наши возможности проводить мониторинг почти сошли на нет, за исключением отдельных регионов, где правозащитникам удалось наладить отношения с соответствующим начальством. Тем не менее и в эти годы мы знали о положении в местах заключения вполне достаточно – и об ужасающей скученности в следственных изоляторах, и об аварийном состоянии многих тюремных зданий, и об отсутствии работы у заключенных, и об эпидемии туберкулеза в местах заключения.

Мы били тревогу, и приезжали посланцы от Совета Европы, от ООН, еще откуда-то. Выходили соответствующие доклады. И все это помогло улучшить условия содержания в местах заключения.

В настоящее время перенаселенность следственных изоляторов уменьшилась, туберкулезных стали лечить, в тюрьмах и в лагерях появились социальные работники и психологи. Это не значит, что у нас все в порядке, нет, конечно, но условия улучшились. Однако сегодня система исполнения наказания снова закрывается от воздействия правозащитников. Нас публично обвиняют в том, что мы якобы по наущению крими-

нала устраиваем волнения в местах заключения. Нам не удастся провести через Государственную Думу закон об общественном контроле за местами заключения. Но самое горькое в сегодняшней ситуации, что у нас снова появились политические заключенные, которых не было с конца 1980-х годов. Правда, нынешние российские политзеки не похожи на политзеков советского времени. Их точнее было бы называть не политзаключенными, а жертвами политических репрессий.

Жертвами политических репрессий являются Михаил Ходорковский, Михаил Трепашкин, верующие мусульмане или просто молодые чеченские парни, без каких-либо доказательств обвиненные в терроризме, члены национал-большевистской партии (НБП) – участники протестных акций.

Жертв политических репрессий у нас не очень много – десятки, может быть, сотни на почти миллион заключенных. Но мы знаем далеко не всех таких зеков. А еще меньше знают о них наши соотечественники. Открытая информация об этом – не менее важная задача, чем улучшение условий содержания заключенных, так как наличие сегодня политически мотивированных репрессий – позор для страны.

Ив Коэн

Тюрьмы и социальные движения, политические акции и защита заключенных во Франции 1970-х (свидетельство)

По профессии я историк, но здесь я буду выступать как свидетель, причем свидетель в трех амплуа сразу: я входил в группу Пролетарская Левая, которая имела касательство к тюрьмам не только в связи с приговорами ее членам, но и в связи с тем, что она оказывала поддержку заключенным. И сам я по политическому обвинению провел в тюрьме один год.

Я находился в тюрьме на общих основаниях. Мы – я и еще четыре моих товарища, попавших в тюрьму по политическому делу одновременно со мной, не имели политического статуса (это называлось особый статус). Нам повезло – мы попали в тюрьму как раз тогда, когда

туда стали допускать прессу, то есть летом 1971 года. Именно с того времени заключенным разрешили выписывать за свои деньги газеты и журналы. Возможность получать прессу была первым ощутимым результатом голодовок заключенных-маоистов и первых акций Группы информации по тюрьмам.

Первые три месяца я сидел в маленькой тюрьме с большими камерами на семь-восемь человек. Остальной срок я провел в Безансоне, в тюрьме камерного типа, где помещения были рассчитаны на двух человек. Однако тогда уже началось в тюрьмах перенаселение, так что в этих камерах размещалось по три, а то и четыре человека. Поначалу в моей камере находился один из моих «подельников».

Большую часть заключенных в этой тюрьме составляли очень молодые люди. В основном они совершали правонарушения, чтобы не работать на заводе. Главным образом это были люди очень бедные, у которых не было средств на покупку продуктов. Например, кофе нам не давали, но за свои деньги можно было купить кофе с цикорием.

Подследственным разрешалось работать, а осужденные обязаны были это делать. За час работы платили примерно в пять раз меньше, чем была минимальная почасовая оплата на воле. Работы организовывала частная фирма. Например, надо было скручивать проволоочки, которые удерживают пробку в бутылках с шампанским.

В душ водили раз в неделю, один раз в день – на часовую прогулку в крошечном дворике. В библиотеке можно было брать одну книгу в неделю. По воскресеньям в здании тюрьмы служили мессу, разумеется, католическую. Многие заключенные были агностиками, атеистами или принадлежали к другим конфессиям, но охотно пользовались этой возможностью пообщаться.

Был в тюрьме врач и дантист, который, правда, только рвал зубы, а не лечил их. Были и священники, католический, протестантский и, возможно, иудаистский, но мусульманского в те времена не было. Воспитатели должны были помогать заключенным получать образование, например, записаться в школу и получить аттестат о неполном среднем образовании, а также закончить среднее или высшее образование. Бывали в тюрьме и так называемые посетители, в основном, одинокие, бессемейные люди. Я в заключении к физическому труду не привлекался, так как записался на первый курс исторического факультета. Получилось это у меня легко и просто благодаря родителям, у которых были связи в безансонском университете. Я получал книги с воли, что для остальных заключенных было невозможно. В основном дети рабочих, они пытались получить аттестат, но быстро сдавались,

пасуя перед трудностями. Для того чтобы преодолеть бюрократические препятствия, требовалась железная воля, даже несмотря на помощь воспитателей.

В декабре 1971 года по тюрьмам прокатилась волна мятежей. Министрство юстиции в том году наложило запрет на рождественские посылки.

Мы вчетвером объявили голодовку. Других заключенных мы в это не втягивали, так как из-за камерного режима содержания мы были очень разобщены. Мы требовали улучшения условий содержания, а не особенно, политического статуса для себя лично. Нас посадили в карцер.

По выходе из карцера я оказался в полном одиночестве. У одного из моих товарищей закончился срок, двух других перевели в другую тюрьму. Единственный человек, с которым я мог как-то общаться, был Франки, настоящий бандит. Его перевели в Безансон из другой тюрьмы, где он возглавил бунт.

По нашему делу мы вряд ли могли требовать для себя статуса политзаключенных. Наши товарищи мало занимались нами. Большинство осужденных-маоистов находилось в районе Парижа или других больших городах, мы же оказались в далекой провинции. Однажды, правда, наши товарищи прибыли к тюрьме, чтобы выразить нам свою поддержку.

Помогали мне мои товарищи по заводу «Пежо». Многие мне писали, а один даже хотел навестить меня, но администрация ему ответила, что здесь, мол, не гостиница.

Тогда во Франции был период, называемый «славным тридцатилетием». Выросла покупательная способность всех социальных групп, несмотря на значительное неравенство.

Наше поколение испытывало жажду радикализма, радикализма политического и интеллектуального. Наши родители пережили войну, немецкую оккупацию. Многие из них участвовали в Сопротивлении. И после Второй мировой войны были моменты большой политической ангажированности: против войны во Вьетнаме и особенно в Алжире, которая длилась с 1954 по 1962 год. К концу шестидесятых двадцатилетними стали молодые люди, родившиеся во время «бэби-бума». Это поколение успело побороться против войны во Вьетнаме. Оно было на стороне Китая в истории с Советским Союзом. Оно приветствовало культурную революцию в Китае, которая была направлена против высших слоев бюрократии. Оно поддерживало рабочие забастовки. Для обеспечения неквалифицированной рабочей силой начинается иммиграция, рабочие едут из Алжира, Туниса, Марокко, южной Италии, Юго-

славии, Турции. Многие из них живут в бидонвиях, потому что не ведется строительство дешевого жилья.

Мы, члены Пролетарской Лево́й, думали, что наше общество оккупировано, что капиталисты – это нацисты, коммунисты – коллаборанты, а мы – участники Сопротивления. Этим оправдывалось наше стремление к насилию. В том воображаемом мире, который мы сконструировали, нам нужен был могущественный враг, не меньше того, что устроил Холокост. В моих фантазиях завод «Пежо», тогда крупнейший во Франции, где трудились 40 000 рабочих, совмещался с образом Освенцима. Мы обязаны были пройти через экстремальный опыт.

Мы поддерживали самые радикальные формы борьбы. В 1968 году на «Пежо» проводилась большая забастовка. В результате завод был занят спецназом. Целый день на заводе шло сражение, погибло двое рабочих. К вечеру у рабочих появились винтовки и гранаты. Правительство дрогнуло. Нам казалось, что это – начало революционной гражданской войны. Близился день, к которому мы готовились. День прямого и обязательно насильственного действия, и в то же время – действия символического, который обнажит язвы общества. Мы тогда считали, что находимся в идеологической фазе революции.

Мы были солидарны с заключенными, потому что они были наиболее эксплуатируемой группой. Поначалу Пролетарская Левая боролась только за своих товарищей. Когда число заключенных членов Пролетарской Лево́й достигло двухсот, была создана Организация политических заключенных. Ее задачей было оказание юридической помощи нашим товарищам и поддержка их акций в стенах тюрьмы. Кульминационным пунктом борьбы стали две голодовки, одна – за предоставление статуса политзаключенных, вторая – в основном, за улучшение условий содержания.

Наум Ним

Человек создает тюрьму. Тюрьма создает общество...

Точнее всего государство характеризуют его репрессивные и дисциплинарные пространства, и главное из них – пространство тюрьмы.

Эти пространства являются дисциплинарными и для их управленческого персонала. Поэтому сложившееся там положение (положение, отстоявшееся в процессе тактических реорганизаций) можно считать образцом, в котором полностью осуществляются государственные предпочтения и представления о правильных и эффективных методах управления и о желательных государству параметрах заботы о собственных гражданах. Эти образцы практически не замутняются живой дымовой завесой политического популизма или хаосом общественных инициатив, которые, как правило, остаются и бурлят за оградками и запретками репрессивных пространств.

Именно поэтому можно утверждать, что острова репрессий (и тюрьма как наиболее распространенная зона репрессий) являются наиболее чистыми образцами, демонстрирующими истинное отношение власти и к своим гражданам, и к желаемому порядку управления ими.

Одна из особенностей нашей тюрьмы в том, что ее обитатели, как правило, ничем не отличаются от разгуливающих на свободе граждан. Грабители, убийцы, случайные пассажиры – все они там примерно в той же пропорции, что и оставшиеся на воле. Выловите какой-то сетью полсотни человек на улице и впрессуйте их в тюремную камеру, и уже через несколько дней никто не найдет никаких различий между ними и арестантами соседней камеры, выловленными в результате специальных оперативно-следственных мероприятий. А если закрутить против них уголовные дела и оставить их там до суда, то и суд никаких различий не найдет.

Так что там точно такие же люди, как и те, что окружают нас повседневно. Ничем не хуже. Правда, и – не лучше...

И российская тюрьма – это примерно миллион обычных наших соотечественников (не самых лучших, включая и самых худших), впрессованных в пространство чистого государственного насилия. Своеобразные нормы и обычаи тюрьмы перераспределяют давление этого насилия, превращая саму тюрьму в экстремальный концентрат всего нашего общества (разбавь в отношении 1:150, перемешай и – любуйся!).

Модели жизни и модели выживания, которые вырабатывает и принимает (по крайней мере – не отторгает) тюрьма, становятся образцом общественного поведения, не очень заметным на воле, где люди – в защите какого-то личного пространства безопасности, но явным и очевидным при любой (даже и кажущейся) угрозе благополучию, положению, планам или даже надеждам...

Модели жизни и модели выживания совпадают, если во всем обществе (и тюрьме) жизнь является главной ценностью, и эти же модели поведения могут сильно отличаться, если в жизни людей есть какие-то ценности, которые важнее и самой жизни. Но все эти модели нам вырабатывает тюрьма.

Тюрьма – это инерционный маховик, крутящий нормы общественной жизни орбитой своих обычаев. Эффект гироскопа...

Хочешь изменить общество – измени тюрьму...

Я понимаю, что изложенная точка зрения на взаимодействие тюрьмы и общества может показаться несколько экстравагантной. Не буду на ней настаивать. Но именно тюрьма вполне успешно обкатывает и предлагает нам расчеловечивающие модели выживания. Они и принимаются, так как прошли эффективную практическую проверку в экстремальных условиях тюрьмы. И именно для этого надо стараться менять тюрьму.

Прошлый наш опыт говорит об успешности такого воздействия, хотя никто, конечно, и не держал в уме подобную схему. Удачно совпали обретенные человеческие нормы поведения и существовавшая в то время форма поведения, одобряемая тюрьмой: форма во многом голая, без позитивного содержания, наиболее точно выраженная термином «отрицалово» – то есть полное и абсолютное неприятие любых административных требований.

Мы жили тогда в практически совершенной системе тотального контроля...

Убеждающая правота совковых резонов была всего лишь нашим очевидным бессилием... И нашим страхом – таким простительным и таким понятным. И что мы можем – слабосильные и напуганные прежде рождения?

«А мы можем – всё!, но сами себе лжём, чтобы себя успокоить. Никакие не "они" во всём виноваты – мы сами, только мы! <...>

И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!

И это – прорез во мнимом кольце нашего бездействия! – самый лёгкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отшатываются ото лжи – она просто перестаёт существовать. Как зараза, она может существовать только на людях».

Именно эта, предложенная Солженицыным и воспринятая в обществе модель поведения, эта норма жизни вместе с ее носителями проникла в тюрьму.

И тюремное «отрицалово» тут же приобрело содержание и смысл. Поэтому тюремными законниками сразу была оказана максимальная поддержка диссидентскому сопротивлению. Они не очень вдумывались в правозащитные резоны диссидентов, точно и по большому счету верно переименовав правозащитников в ПРАВДОзащитников.

Правда стала ценностью, которая утверждалась точной и ясной моделью жизни (увы – не совпадающей с моделью выживания). Эта модель выдерживала тюремное испытание, более того, была одобрена тюрьмой, завоевала там высокую репутацию (даже среди тех обитателей тюрьмы, которые не только не следовали таким нормам, но и – кто вынужденно, а кто и старательно – пытались ее уничтожить).

А уж после такой обкатки подобная же модель начала достаточно стремительно воспроизводиться в обществе.

Это можно сравнить с процессом кристаллизации. Модели достойного поведения воспроизводились сами. Организационные формы (Фонд или издательство «Хроники») способствовали этому, но не определяли полностью этот процесс структурирования. Поэтому даже после разгрома этих организаций такое структурирование подавить не удавалось. Ценности правды и справедливости структурировали советское общество благодаря найденным моделям достойной жизни. Главное же, что такая кристаллизация наиболее явно выявляла ложь и несправедливость советского мироустройства. А наиболее убедительно (и оглушительно) эти ложь и несправедливость демонстрировала тюрьма. И такая правда о тюрьме проявлялась тоже именно на фоне подобной же кристаллизации тюремного быта.

Тюремная модель достойной жизни становилась не только образцом для вольных граждан, но и служила неоспоримым аргументом правильности такого выбора – была фундаментом внутренней правоты.

Эти нормы становились не просто уделом каких-то оголтелых социальных самоубийц, а вполне возможными параметрами жизни, непротиворечивой ценностям правды и справедливости. И пусть по этому поводу велись нескончаемые споры, но любой знал где точно царствуют невыносимая ложь и лютая несправедливость. Таким местом была тюрьма...

Сегодняшние модели общественного поведения тоже успешно отработаны сегодняшней тюрьмой. И там, и на воле единственным ме-

рилом жизни царит достижение максимально возможного личного благополучия. Любым способом. Чаще всего для этого приходится устроить какую-то «мутку» с гражданами-начальниками (читай по-вольному: реализовать совместный с начальством проект). Но в тюрьме любого (даже очень относительного) благополучия можно достичь только за счет своего ближнего (в прямом смысле – ближнего). Вот тюрьма и обкатывает нам гнусные модели жизни и выживания, которые опять практически совпадают.

Выгода, как единственно стоящая ценность, не может стать структурой общества и сообщества – она, наоборот, содействует одному лишь разложению.

А сама тюрьма, как главный источник болотного разложения, становится все более закрытой для нашего воздействия.

Но пока еще все не безнадежно. Тюремные фасады отстраиваются в современных европейских декорациях. А это все-таки дает возможность противостоять закрытости тюрьмы и вносить туда нормы жизни, препятствующие расчеловечиванию.

Самая угрожающая тенденция сегодняшней тюрьмы – это практика передачи властных репрессивных полномочий из рук администрации в руки заключенных-активистов. Это – группы штурмовиков, поощряемые ленивой администрацией. И такой путь создает самые гнусные модели жизни и выживания в тюрьме.

А попробуйте представить, как к этим моделям в качестве содержательного наполнения добавятся убеждения каких-то целеустремленных ксенофобов (непримиримых и оголтелых), которые начали сейчас попадать в тюрьму?..

Обкатанные тюрьмой эти модели могут страшным образом начать воспроизводиться в нашем обществе...

Впрочем, пока все еще не безнадежно. По крайней мере пока у каждого есть возможность читать, писать и говорить, что угодно и без опаски наказаний. И если кто-то посетует: «А что я могу сделать? Такова жизнь...», если только вздохнет мимолетно о своем бессилии изменить заградный тюремный и законный вольный мир, то, может быть, он вспомнит давнее:

«А мы можем – всё!, но сами себе лжём, чтобы себя успокоить. Никакие не "они" во всём виноваты – мы сами, только мы!».

Александр Черкасов

Не пропавшие без вести и незабываемый полк

Я буду говорить о том, что неплохо делалось правозащитниками в новейшее время и даже иногда приводило к каким-то успехам. Правда, в итоге-то все оказалось плохо, а успехи – временными и непрочными.

Двенадцать лет назад началась Чеченская война, которая продолжается и до сих пор. Оказалось, что есть темы, есть вызовы, к которым никто не готов. Десятки тысяч погибших мирных жителей, тысячи пропавших без вести, проблема пленных, заложников, незаконно задержанных.

Если помните, в самом начале, 26 ноября 1994 года в Грозном были захвачены чеченскими отрядами офицеры российской армии, завербованные федеральной службой контрразведки для действий на территории России в помощь марионеточному правительству Чечни. То есть это стиль действий, который Франция, скажем, могла бы использовать на территории черной Африки, но чтобы так действовать на своей территории – это надо постараться.

Несколько десятков офицеров российской армии были захвачены, а министр обороны Павел Грачев заявил, что это не российские офицеры. Отказался признать их своими. И неожиданно возник такой сюжет: пленные сотрудники силовых структур России в ходе войны – сюжет, который официальные власти России старались не признавать, потому что это противоречило идее маленькой победоносной войны.

И так сложилось, что судьбами пленных солдат занимались разнообразные правозащитники. Среди них были и бывшие титулованные правозащитники, которые стали депутатами Государственной Думы, и еще более титулованные, как, например, С.А. Ковалев – он был тогда омбудсменом России и Председателем Комиссии по правам человека при президенте.

Надо сказать, что первые списки пленных привез в Москву Ковалев в январе 1995 года, и публикация этих списков в дни, когда официальная пропаганда вещала об успешном взятии города Грозный и о полной победе над неприятелем, была очень неудобна власти. И потом тема цены одержанной победы – взятия Грозного – тоже была очень неудобна. Между тем сотни человек пропали без вести или находились в распоряжении чеченских отрядов. Их поиск, составление

списков, попытки освобождения, переговоры для освобождения плен­ных и незаконно задержанных с обеих сторон стали одной из основ­ных задач так называемой группы Ковалева.

Тогда списки пленных составляли мемориальцы, используя для этого очень примитивную компьютерную программу, предназначенную на самом деле для забивания библиографических карточек. И каково же было наше удивление, когда летом 1995 года выяснилось, что наша база данных по пленным лучше, чем у российской армии, и лучше, чем у Федеральной Службы Безопасности, которые по идее и должны были искать плен­ных.

Тогда же, летом 1995 года, мы включились в работу по составлению списков пропавших без вести гражданских лиц, русских и чеченцев, пропавших в Чечне. Существовали организации, сообщества, ассоци­ации родственников, искавших пропавших людей, но объем информа­ции был такой и она была в таком виде, что списки составить было практически невозможно.

Мы в эту работу включились и в итоге имели какой-то странный статус – мы могли работать в горах, в селах, контролировавшихся че­ченскими отрядами, там, где держали плен­ных, могли встречаться с пленными, составлять списки, которые представлялись на перегово­ры, которые тогда велись, но велись очень вяло.

Это не привело к тому, о чем стороны договорились 1995 году, а именно к обмену плен­ных «всех на всех». Но был хотя бы какой-то предмет переговоров. Тогда были освобождены всего лишь несколько десятков человек из сотен, содержавшихся в списках. Потом выясни­лось, что в списках больше мертвых и что по спискам пропавших без вести опознаются в основном тела, вывезенные в специальную лабо­раторию в Моздок.

Однако эта гуманитарная работа позволила все-таки добиться част­ного успеха. То, что в течение полугода предлагала группа Ковалева, неожиданно было реализовано в июне 1995 года, когда Шамиль Баса­ев захватил заложников в Буденновске. Сейчас бытует версия, что спец­наз уже почти взял штурмом больницу и почти освободил заложни­ков, но тут явился злобный Ковалев, помешал спецназу и вообще испортил всю малину.

На самом деле атака на больницу захлебнулась, и командир спец­наза генерал Герасимов дал приказ отойти, и тогда в результате неко­торых случайностей Ковалеву удалось войти в переговоры, очень бы­стро добиться договоренностей и освобождения примерно полутора тысяч заложников. Насколько я помню, ни в «Норд-Осте», ни в Бесла-

не такого не было. Вообще больше не было такого, чтобы при массовом захвате заложников удавалось войти в переговоры и большую часть освободить.

В декабре 1995 года возобновились боевые действия, а в январе 1996 года Салман Радуев, желая повторить подвиг Шамиля Басаева, захватил заложников в Дагестане. Большая часть заложников была освобождена из больницы, прежде чем Салман Радуев с оставшимися полутора сотнями заложников двинулся в сторону Чечни. Но там в переговоры вступило, скажем так, местное гражданское общество. Проще говоря, дагестанцы сказали чеченцам: «Знаете, у нас тут находится несколько десятков тысяч ваших беженцев, и что, интересно, скажут вам родственники этих беженцев, если теперь с ними, к примеру, что-то произойдет?» Имел место элементарный шантаж, который, однако, оказался не менее эффективным, чем вмешательство Сергея Ковалева в Буденновске.

Дальше и работа по пленным, и работа по пропавшим без вести гражданским была не очень эффективна. Да, совершенствовались списки, да, под конец войны мы имели списки лучше, чем у федерального командования, потому что там они были разбиты по ведомствам – отдельно МВД, отдельно министерство обороны, у нас все было сведено вместе. Но успехи по освобождению конкретных людей случались достаточно редко, и вряд ли механизмы освобождения были совсем правовыми.

В августе 1996 года чеченские отряды снова вошли в Грозный, заняли его, шли бои, война вернулась туда, откуда вышла, и, казалось, конца этому не будет. И тут неожиданно является генерал Лебедь, тогда бывший секретарем Совета Безопасности России, и, поездив-посмотрев, заключает мир с чеченскими силами. Надо сказать, что до этого генерал Лебедь имел в своей предвыборной президентской программе пункт, что он-де добьется мира в Чечне. Но мало кто знает, что получив от президента Ельцина пост секретаря Совета Безопасности и поддержку во втором туре президентских выборов, именно Лебедь санкционировал возобновление полномасштабных боевых действий в Чечне. Однако, ознакомившись с ситуацией на месте, он, по сути дела, реализовал те принципы и ту программу, которую Ковалев и товарищи предлагали еще 1995 году. То есть некоторые идеи, некоторые сюжеты, будучи вброшенными в публичное пространство, были реализованы совершенно другими людьми. Ну кто же ждал от генерала Лебедея мира? И тем не менее это можно рассматривать как некий локаль-

ный успех. Кроме того, достаточно мощным было движение «Солдатских матерей».

Тогда, в 1995-м, у нас было достаточно эффективное сотрудничество с властями, и чеченскими, и российскими. Можно было жить неделю в чеченском селе, неделю – на военной базе, и там, и там понимали, что мы занимаемся важным делом, которое они сделать не могут и которое и тем, и другим нужно. Конечно, из пропавших без вести живыми вернуть удалось далеко не всех, но хотя бы около восьмисот погибших были опознаны. Для 1995 года это немало.

К добру или к худу такие вояжи? Бог знает. Но не было случая, чтобы пленный, с которым я виделся, потом погиб.

Мы завершили работу по пленным в январе 1997 года, издав книжку «Неизвестный солдат Кавказской войны», где опубликованы списки примерно шести тысяч солдат, погибших, пропавших без вести, списанных на самовольное оставление части. Разослали ее по региональным военкоматам и прочим структурам, которые по идее должны заниматься поиском. И – прекратили эту работу, потому что невозможно подменять собою государственные структуры. Собственно, вся работа этой группы в Чечне мыслилась как временная, а чеченская война – как экстраординарный сюжет. И тогда, в первую войну, эта работа показала узость слоя, из которого мы есть. Кто ездил в Чечню? Например, два соредатора Сергея Ковалева по «Хронике текущих событий». Мемориальцы из разных городов. Но чтобы интеллектуалы поднялись и толпами ринулись в эту работу... Этого не было. Тем не менее этот сюжет жертв – пропавших, пленных, погибших – был понят. Он, может быть, в итоге определял отношение общества к происходящему.

Кстати, замечу, что оценки числа погибших гражданских лиц (потому что поименные списки составить было, мягко говоря, сложно) – тоже мемориальские. Мы опросили около тысячи семей – беженцев из Грозного зимой 1994–1995 годов, и оценка, которую сделал специалист в другой области, физик Эдуард Гельман, показала от 25 до 29 тысяч погибших в ходе штурма Грозного. Официальных данных не существует. Российский государственный комитет по статистике, когда от него затребовали итоговые цифры – сколько же погибло гражданских лиц? – обращался в «Мемориал», как в последнюю инстанцию.

Погибшие – они погибли, и все. Заложников продолжали захватывать. Межвоенные захваты заложников очень широко освещались в средствах массовой информации. Эта тема перестала быть табу, хотя вытаскивани-

ем этих людей занимались в основном журналисты, правозащитники, а государственной работы в этом направлении не было. Тема заложников в межвоенный период кардинально изменила отношение российского общества к Чечне. И осенью 1999 года российское общество в целом уже с одобрением восприняло начало второй чеченской войны.

И вообще, с августа 1999 года ситуация сильно изменилась. С силовыми структурами мы сейчас не можем работать по сюжету пленных и пропавших без вести. Мы сейчас работаем иначе – на месте у нас есть сеть профессиональных офисов, на месте сложилось профессиональное сообщество. И отношение этих людей к жертвам войны иное, чем мое. Я – такой толстый, упитанный москвич, который иногда ездит отдыхать на юг, а они там живут. У многих, у большинства погибли или исчезли родственники. Между ними и теми, кто является нашими «клиентами», нет такой дистанции, как у нас.

Но в целом тема пропавших в Чечне не ушла. То, что люди в Чечне исчезают, известно.

Какой итог? Временные успехи, которые имели место после Буденновска, в 96-м году – все это исчерпалось и растворилось. Тот кредит доверия, который был в 90-е годы, куда-то делся. Мы откатились очень далеко назад. Но даже в этих условиях иногда что-то удается и из тысяч исчезнувших какие-то единицы возвращаются. Иногда, может быть, в результате нашей работы. В общем, результат плохой. Опыт же, по моему, не бессмысленный.

Алексей Смирнов

«Правозащитное движение страшно размыто»

Я был воспитан в семье писателя Костерина Алексея Евграфовича, участника гражданской войны в Чечне, комиссара Грозного. Он отсидел семнадцать лет, в том числе и на Колыме, в страшнейших условиях. Так что с детства я уже находился в этой атмосфере. Костерин воспитывал меня, потому что мой отец уже в это время сидел в Комсомольске-на-Амуре, а позже я уже сам сел в уральские лагеря. Когда это слышат западные друзья, они говорят: ээк в третьем поколении.

Да, действительно, мы страна эзков, если угодно. Молодежи это важно знать. Кто-то сидел, кто-то сажал, кто-то за всем этим наблюдал. Так делилось наше общество. Это была деградация, национальная, даже генетическая трагедия, если угодно.

Я до сих пор связан с политическими заключенными бывшего Советского Союза, с грузинами, армянами, прибалтами и, конечно, с украинцами, которые спасли мне жизнь в лагере. На месте, где я сидел, в 36-й пермской зоне, сейчас создан музей ГУЛАГа всего СССР. В нашей империи зла была действительно центральная точка зла – 36-я зона.

Меня арестовали за то, что сейчас называется мониторингом. Я вел списки политзаключенных вместе с сыном Сергея Адамовича Ковалева Иваном. Это была подпольная работа, тяжелая, вели мы ее, в том числе, на квартире Андрея Дмитриевича Сахарова.

Немножко статистики: ближе к смерти Брежнева, когда стало понятно, что в СССР что-то сдвинется, насчитывалось около тысячи человек (плюс-минус сто), которых мы относили к политическим заключенным. И тогда был вопрос: добиваться ли гуманизации содержания только для политзаключенных или для всех эзков вместе? Этический, в общем-то, вопрос. Когда я работал еще до ареста, было само собой ясно, кто политзаключенный, а кто нет. Арестован человек по определенным статьям, связанным с политикой, антисоветской агитацией и пропагандой, как я, например, – ясно, что он политический. А вдруг он арестован случайно, он жертва, его подставили, подбросили ему какую-то литературу, тот же самый «Архипелаг ГУЛАГ»? Кто он – политический? жертва?

Эта тысяча человек на весь СССР сидела в уголовных лагерях по всему СССР, политических спецлагерях (их было четыре и одна тюрьма), а также в психбольницах.

Тогда все было ясно. Более того, в послесталинское время политзаключенные активно обсуждали условия своего содержания, даже выработали собственный статус, статус политзаключенных. То есть была предпринята попытка поиска юридической дефиниции: кто конкретно называется политзаключенным? В отличие от статуса «Международной Амнистии» – «узники совести» – наши политзеки хотели выработать свое понятие.

И сейчас нам очень мешает, что до сих пор неясно: кто такие политзаключенные? есть ли сейчас они или нет? Более того, этот вопрос вообще табуирован. Уже важен не сам термин, а важны причины, по которым вообще вся тема поиска определения замалчивается. Сейчас политзаключенным называют кого угодно – арестуют Бен Ладена и тоже назовут политзаключенным...

В моем лагере перед перестройкой, когда я там сидел, было около ста человек. Половина из них – так называемые «полицаи», сотрудничавшие с немцами во время войны. Я никогда не думал, что увижу их, видел до того только в кино. Это были пожилые люди, «старики», как мы их называли, которых повторно осудили и, на мой взгляд, в большинстве случаев – несправедливо. Из оставшихся пятидесяти половина были так называемые «шпионы», то есть люди, осужденные за шпионаж. На самом деле ни о каком шпионаже речи не было, был переход границы или попытка сфотографировать, например, секретный объект и тому подобное. По этим статьям садились молодые мальчишки, зачастую КГБ искусственно создавало эти дела, чтобы получить свои награды.

Итак, остается двадцать пять так называемых «политических». Из них половина – «стукачи». Так что на зоне было человек двенадцать, с которыми можно говорить.

Когда я освободился, все ходили, митинговали, и я пришел на какое-то большое собрание. Меня спросили: «А вы кто?» Я сказал. Меня тогда попросили посидеть, подождать, пока они закончат. Люди обсуждали будущее страны и демократии, в том числе и реформу пенитенциарной системы. Когда я пытался сказать, что уже все есть, все придумано, что мы могли бы выступить в качестве экспертов – никто не слушал.

Все наше правозащитное движение страшно размыто, нет координации, нет желания объединяться, но мы не сможем добиться результатов, если у нас не будет каких-то форм объединения. Коллективизм вообще присущ русским, и здесь он особенно важен. Мы должны искать эти формы.

Станислав Маркелов

Политзаключенные сегодня

Новая волна политзаключенных в России появилась именно в тот период, когда лозунг «свобода политзаключенным», казалось бы, был полностью реализован. При этом вопрос о том, что делать с борцами с властью, которые пошли по пути реальных действий, а не демагогических лозунгов и бесконечных манифестаций, был абсолютно проигно-

рирован правозащитным сообществом. Вчерашние борцы с советской властью упорно не хотели признавать равными по статусу себе борцов с властью, которая называла себя либеральной и демократической.

Я не смогу рассказать о всех делах и хотел бы остановиться лишь на одном, достаточно ярком в 90-е годы. Это рабочие выступления и беспорядки на выборгском ЦБК. Его незаконно приватизировали, отдали местным мафиози, их вместе искали Интерпол и местные рабочие. Интерпол – чтобы посадить, а рабочие – чтобы отнять комбинат. Владельцев так и не нашли, и рабочие взяли власть на этом заводе в свои руки. После этого к рабочим в гости пришел «Тайфун» – спецподразделение ОМОНа, занимающееся подавлением беспорядков в зонах. Они захватили этот комбинат, естественно, с огромным количеством травм, избитых. А потом против рабочих были возбуждены уголовные дела. Причем по очень тяжким статьям: от организации массовых беспорядков (до 10 лет лишения свободы) до воспрепятствования работе милиции и правоохранительных органов.

Отношение правозащитников к тем, кто оказался под угрозой очень серьезной посадки и обратился к ним за помощью, можно выразить так: эти права мы не защищаем, они вне сферы прав человека.

Это очень важный, узловый подход девяностых годов. То есть Пакт о гражданских и политических правах стоит главным пунктом повестки дня, а Пакт о социально-экономических правах, изданный тогда же, игнорируется, потому что его использовала советская власть для пропагандистской обработки Запада. Значит, мы не должны использовать этот пакт.

Это дело стало показательным для социального протестного движения девяностых годов, и оно высветило различия в подходе левых активистов и общим либеральным направлением в правозащите. Она действительно либеральна в своей массе, в ней есть лишь отдельные вкрапления левой активности...

В девяностых годах возникло парадоксальное положение: можно было устраивать голодовки, митинги, многотысячные демонстрации, даже перекрывать дороги, но это никого не интересовало. Однако как только Андрей Соколов устроил демонстрационный взрыв на Ваганьковском кладбище и взорвал надгробие Николая II, под которым не было никакого захоронения (в результате взрыва от памятника оторвался скел примерно в полметра), он сразу стал знаменит на всю Россию. Причем свою акцию он объяснил, вывесив лозунг: «Зарплату рабочим!». Это дело тогда очень гремело. Потом начались попытки взрывов памятника тому же Николаю II в Подольске, Петру I и так далее.

Эти люди не хотели устраивать теракты, они устраивали бутафорский терроризм. Они взрывали макеты памятников, причем так, чтобы не пострадал ни один человек. Делали они это только для того, чтобы продемонстрировать: они готовы к действиям. А власть отвечала вполне реальными репрессиями.

В результате представители этих групп – НРА (Новая Революционная Альтернатива) и других – получили значительные сроки лишения свободы. И здесь есть прямой аналог с западным опытом, потому что террористической волна на Западе тоже поднялась не сразу. Сначала проводят карнавальные акции, акции бутафорского терроризма, а когда власть в ответ применяет отнюдь не бутафорские карательные меры, приходит понимание адекватной реакции...

Я думаю, что до конца 90-х годов нас могла бы ожидать волна левого терроризма, так как никаких других легальных способов проявления оппозиционности, в первую очередь у молодежи, попросту не было. Но произошло новое политическое событие – Чеченская война, – и с конца 90-х годов любое действие террористического характера автоматически приписывалось чеченцам. Даже последняя самая крупная акция леворадикальных террористов – взрыв приемной ФСБ на Кузнецком мосту – сразу была приписана чеченцам.

Радикалы действовали исключительно из политических мотивов, но они были и исключительно антилиберальны. Можно ли считать их политзаключенными? Хотят ли они сами иметь этот статус?

Безусловно, самих себя они считают именно политзаключенными. Безусловно, в 90-е годы в отличие, может быть, от нашего времени большинство правозащитного сообщества откровенно от них как только могло, потому что они выступали против тех ценностей, которые правозащитное сообщество всеми силами поддерживало. Надо заметить, что методы давления на радикалов были абсолютно те же самые, что и на либералов-диссидентов семидесятых-восемидесятых годов (их кидали в одиночки, малолетних детей отбирали у «мамок», беременных женщин этапировали в жестяных ящиках под охраной тридцати альфовцев – меньше никак нельзя). И точно также вопрос о справедливости суда даже не стоял – справедливостникто и не ждал.

Проблема признания заключенных политическими и сейчас не снята. Делаются попытки применять этот статус к нужной политической категории. Например, к Ходорковскому и другим лицам, пострадавшим от действий государства в экономической сфере, также расширительно применяется понятие «политзаключенный».

Возникает и другой вопрос: можно ли включить в понятие «политзаключенный» жертв чеченского конфликта? Я много работал в Чечне и прекрасно понимаю, что одно и то же лицо вчера могло устраивать бандитские действия в отношении лиц нечеченской национальности; на следующий день – стать жертвой федералов; через год оказаться мирным жителем, у которого уничтожили дом; еще через два года принимать участие в боевых действиях. Понятие «политзаключенный» – понятие индивидуальное, а в случае большого конфликта есть просто жертвы войны. Даже если они действуют из идейных мотивов, они не могут быть политзаключенными. Понятие «политика» в войне размывается. Есть некие идеи, которые поднимают, как знамена, над определенными отрядами.

Я хочу обратить внимание еще на один аспект проблемы – появление новых заключенных. Это так называемые активисты. Дело в том, что активизм по-русски несколько отличается от активизма по-французски, по-немецки, по-испански. Это переход к радикальным действиям независимо от их политического характера. Самый яркий пример – НБП. Спросите у активиста национал-большевистской партии: «Кто ты: правый или левый?», и вы получите в ответ либо нечто невразумительное, либо заявление: «Мы просто радикалы, мы выступаем против нынешней системы».

Это достаточно опасная гремучая смесь. Такие ребята хорошо понимают, что любое радикальное действие, при котором они становятся политзаключенными, имеет намного большее политическое или социальное значение, чем легальный поступок. Можно поднимать непонятного цвета знамена, смешивать идеи левых и правых радикалов, устраивать безумные национал-социалистические смеси, но главное – проводить акции прямого действия, и уже акциями прямого действия выработать среду, которая по самому своему происхождению будет противопоставлена системе.

Интересно, что даже левые радикалы, оставаясь в той или иной степени левыми, переняли эту тактику. Следом за НБП по количеству возбужденных уголовных и административных дел идет АКМ. Это ультралевая, ультракоммунистическая организация сталинистского толка, которая сделала себе имя в молодежной среде не благодаря идеям, не благодаря каким-либо действиям в легальном политическом поле, а благодаря выходам за пределы легальных действий, благодаря радикальным акциям и появлению политзаключенных, потому что политзаключенные – это борцы за идею, это мученики.

Ситуация никому не нравится, так как число политзаключенных (как бы мы их ни называли, как бы мы к ним ни относились) увеличивается. Увеличивается и количество людей, которые радикально противопоставили себя системе на любых лозунгах: радикальный исламизм, радикальный национализм или левый радикализм. При этом возможности легального сопротивления практически отсутствуют.

К сожалению, приходится констатировать, что даже короткий обзор положения политзаключенных в современной России дает основание предполагать дальнейший рост этой категории заключенных. К такому выводу нельзя не прийти, потому что есть причины для радикализации политизированных общественных течений, любая протестная активность выдавливается из поля легальной политики, а понимание официальных политических процессов как предопределенных властями, на которые невозможно повлиять лишь законными методами, все больше укрепляется. Маргинализация политической активности приводит к репрессивным действиям, порождающим политзаключенных как отдельный социально-правовой феномен.

Наталья Звягина

Активисты против «профилактики гражданской активности»¹

Результатом и административного, и уголовного процесса может стать лишение человека свободы. Административное производство при этом в некотором смысле страшнее уголовного, потому что гораздо чаще применяется к обычным гражданам и к активистам самого разного рода – левым, экологам, анархистам и т.д. Существуют значительные законодательные лакуны, в особенности, касающиеся механизмов защиты обвиняемых в совершении административных правонарушений.

---

¹ Доклад Н. Звягиной назывался «Информационно-правовая работа как метод противодействия превентивным задержаниям и арестам. Команда правой безопасности для активистов «Legal Team» в период проведения саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге».

Главное, это невозможность в административном процессе достаточно адекватно защищать себя, несмотря на то, что законом предусмотрен защитник, которым может быть и адвокат, и любой гражданин. В документах, предоставленных отделением милиции, как правило, содержится огромное количество ошибок и противоречий, но судья выносит свое решение, основываясь на отраженных там данных, зачастую не дав возможности обвиняемому пригласить своего свидетеля или защитника. Человека, который подвергнут административному аресту по постановлению суда, тут же в наручниках выводят из зала суда и доставляют в отделение милиции, а потом увозят в спецприемник, где он отбывает трое, пятнадцать, а то и тридцать суток, если это несовершеннолетний². Даже если суд второй инстанции, который проходит уже после того, как человека выпустили, признает первое обвинительное судебное постановление незаконным – сделать уже фактически ничего невозможно. Человек свои сутки отсидел...

В период подготовки и проведения саммита «Большой восьмерки» и конференции «Другая Россия» летом 2006 года как в Петербурге и Москве, так и по всей стране были отмечены массовые нарушения прав человека, имеющие явно системный характер. Фактически была развернута «негласная спецоперация» по предотвращению в Санкт-Петербурге протестных мероприятий.

Одними из самых жестких методов «профилактики гражданской активности» в связи с саммитом стали превентивные задержания и те самые административные аресты под самыми разными предлогами, зачастую абсурдными (писали с восьмого этажа, ругались матом «пошвейцарски» и т.д.). В основной своей массе сотрудники милиции ориентировались на процедуры, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях (КоАП). Команде правовой безопасности «Legal Team» известно о 286 фактах необоснованных задержаний активистов. Решения об аресте, который позволял изолировать активистов на весь период саммита, выносились на основании статей 20.1 «Мелкое хулиганство» и 19.3 «Неповиновение законному распоряжению сотрудника милиции». Типичным практически для всех задержаний стал сбор информации о задержанных. Сотрудники милиции переписывали паспортные данные, фотографировали, снимали

² Законодательство позволяет совершившего правонарушение подростка, из соображений его же безопасности, помещать в Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей, где условия содержания хуже, чем в спецприемнике.

отпечатки пальцев без соблюдения требований закона. Вероятно, многие зафиксированные таким образом активисты пополняют так называемые «списки экстремистов», которые власти активно использовали как повод для репрессивных действий, немало не заботясь о том, что фактически безосновательно обвиняют людей в совершении уголовного преступления. Многие люди, попавшие в такие списки, даже не подозревают об этом.

И все же именно летом 2006 года в Санкт-Петербурге власти впервые встретили отпор своим «псевдоправовым репрессиям в законе».

Предстоящий саммит Большой восьмерки в Петербурге стал поводом для заявления о создании Команды правовой безопасности активистами «Legal Team». Команда правовой безопасности обратилась к различным активистским группам, правозащитным организациям, медиаструктурам и заявила о своей готовности оказывать правовую поддержку активистам, консультировать их до начала самого мероприятия, следить за соблюдением законности сотрудниками правоохранительных органов во время проведения этих мероприятий, сопровождать дела задержанных в суде и так далее.

По сути, начав действовать, Команда правовой безопасности создала информационный ресурс, который позволил достаточно быстро мобилизовать работу очень разных людей в одном направлении, и в результате действия активистов заставили систему удивиться.

Власти Санкт-Петербурга были готовы к тому, что на улицы города выйдут толпы разъяренных подростков, которые будут громить улицы, но они были абсолютно не готовы к тому, что эти самые подростки, оказавшись в отделении милиции, будут вести себя очень грамотно, требовать соблюдения процессуальных норм и своих основных прав.

В результате система, готовая встречать активистов на улицах, оказалась не готова встретить их внутри себя. Когда эти активисты попадали в отделения милиции, начинались очень странные вещи: люди требовали протоколов, отказывались предъявлять паспорта, пока им не будут предоставлены защитники. То же самое было и в судах. Вдруг активисты приходят на открытые суды к задержанным, собирают группы людей, требующих гласного судопроизводства. В силовой и судебной системе начали происходить сбои, и законы начали работать.

Фактически первое успешное дело команды «Legal Team» – оказание поддержки антиядерным активистам, задержанным во время акции против ввоза в Россию отработанного ядерного топлива и схваченным при попытке оказать последним правовую помощь. Эта кампания была орга-

низована децентрализованно и дистантно: несколько групп людей параллельно работали в разных регионах. Задержанные правозащитники помогли активистам прямо в отделении, куда были доставлены вскоре после активистов. Другая группа работала в Москве. Группа информационного обеспечения начала действовать в Воронеже, и т.д. Так был создан живой журнал, как форма оперативного и максимально открытого для остального активистского сообщества участия и поддержки. Впервые было мобилизовано питерское и московское правозащитные сообщества, были использованы сбои в самой системе производства по делам об административных правонарушениях. Благодаря тому, что система поддержки сработала оперативно, арестовать активистов не удалось. Это очень сильно подняло дух остальных.

А во время саммита одним из важнейших результатов работы Команды правовой безопасности было то, что активисты убедились в существовании механизмов, которые способны помочь и защитить. Еще одним важным достижением команды было привлечение самих активистов к правовым методам защиты, к тактикам предотвращения арестов и задержаний. Многие активистские группы сейчас создают собственные команды правовой безопасности и пытаются формировать межгрупповые сообщества такого рода.

Команда правовой безопасности подготовила доклад о нарушении прав человека во время саммита. Доклад был назван «Хроники преследования активистов». Название не случайное, это своего рода дань российской правозащитной традиции, аллюзия к «Хроникам текущих событий». Этот доклад составлен по методикам МХГ на основании той информации, которая была собрана во время полевой работы на саммите и материалах судебных дел в отношении активистов.

Наш принцип: «Главное оружие в борьбе против беззакония властей – гласность и публичность происходящего». Я понимаю, что ничего абсолютно нового тут нет, но мы и не говорим, что мы совершенно уникальное явление, мы говорим, что мы – это закономерное продолжение традиции российского правозащитного движения. При этом мы учитываем опыт работы активистских групп поддержки в других странах, о чем свидетельствует само название «Legal Team». Но, зная о работе таких групп, как, например, «Rot Hilfe» в Германии или «Legal Team» в Голландии, мы можем утверждать, что все же работаем иначе, опираясь на традиции нашего правозащитного сообщества. Специфической российской команды правовой безопасности стала максимальная системность действия. Участники команды одновременно применяют

в своей работе и внесудебные механизмы защиты, включая возможные тактики предотвращения арестов и задержаний (обучение активистов, сопровождение акций независимыми наблюдателями, информирование милиции о возможном нарушении прав человека с их стороны в случае тех или иных действий и т.д.), и ведут судебные дела, освещают противозаконные действия власти и повышают мотивацию активистов к дальнейшей самостоятельной защите своих интересов, выступают связующим звеном между активистами и правозащитным сообществом в России и в других странах. То, что мы делаем, это не совсем активизм и не совсем правозащита, а нечто на стыке. Мы используем разные методики, прибегая и к вполне традиционным, и к совершенно новым технологиям и тактикам, в том числе информационным, как, например, использование ЖЖ.

В настоящий момент группа существует в фоновом режиме, ведутся судебные дела, люди, входящие в «Legal Team», продолжают поддерживать контакты и работать по тем направлениям, в которых работали до создания команды правовой безопасности. В частности, это защита права на свободу собраний и ассоциаций, на свободу выражения мнений, на неприкосновенность частной жизни и на справедливое публичное разбирательство. Расследуются факты существования списков «организаций экстремисткой направленности».

Мы надеемся, что наша деятельность и материалы нашего доклада помогут привлечь к ответственности должностных лиц, виновных в нарушении прав человека во время саммита Большой восьмерки в России. И мы надеемся заставить власть принять меры для предотвращения неправового давления на активистов, примером которому служит создание «списков экстремистов»...

Оксана Дзера

«Жестокая идеологическая война»

Последние два года в пенитенциарной системе России идет жестокая идеологическая война. За это время прокатилась волна акций протеста заключенных, в том числе таких массовых, как во Льгове и Улья-

новске. Во Льгове более тысячи заключенных принимали участие в акции протеста, шестьдесят человек получили тяжелые ранения. ФСИН и прокуратура постоянно занижали число протестующих и наконец ограничились цифрой 265. Однако только один заключенный был признан потерпевшим от действий администрации и только один участник акции (так и не признанный потерпевшим) добился принятия жалобы в Европейском Суде. Его, как и многих других, увезли из колонии, подвергали пыткам и преследованиям.

Выдавая участников акций протеста за злостных нарушителей режима содержания, сотрудники системы утверждают, что все эти акции иницируются и управляются криминалитетом извне. Однако причины усиления протеста кроются в другом. Руководство в лице Юрия Калинина дало очень твердую установку администрации мест лишения свободы на своего рода новую идеологическую войну. Они называют это «ломка понятий» – то есть речь идет о борьбе с правилами, созданными тюремной субкультурой.

Одной из главных причин пыток в местах заключения является принудительное создание так называемых секций дисциплины и порядка. А это – психологическая ломка: традиционная тюремная идеология не позволяет заключенным принимать участие в работе такой секции, и пытка начинается именно с провокационных действий администрации. Например, достаточно обычная сцена – «проход через коридор»: заключенные прогоняются вдоль строя охранников с дубинками, как только их привозят в колонию. Далее им задают вопрос: «Кто ты по жизни?», а потом: «Возьми тряпку или надень повязку». То есть либо мой пол, либо вступай в секцию дисциплины и порядка. Заключенные от тряпки отказываются, потому что еще в следственном изоляторе все живут по законам внутренней тюремной субкультуры – чтобы выжить...

Идеологическая война привела к тому, что администрация учреждений по указанию руководства ФСИН постоянно провоцирует заключенных на проведение акций протеста. Заключенных просто вынуждают заниматься членовредительством, потому что голодовка уже не помогает. Нашей организации известны многие чудовищные факты. Однако вместо их расследования ФСИН предпочитает дискредитировать правозащитников, говоря, что мы нагнетаем истерию. И одновременно приглашают журналистов на дни открытых дверей. Маршрут известный: библиотека, столовая. О том, что делается за стенами ШИЗО и ПКТ, не говорит никто.

За два года административной реформы, когда ФСИН вывели из подчинения Министерства юстиции, система стала абсолютно закры-

той. Не пускают не только представителей Общественного Совета при Минюсте, в ряде регионов не пускают уже и самих представителей Минюста, депутатов Государственной Думы, не говоря о местных парламентариях.

При этом нам неоднократно предлагалось подписать договор на посещение. Он представляет из себя расписку в том, что информация, ставшая известной в ходе посещения, не должна выноситься на общественное обсуждение. Такого договора я не подписала ни разу...

Последние два года я занимаюсь только предотвращением акций протеста, либо их карательных последствий. Мы ведем мониторинг сообщений о таких акциях. Мне звонят родственники, сообщают об акциях протеста. Они на местах сами организуются в гражданские комитеты помощи заключенным. Именно это и есть та новая форма работы, которую подсказала сама жизнь.

Сразу после Льгова я апробировала ее на следственной тюрьме Московской области в Капотне, когда получила более двухсот жалоб от осужденных. Бытовые условия там просто ужасные. У изолятора я собрала около 60 человек, из них 25 человек активистов. Сформировался временный комитет...

Стоило нам сделать заявление для прессы, собрать родственников, как моментально в изолятор приехало все руководство ФСИН Московской области, разобрало с родственниками все претензии, недостатки были устранены. И когда уже в этом году в изоляторе Капотни произошел захват заложников, я чуть ли не впервые одобрила действия ФСИН: они сразу информировали общественность о том, что происходит, сказали, что бунта нет, и это воспрепятствовало введению спецназа (конечно, все понимают, какие могли бы быть последствия).

Гражданские комитеты помощи заключенным теперь работают во многих регионах. Они возникают чаще всего стихийно – прежде всего там, где в местах заключения применяются пыточные практики.

**Василий Бушнев, Олег Журавлев, Елена Московкина,
Наталья Савельева**

Кодекс и голос: дилемма правозащитной работы

Наиболее поразительным опытом первого дня конференции было недоумение, подтолкнувшее дискуссию вокруг выступлений французских участников: возможно ли вообще сопоставить опыт, вписанный в столь разные исторические контексты? Однако уже после нескольких выступлений стало понятно, что между некоторыми французскими и российскими участниками конференции много общего. Общей рамкой, направлявшей дискуссию, стало не различие тюремной реальности во Франции и России и не различие социальных порядков (порождающих тюрьму как социальный институт), но практики борьбы с самим тюремным порядком.

Исходя из такой практической перспективы, наиболее явной нам показалась разница подходов Асмик Новиковой¹, рассказавшей о мониторинге тюрем, проведенном в 2003 году Московской Хельсинкской Группой (МХГ), и Даниеля Дефера и Филиппа Артьера, представивших деятельность Группы информации по тюрьмам (ГИТ). Это различие отчетливо выражает оппозиция, которую обозначил в своем докладе Александр Бикбов: между активистом, который, противопоставляя себя власти, всегда рискует оказаться заключенным, и «профессиональным» правозащитником, работа которого санкционирована властью.

Разница тем более заметная, если мы обратимся к практическому функционированию двух организаций. Если ГИТ и правозащитное движение 70-х объединяет то обстоятельство, что их основным оппонентом являлась централизованная власть, власть с большой буквы, а практики их работы во многом выстраивались в обход и помимо офици-

В. Бушнев, О. Журавлев, Е. Московкина, Н. Савельева – студенты и магистранты МГУ и РГГУ, сотрудники исследовательской группы НОРИ.

¹ Выступление Асмик Новиковой в журнальном варианте не публикуется. – *Ред.*

альных инстанций, то профессиональный правозащитник 2000-х входит в тюрьму с мандатом официальной власти, которая, в свою очередь, из объекта критики превращается в главного реципиента информации, произведенной в рамках правозащитной деятельности. Вместе с изменением позиции правозащитника в отношении власти меняется и характер того знания о тюрьме, которое является результатом его работы². Различие условий производства знания о тюрьме и вместе с тем намерение ГИТ в 1970-х и МХГ в 2000-х исследовать тюрьму с помощью социологических методов делают интересным сравнение деятельности двух организаций³.

Два исследования

И ГИТ, и МХГ берут за основу социологический инструментарий и используют анкету как средство получения знания о тюрьме. Несмотря на заявленную в исследовании МХГ социологическую объективность, социологическая практика, встроенная в различные стратегии производства знания, неодинаковым образом реконструирует действительность тюрьмы. Причем сами вопросы, которые включены в анкеты ГИТ и МХГ, во многом пересекаются, и как следствие исходный материал – фактическая информация, полученная во время анкетирования, – оказывается схожим. Но, проходя через целую серию опосредований, различных в случае ГИТ и МХГ, эта информация приобретает определенную властную интенцию, превращаясь из факта в знание. Тем самым при одинаковых намерениях, заключающихся в попытке узнать о реальности тюрьмы, мы получаем разные репрезентации этой реальности, что определяется различиями не столько в целях и задачах исследований, сколько в контекстах производства и использования полученного знания.

В мониторинге МХГ Уголовно-исполнительный кодекс стал источником, определяющим исследовательский запрос уже на этапе постановки задач. Составление вопросника было подчинено двум целям: оценить реальное соблюдение прав заключенных, зафиксированных в международных пенитенциарных документах и российском УИКе, а

---

² Доклад Александра Бикбова «Борьба против систем наказания как инструмент познания: СССР и Франция 1970-х, открытая перспектива» // Конференция «Тюремный вопрос: исследование как инструмент борьбы (Россия и Франция, 1970-е и 2000-е)».

³ К сожалению, из-за ограничений объема в данной статье мы вынуждены опустить часть фактического материала, на основании которого мы делали некоторые выводы, более полный вариант статьи можно найти в интернет-версии.

также изучить условия содержания в пенитенциарных учреждениях. В то время как МХГ интересуется эффективностью действия новой редакции УИК, исследовательский интерес ГИТ направлен на практики, которые производит тюрьма. Причем для членов ГИТ обращение к документам, написанным языком официальных инстанций, противоречит самой возможности получения достоверного знания: «Эти сведения мы будем извлекать не из официальных отчетов. Об этом мы будем спрашивать тех, кто имеет собственный тюремный опыт в каком бы то ни было качестве или связан с тюрьмой»⁴.

Следует с самого начала отметить, что анкеты ГИТ также составлялись социологами, в том числе известными (как Жан-Клод Пассрон или Жак Рансьер). Работа ГИТ по производству и распространению знания о тюрьме велась исходя из принципов, зачастую прямо противоположных тем «кодексным» правилам, которыми руководствовались специалисты МХГ. Работа Группы информации о тюрьмах начинается с манифеста: «Дать слово самим заключенным»⁵, с изначального предположения о том, что заключенный является не объектом власти, а ее носителем. Поэтому слово заключенного становится отправной точкой для составления вопросов анкеты – заключенных спрашивают о том, что они сами хотели бы рассказать о тюрьме, а не предписывают, о чем говорить. По словам Фуко, бывшие заключенные участвовали в составлении анкеты. Анкета также включала вопрос о том, какие у заключенного есть замечания по поводу анкеты и вопросов⁶. Став для заключенных способом говорить о себе, анкета ГИТ была не только средством получения информации о тюрьме, но и инструментом борьбы, при помощи которого заключенные могли произвести собственное представление о тюремной реальности.

За одними и теми же вопросами в анкетах ГИТ и МХГ кроется различная интенция: в ответе на вопрос о содержании в камере для социологов МХГ важно, насколько эти условия не соответствуют норме, а для ГИТ – то, что само по себе содержание в камере, даже когда оно соответствует всем правилам, невыносимо. Исследование ГИТ было

⁴ Манифест Группы информации по тюрьмам см. в: Мишель Фуко. Материалы тюремного проекта // Индекс. Досье на цензуру. 1999. № 7–8. – <http://www.index.org.ru/journal/7/fuko86.html>.

⁵ Доклад Даниэля Дефера: *Defert, Daniel. Histoire d'un mouvement de lutte contre le système pénitentiaire en France: 1970–1972* // Конференция «Тюремный вопрос: исследование как инструмент борьбы (Россия и Франция, 1970-е и 2000-е)».

⁶ Интервью М. Фуко и анкета для заключенных ГИТ см. в: *Le groupe d'information sur les prisons: Archives d'une lutte 1970–1972. Éditions de l'IMEC, Paris, 2003.*

направлено на выявление тюремного порядка, порядка функционирования тюрьмы и тех эффектов, которые этот порядок производит. Невыносимым оказывается сам порядок тюрьмы со всей его асимметрией и нюансами, и не только потому, что это связано с нарушением права. Исследование ГИТ стремится реконструировать весь порядок тюрьмы, ставя под вопрос его легитимность, в то время как исследование МХГ имплицитно содержит в себе модель идеальной тюрьмы, возможно комфортной и «справедливой», однако сохраняющей изначальное неравенство и асимметрию отношений власти: отношений между заключенным и аппаратом тюремного насилия.

Эта асимметрия сохраняется и в отношении выбора групп респондентов, которым адресованы вопросы о положении в тюрьмах. При составлении обеих анкет решается вопрос, который озвучил на конференции Даниэль Дефер: можно ли доверять слову заключенного? Участники ГИТ решают этот вопрос в пользу заключенного и реконструируют реальность тюрьмы через его непосредственный опыт. Одним из основополагающих принципов мониторинга МХГ был отказ от опроса самих заключенных: несмотря на то, что у правозащитников МХГ была возможность общения с заключенными в некоторых колониях, они от нее отказались, поскольку полученные в ходе всего исследования данные были бы в этом случае неунифицируемыми и, следовательно, необъективными. Заключенных не опрашивали также потому, что «нельзя опрашивать человека в таком социальном контексте»⁷. Тем самым заключенный оказывается в ситуации двойного лишения: уже лишенный права голоса в рамках тюремного порядка, он оказывается повторно лишен слова требованиями социологической процедуры. При этом в рамках той же заботы о научной объективности оказывается релевантным опрос администрации тюрем. Но имеет ли эмпирический смысл «аналитическое обобщение», суммирующее столь неравнозначные точки зрения?

Для ГИТ отказ от сотрудничества с тюремной администрацией носил принципиальный характер, поскольку производимое администрацией знание всегда сопряжено с отправлением власти внутри тюрьмы. Для специалистов МХГ, напротив, диалог с тюремным начальством оказывается неотъемлемой частью исследовательской практики. Оказываясь внутри тюрьмы, исследователь перед началом своей работы должен согласовать свои действия с администрацией и по окончании работы дать отчет о своих наблюдениях. «Правилom хорошего тона

считается выражение благодарности администрации за содействие в исследовании»⁸. Таким образом, администрация становится первым реципиентом результатов исследования. Признавая за тюремной администрацией власть допускать внутрь тюрьмы, правозащитник тем самым признает легитимность тюремного порядка, поскольку именно это признание гарантирует ответное признание за ним статуса профессионального защитника прав заключенных.

Для А. Новиковой «власть – это основной субъект соблюдения или нарушения прав человека»⁹. Производя знание о тюрьме, специалист-правозащитник, принимающий власть в качестве основного адресата этого знания, заранее стремится согласовать и представить результаты исследования таким образом, чтобы они были «поняты» и приняты самой властью. Предоставление информации тюремной администрации – не только профессиональный долг, но и немаловажный пункт в моральном кодексе правозащитника-специалиста: «Человек, от которого зависит непосредственно ситуация в колонии, должен первым узнать о нарушениях»¹⁰. По словам А. Новиковой, правозащитники не только «должны» информировать власть, что «соответствует принципам открытости правозащитных организаций», но также – и это ключевой момент – «вынуждены все [что делается] доносить до власти в такой форме, чтобы ей это было понятно»¹¹. Последнее условие становится возможным во многом благодаря тому, что вопросы гайд-листа и сценария интервью формулировались исходя из правовых кодексов, что, в свою очередь, позволило государственной власти корректировать исследовательскую работу правозащитников: «Мы, естественно (здесь и далее курсив наш. – Авт.), этот отчет отправили в ГУИН, чтобы... они дали свои замечания... Часть замечаний была учтена, потому что они были просто по делу»¹².

Подобная согласованность гарантирована также особым отношением к распространению полученной информации. Быстрые публикации и привлечение к исследованию в колониях журналистов, по мне-

⁸ Доклад А. Новиковой «Тюремный общероссийский мониторинг: опыт применения социологических методов» // Конференция «Тюремный вопрос: исследование как инструмент борьбы (Россия и Франция, 1970-е и 2000-е)».

⁹ Доклад А. Новиковой.

¹⁰ «Так принято, такова практика», «это обязательно делается», «просто это правило хорошего тона». (Беседа с А. Новиковой 31.10.2006.)

¹¹ Доклад А. Новиковой.

¹² Беседа с А. Новиковой 31.10.2006.

нию А. Новиковой, противоречат профессиональному кодексу: публиковать сведения о пытках немедленно означает «выдавать впечатления за факты». Именно в такое «нейтральное» требование научной объективности превращается возражение начальника, что вместо фактов дается непроверенная информация и это создает ему лишние проблемы¹³. Однако гораздо важнее то, что целью правозащитника становится не допустить «закрытия колонии». По словам А. Новиковой, «начальник» не *заинтересован* закрывать перед правозащитником дверь потому, что «правозащитник везде, где может, скажет о том, что он *перестает общаться с правозащитниками*» (а не потому, например, что сведения о пытках в колонии могут покинуть тюремные стены и достичь общества). Если «работа правозащитника становится *понятной* самой администрации», если он сумел «не испортить отношения с ней», то администрация не будет препятствовать деятельности правозащитников¹⁴. Взаимопонимание, гарантирующее столь необходимый «диалог с властью», приобретает черты сговора, взаимовыгодного соглашения: правозащитник, не выпуская знание о тюрьме за пределы администрации колонии, укрепляет стену, возведенную властью между тюрьмой и обществом, оставляя всегда открытой дверь, – но открытой только для правозащитников.

Однако отлаженность функционирования тюремного порядка и его непроницаемость обеспечивается именно незнанием того, что происходит внутри тюрьмы. Закрытость тюрьмы не только позволила власти сделать наказание более устрашающим, но и исключила всякую возможность осуществления контроля над ее функционированием со стороны общества. Закрытость тюрьмы подкрепляется также серией юридических запретов и институциональных мер, препятствующих распространению информации об условиях содержания самими заключенными, их семьями и сотрудниками тюрьмы.

Именно против этой закрытости была направлена деятельность ГИТ: она стремилась восполнить лакуны в коллективном знании о тюрьмах, сделать открытым то, что раньше было скрыто. Рассылая анкеты в тюрьмы, работая с бывшими заключенными и семьями заключенных, группа не просто собирала свидетельства, но и вовлекала самих заключенных и их близких в борьбу за свои интересы. Члены группы привлекают информацию, полученную от специалистов, непосредственно участвующих в функционировании тюремного порядка. Например,

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

группа выкупает в газете полосу, отданную под рекламу, и печатает там отрывки из дневника медика, рассказывающего о суровых условиях содержания заключенных. Другую информацию, полученную от специалистов и самих заключенных, группа печатает в виде листовок и раздает их в очередях и на спонтанных собраниях у ворот тюрьмы. Отрывки из этих листовок публично зачитываются на организованных группой митингах в поддержку заключенных. В газетах начинают публиковаться статьи, посвященные борьбе в рамках и вокруг тюрьмы.

Задача подобных инициатив – не просто узнать, что происходит внутри тюрьмы: ГИТ стремилась мобилизовать это знание. Обеспечивая заключенных поддержкой извне, солидарным протестом родственников, прессы, активистов, ГИТ наделила заключенных властью, которая позволила им противостоять насилию администрации внутри тюрьмы. Привлекая журналистов к дискуссиям, завязывающимся возле ворот тюрьмы, распространяя листовки среди семей заключенных, публикуя фрагменты из дневников заключенных в газетах, ГИТ заполняла голосом заключенного коллективное молчание вокруг тюрьмы и производила «коллективное знание», извлекая на свет то, что в иных обстоятельствах должно было оставаться в тени¹⁵.

Две реальности: задачи и результаты

Таким образом, несмотря на некоторое сходство намерений и применения определенных методов исследования, результаты работы ГИТ и МХГ оказываются различны – это относится как к характеру производимого знания, так и к способу его функционирования. Оно производит различные политические эффекты. И одним из ключевых параметров оказывается разделение труда.

То, чем в структуре МХГ занимается исследовательский центр «Демос»¹⁶, не укладывается в рамки полного «производственного цикла» правозащитного знания: в силу разделения труда внутри организации тот, кто занимается постановкой задач, составлением вопросов и собственно проведением эмпирического исследования, не контролирует распространение результатов. Этим, по словам А.Новиковой, должен заниматься PR-отдел¹⁷. В каком-то смысле результаты исследования и

¹⁵ Доклад *Филиппа Артьера* «Группа информации по тюрьмам: знание как средство» // Конференция «Тюремный вопрос: исследование как инструмент борьбы (Россия и Франция, 1970-е и 2000-е)».

¹⁶ В настоящее время А. Новикова, на чей доклад мы преимущественно опирались в нашем анализе, является сотрудницей центра «Демос».

¹⁷ Доклад А. Новиковой.

произведенное знание оказывается отчужденным от его производителя. В рамках такого четкого разделения труда оказывается невозможной проблематизация знания о тюрьме, формирование политической точки зрения на тюрьму.

Отсюда становятся понятными как отсылки к требованиям «объективности» исследователя, так и четкое ограничение своих полномочий в рамках проекта: «Я лично просто не занималась нарушениями, правовой помощью заключенным, потому что я социолог, а не юрист»; «наша задача была провести мониторинг, а не выявить нарушения и работать там одновременно с этими нарушениями»¹⁸. Знание, производимое в рамках такого разделения труда, оказывается нейтральным по отношению к правозащитным вопросам о справедливости или «хорошей тюрьме» и в силу своей нейтральности может быть использовано кем угодно – как правозащитниками, так и администрацией тюрем или политиками в рамках предвыборной кампании. Такая исследовательская работа, требующая от специалиста знания целого ряда технических процедур, осуществление которых не предполагает выработки собственной позиции по отношению к тюрьме, может быть успешно реализована в рамках любой далекой от критики задачи получения и распространения информации.

Существование предварительных договоренностей с администрацией обеспечивает правозащитнику постоянный доступ в тюрьму, доступ, который санкционирован властью и подкреплен «научной объективностью» социологических методов. Специалист с мандатом власти может лишиться этого доступа только в том случае, если не будут соблюдены все пункты «профессионального кодекса». Однако именно эти правила исключают возможность систематического и оперативного распространения информации о нарушениях в тюрьмах. Они гарантируют то, что собранные сведения никогда не покинут стен тюрьмы или покинут их только в отфильтрованном и неопасном для администрации виде, особенно в том случае, когда договор между администрацией и правозащитниками включает пункт о неразглашении полученной информации¹⁹. Таким образом, тюремная администрация оказывается инстанцией, обеспечивающей правозащитнику доступ к фик-

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ О существовании этого пункта говорила Оксана Дзера в своем докладе: «Питки в современном российском ГУЛАГе и активизация общественности в защиту заключенных» // Конференция «Тюремный вопрос: исследование как инструмент борьбы (Россия и Франция, 1970-е и 2000-е)».

сированному числу объектов наблюдения, критика тюрьмы разворачивается в режиме диалога-торга между правозащитником и администрацией, блокирующего выход информации за стены тюрьмы.

Но возможность такого диалога, как показывает опыт работы уже другого российского участника конференции, Оксаны Дзера, не предполагает действительную остановку насилия, поскольку подобный диалог всегда остается асимметричным, и работа специалиста-исследователя или правозащитника зависит от «доброй воли» администрации, которая всегда может закрыть ворота тюрьмы. Сознвая легитимность тюремного порядка, специалист воспринимает тюремную власть послушно и уважительно – как данность, с которой необходимо считаться и взаимодействовать. В этом смысле тюремная администрация является не нейтральным посредником, обеспечивающим исследователю всего лишь доступ к заключенному, но волей, вторгающейся в научную объективность и корректирующей последнюю в соответствии со своими интересами. В случае мониторинга возникает вопрос: насколько отстраненными должны были быть собранные данные, чтобы не вызвать существенных возражений у тюремных властей?

В своем докладе Оксана Дзера указывает на факты сокрытия прокуратурой и тюремной администрацией информации о ситуации в тюрьмах. Администрация тюрем стремится нейтрализовать любой политический эффект бунтов в колониях: «Выдавая участников акции протеста за злостных нарушителей режима содержания, они [прокуратура] постоянно утверждают, что все эти акции протеста моделируются криминалитетом, преступным миром снаружи»²⁰, тем самым легитимируя пытки («дисциплинарные взыскания») как оправданное насилие, необходимое для восстановления порядка в тюрьме.

Подобное отношение к наказанию как дисциплинарному механизму «исправления осужденных, которое является основной целью наказания»²¹, согласующееся с представлениями администрации, воспроизводится в докладе МХГ. По словам А. Новиковой, чаще всего бывшие заключенные не хотели отвечать на вопрос о пытках и насилии²².

²⁰ Доклад Оксаны Дзера «Пытки в современном российском ГУЛАГе и активизация общественности в защиту заключенных» // Конференция «Тюремный вопрос: исследование как инструмент борьбы (Россия и Франция, 1970-е и 2000-е).

²¹ Шепелева О. Дисциплина и наказания // Положение заключенных в современной России. Доклад и тематические статьи. – Москва. 2003 год (<http://www.mhg.ru/publications/1BADF80>). Сборник подготовлен Московской Хельсинкской группой в рамках проекта «Сеть правозащитного мониторинга в Российской Федерации».

²² Беседа с А. Новиковой 31.10.2006.

Однако, даже получив свидетельства пыток и применения насилия, исследователи МХГ в докладе представили их как многочисленные примеры, указывающие на «отсутствие четких законодательных предписаний, какие проступки считать серьезным нарушением», что приводит к «субъективизму в принятии решений руководством колоний»²³. Таким образом, пытки в тюрьмах предстают как проблема «чрезмерной жесткости при поддержании порядка в местах заключения»²⁴, как проблема юридического характера, вызванная отсутствием в законодательстве четкой классификации нарушений и соответствующих им мер пресечения, но не как механизм, неотделимый от функционирования тюрьмы как таковой. Пытка отличается от наказания, необходимого для поддержания порядка, лишь степенью жестокости – количественной характеристикой, закрепляющей за тюрьмой статус института, отправляющего легитимное насилие. Приведенные свидетельства предстают статистическими данными, отсылающими к проблеме применения насилия, но не затрагивающими насилие как неотъемлемое и неизбежное свойство тюремной власти.

Результаты мониторинга МХГ были опубликованы в сборнике, адресованном прежде всего специалистам: он распространялся среди региональных НПО, а также журналистов на пресс-конференциях. За «переговорами» с тюремной администрацией, таким образом, следовали «переговоры» с сотрудниками СМИ. В этой ситуации пресса используется уже не как инструмент мобилизации общественных сил, но как инструмент информирования о деятельности правозащитников и производимой ими продукции. Отсрочивая публикацию информации – не допуская журналистов к своей работе на этапе сбора данных, тактично выжидая, пока администрация отреагирует на замечания и пожелания, облекая факты, собранные в ходе исследования, в форму официального доклада и только затем освещая их на пресс-конференциях – МХГ практически сводит на нет все возможные эффекты, которое это знание могло бы произвести. Факты трансформируются в «общие места», указывающие на наличие в тюрьме тех или иных проблем. В отличие от ГИТ, одной из первостепенных задач которой было «сделать тюрьму актуальной новостью»²⁵, профессионалы МХГ не в состоянии воспользоваться журналистской властью и сделать знание мобилизующей силой. При таком разделении труда, когда каждый из эта-

²³ Шепелева О. Дисциплина и наказания, цит. соч.

²⁴ Там же.

²⁵ Доклад Филиппа Артьера.

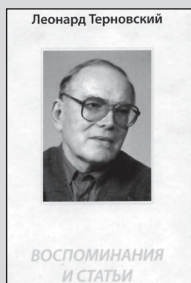

пов правозащитной деятельности выполняется разными специалистами, становится невозможной работа в упреждающем режиме.

* * *

Тюрьма является закрытым пространством, в котором силовая основа социального порядка воспроизводится в самой открытой форме. Здесь, по словам М. Фуко, «власть может проявляться во всей своей наготе и непомерности и подыскивать себе моральное оправдание». Парадоксальным образом таким оправданием могут стать и результаты правозащитной работы, которая следует императивам кодекса, освященного государством, и вынуждена участвовать в поддержании порядка наказаний. С одной стороны, правозащитник оказывается посредником между властью и заключенными, и, присваивая себе право говорить от их имени, в действительности говорит за них. Участвуя в конституировании прав заключенных вне контакта с теми, кому эти права должны принадлежать, он оказывается одним из тех, кто опосредует отправление власти. С другой стороны, профессиональный правозащитник, в силу ограниченности своей роли в системе разделения труда, оказывается естественным образом встроенным в порядок функционирования тюрьмы: он закрепляет за тюрьмой статус института, необходимость существования которого не подлежит сомнению, а за заключенным – роль безгласного объекта тюремной власти.

Можно сказать, что исследование МХГ стремится с неизбежностью облагородить стены тюрьмы, которые скрывают наготу власти. ГИТ же, напротив, пыталась показать, что за стенами тюрьмы не скрыто ничего, кроме наготы. Задачей Группы информации по тюрьмам было сделать эту наготу видимой всем и для всех очевидной. ГИТ также стремилась наделить заключенного контрвластью, которая не опиралась бы ни на какие официальные инстанции, и могла бы выступать как самостоятельная и эффективная сила. Эта контрвласть состояла в производстве нового коллективного знания о реальности тюрьмы, которое вскрывало властные эффекты, порождаемые функционированием тюремного порядка. Знания, которое само становится властью, если им воспользуются коллективные силы, его породившие. Возможно, именно в этой стратегии коренятся причины успеха борьбы вокруг тюрем во Франции 70-х. Успеха, которым, на наш взгляд, не могут (и не должны) пренебречь российские правозащитники.

Леонард Терновский
Воспоминания и статьи
М.: Возвращение, 2006. 288 с., ил.

От автора

Мне хотелось рассказать и напомнить о тех полузабытых страницах нашего еще недалекого прошлого – о 60–80-х годах истекшего века, о которых молодые имеют такое же смутное представление, как о невидимой, тыльной стороне Луны. А те, что постарше, часто видят те годы сквозь ностальгическую призму. Да, в столицах была в магазинах дешевая колбаса (за которой стояли в очередях приезжавшие на электричках люди из провинции, часто из тех самых городов, где эту колбасу и сделали). Да, можно было прожить на пенсию и зарплату (позор нынешним властям, сидящим на миллиардах «стабилизационного фонда» и не дающим старикам даже прожиточного минимума, а бюджетникам платящим грошовые зарплаты!) Да, не было террористических взрывов (они появились у нас вслед за началом наведения в Чечне «конституционного порядка»). Мы забываем, что бесплатное здравоохранение в СССР всегда было нищенским (я, врач, сам помню, как на утренних конференциях нас инструктировали госпитализировать, в первую очередь и главным образом, работающих и только в крайнем случае, с разрешения главврача, стариков и безнадежных больных). Молодые читают, говорят и пишут что хотят, напропалую ругая власть и считая это совершенно естественным (это и вправду естественно!).

Вот только они забывают, что в наше, недавнее время за это *сажали*. Не знают (или забывают), что в советские времена мы и помыслить не могли свободно поехать по туристской путевке в Париж, Испанию или Италию (сегодня такие поездки доступны даже для людей, имеющих средний достаток). Молодежь смутно представляет, что в Советском Союзе преследовали за религиозность (священников обязывали подавать фискальные списки тех, кто приносил крестить своего ребенка; дружинники-комсомольцы могли не пустить молодых людей на пасхальную службу). Рассказать (а кому-то напомнить) о реалиях тех лет – вот задача, которую я ставил перед собой, когда писал статьи и воспоминания.

ПОЖИВИ В НЕВОЛЕ

Александр Муленко

Инфаркт миокарда

1

В долине за городом тысячами дымов падает свалка. Несколько человек в потрепанной одежде копошатся среди гниющего мусора. Арматурными крючьями они вытаскивают на дорогу старый хлам, еще годный к употреблению.

Где-то наверху гудит цементовоз, выдувая из бочки отходы производства – коричневую пыль, такую же тяжелую и текучую, как цемент. Долгие годы за метром метр осыпают ею это смрадное место, и твердеют искусственно созданные склоны, набирая влагу.

Куча свежего мусора. Она парит, источая тошнотворно кислый запах овощной базы. Человек отворачивается от ветра, кашляет и поспешно минует это ядовитое место. В одной из отобранных бродягами кучек ликвидного мусора валяется позеленевшая от времени бронзовая тарелочка с чеканными рисунками, рядом – газеты и письма, перевязанные крест-накрест голубою лентой – макулатура.

– Кто-то умер, – догадывается прохожий.

Он вытягивает на свет из пачки самое верхнее письмо и читает его. Действительно, дочка рассказывает маме о своих бытовых неурядицах, жалуется на пьяного мужа, собирается от него уйти и вернуться на родину. Только вот денег на переезд не хватает – не выплачивают зарплату. Четыре года назад из холодного Мурманска примчали «почтовые голуби» это откровение. Дыхание чужого горя волнует душу. Человек наклоняется еще раз и поднимает тарелочку.

– Положи на место! – вдруг слышит он сбоку резкий голос.. – Мент поганый!..

Укутанные в тряпье люди окружают его, отрезая все пути к отступлению. Он узнает их. Это бывшие жители колонии, где он работает инспектором (шмонает, сажает в изолятор, проводит дознание, бьет)...

– Ты думал, что мы не встретимся на воле, козел?

Люди твердо сжимают крючья.

Испуганный человек бежит. Мимо чадающего дивана, мимо кучки овощей, мимо оттаявших волчьих останков. Он буквально взлетает по схваченному морозом насту почти на самый гребень, но твердь разверзается под ним – стылая корочка лопается и его затягивает вниз, в самую глубь этого коварного места. Взмахивая руками, беглец пытается вынырнуть на поверхность отвала, но безжалостный оползень откатывает его и тянет вниз.

– Эй, люди!.. – кричит человек. – Помогите!

Вдох, выдох, кашель, в груди боль!.. Он открывает глаза...

2

Прямо за окном четыре мусорных ящика. В них выкидывают отходы из лагерьной кухни – кожуру от картошки, гнилую капусту, затертые тряпки.

Старый инспектор расстегивает бушлат и ослабляет брючный ремень. Форменная рубашка прилипла к телу. Капельки холодного пота бегут и бегут из под мышек по телу, догоняя друг друга, а перед глазами неугасающий сон. Душно и жарко...

– Третий, а третий, как у тебя дела? – скворчит в кармане. Он достает оттуда старую рацию и нажимает на кнопку.

– Все спокойно, второй...

Голос глухой и слабый, губы сухи...

На зоне «кипиш». В газете написали статью о беспорядках в лагере, о пытках осужденных, о жестоких тренировках спецназа. Снимки избитых, рассказы родных. Журналисты окружили штаб и атакуют «хозяйина». Прокурор по надзору за содержанием пропал без вести, едва только общественность стала обивать пороги ответственных столоначальников. Телефонные разговоры с контингентом не прекращаются ни на минуту (трубки сегодня не в диковинку в зоне).

Инспектор вскакивает и вскрикивает, хватаясь за сердце. Тошнит. Из глубины грудины под горло накатывается медленный жар.

Он торопится на улицу, но злоумышленник уже благополучно миновал его территорию.

– Вот так мы и работаем!.. – оправдывается он. – Делаем вид, что их ловим, а они делают вид, что от нас убегают.

Он звонит другому инспектору.

– Что?.. Взяли?.. Первый, я третий!.. Да или нет?..

И, оставив в покое рацию, говорит мне:

– Уже взяли...

– Куда же он мчался?

– Известно.

Легкими движениями пальцев больной ощупывает грудину и поясняет:

– В столовую, за хлебом... Блатные объявили голодовку и запретили «мужикам» есть... Сами они питаются втихоря от них – кладовки забиты хавчиком. А у кого баула нет – как ему выжить? Вот и шлют шныря в хлеборезку.

– А за что Таракана-то покалечили? – наседаю я на инспектора.

– А кто его знает?... В зону идет большой поток контрабанды – водка, наркотики. И кто-то наживается на этом.

– Но все же?..

– Он слишком много знал... И доносил кому надо за лишний укол... Но его покровителя очень скоро нашли и перевели в другую зону на повышение – лафа окончилась, колотья стало нечем.

– Вы часто мордуете осужденных?

Я вижу, как ему трудно ответить на этот вопрос и подталкиваю его:

– Приходилось?

– Один раз.

Я молчу и чувствую, что сейчас он расскажет мне что-то важное. Вот только улягутся хрипы в груди, и пройдет одышка.

– Бил!.. Долго бил... И хотел убить...

Снова пауза.

– Как-то вне зоны работали ээки на кирпичном заводе. Время идти обратно. Подходит ко мне один осужденный и шепчет: «Ильич! Ты карманы-то проверяй иногда». Я руки в брюки – пакетик лежит... И вспомнил! Терся около меня черт один...

Он надолго задумывается, припоминая подробности, и продолжает рассказ:

– Поругаешься иной раз с вышестоящим руководством... Я вида не показываю, что обнаружил находку, а перед самым уходом с рабочего места в туалет захожу, оглядываясь – нет никого. Пакетик разворачиваю – порошок незнакомый. «Не иначе героин?», – и выкидываю его вниз, в испражнения... Едва мы только на зону зашли – меня на досмотр, и в первую очередь в карман – в тот самый... «Ищите, – говорю я им. – Ищите лучше!.. А суку я вашу знаю!»

Хрипы его снова начали перерастать в кашель.

– Две недели спустя я его закрыл в ПКТ и бил... Очень долго, от всей души.

Он поглядел на меня, как на священника:

– От черной души... Он меня с наркотою подставить хотел, лишить работы, посадить!.. А у меня семья, трое детей. Все девчонки сопливые, не дал бог сына!.. Папку ждут, конфеты просят.

Через некоторое время пришел его сменщик.

– Отдохни, Ильич! Не спеши!.. Домой ты сегодня не попадешь. Генерал собственноручно пропуска у всех на проходной изъясил. Беспорядки, ЧП. Не хватает сотрудников. Нарушителя твоего поймали с личным и вместе с хлебом сопроводили в отряд: вот, мол, она, ваша голодовка!.. Зэки выкинули его в окно. Сейчас вон на снегу валяется, стонет...

– Пишут, – сказал он мне, покидая место дежурства. – Пишут журналисты. Защищают права человека. Невинно осужденного!.. А кто о нас напишет? Как мы сутками без выходных сидим в засадах? За копейки. Про кирпичи из-за угла, которые летят нам в спину!.. Вы знаете, что будет с городом, если сейчас всю эту дикую массу выпустить за ворота? Грабеж, насилие и пьянки. Стихийное бедствие!..

До самого позднего вечера на плацу дрожали люди. Непокорные отряды продолжали голодовку. Лаяли собаки. Переговоры лагерной администрации с осужденными зашли в тупик. Ближе к ночи людей разогнали по баракам, а смотрящего за зоной и блатных закрыли по камерам, предварительно пообещав на миру, что истязать их не будут.

3

Городу шестьдесят лет. Круглая дата. В палате на подоконнике валяются газеты. Читают старики. Вспоминают героев-первостроителей, металлургов. Из года в год, из книги в книгу перепечатаются имена награжденных за честный труд. Словно одним их подвигом дышала стройка.

И ни слова о невольниках. Разве не было лагерей, военнопленных, солдат?.. Переживают, вздыхают и сетуют люди на горькую жизнь. Что пролетела она – напрасная – стремглав и радостей в ней было раз, два и обчелся. Иная история ведается из уст в уста, не фальсифицированная прессой.

– Ты о чем печалишься, сосед?

– Нерабочая нынче зона. Раньше, бывало, по три с половиной тысячи человек выходило на промку, и все при деле были. Заказы, дого-

вора!.. Не успевали оформлять. Гул стоял неимоверный. Не выполнил норму выработки осужденный – ему изолятор!.. И на каждые десять человек офицер был – инспектор. Чтобы ножи не делали, чтобы товаром не менялись, не вредили, не пили чай. Построения, шмоны – работа.

– Это правда. Ордена и славу поделили другие люди, «правильные», хлебавшие жизнь из большой посуды.

– И передали по наследству рычаги управления городом. В каждой второй газете, вы только откройте, я не вру, портреты «честлюбивого» мэра и фамилии его плутоватых замов, равнодушных к чужому горю. По жизни благоустроенных. А что читать?..

– Да, его отец верховодил компартией, брал со стола пилочку для ногтей и марафетил их от грязи день изо дня.

– Сын в него пошел!.. Яблоко от яблони недалеко катится.

Люди верят написанному в прессе. И поныне отворачиваются в сторону прохожие от серых стен с колючей проволокой по верхам. Стараются не видеть вышек. Не слышать лая собак, боя разбитых стекол и металлического грюканья локалок. Этапы приходят ночью, когда засыпает стотысячный город.

– Вымерла промка, нет сырья, стоят цеха...

– Сколько было аварий устранено силами осужденных!.. Сколько дорог насыпано, уложено рельс!.. Техники не хватало. Но никто не вспомнил об этом, и никто не напишет.

– А кому давали награды?

– Ссученным и давали. Тем, кто водку пил за одним столом с городской администрацией, кто плясал под их дудку.

– Ты уследи за массой эков. Ты заставь их работать!.. Мы требовали – рос комбинат.

Военные строители, немцы, женская колония. «Казачьи-разбойники», душегубы, воры. Кого тут только не было. Изгой истории. Ее враги. Забытые люди. Поруганные захоронения – ни креста, ни ограды.

4

Вот она – ледяная артерия. Центральная дорога промки. Справа и слева ее притоки – другие льды, впадающие в эту широкую реку. Словно горы, молчаливо возвышаются над нами корпуса давно уже остывших цехов. При советской власти здесь был завод шанцевого инструмента. Работала кузница, делали топоры и кувалды; механические цеха

собирали грузоподъемные машины, заплетали троса и стропы. Скрипела камнерезка, орская яшма и поныне известна в мире – вишневого цвета камень, раритет. Был спрос на производимый товар.

Встретишь, бывало, на улице друга детства:

– Сколько лет, сколько зим!.. Ты где пропадал?

– В командировке, – тот весело показывает руками на колючую проволоку зоны, оскаливаясь беззубым ртом. – За разбой восемь лет зарабатывал деньги!.. Купил себе машину и гараж.

Это не было бравадой, его зарплата откладывалась на лицевом счете и росла день ото дня. А ныне?..

Вчера ручки взрыхлили поверхность дороги, с утра – мороз, и скрипит под ногами найденная тропа. Я осторожно передвигаюсь по наледи первый – в ботинках. За мною плетутся мои ученики в тапочках, сшитых из старого суконного материала. Многие осужденные в прошлом жили в городе и работали на металлургическом комбинате. Старые, не сгоревшие дотла брюки и куртки стали подспорьем их невеселой ныне жизни, сырьем для обуви. Сапог или ботинок нет уже несколько лет. Я ничем не могу помочь – склады пустуют, «хозяин» беден, все металлическое оборудование вчерашних цехов ушло на переплавку – в рубли на меткомбинат. Зона задолжала городу за свет, за воду, за иные коммунальные услуги – лагерь сжирает немало энергии, истцы кипятятся.

Нас пять человек. Немного.

Я мастер производственного обучения. «Гуру». Мы идем в мастерскую – творить. Сегодняшняя моя задача научить учеников вытягивать из раствора простые архитектурные обломы, дабы на деле закрепить теоретические познания, полученные в училище. В большом металлическом ящике раскисает «строительный раствор» – неполноценная смесь песка и глины. Дело нехитрое: нанести его на стену, разровнять и дать ему немного высохнуть. Потом попробовать вытянуть шаблоном простейший карниз. Сделать из такого раствора что-либо сложное и качественное трудно, глина, конечно, пластична и вяжет, но уступает во многих качествах извести и цементу. Зато она бесплатна и со временем не превращается в камень. Это обратимое свойство глины позволяет ее использовать много раз. Глина дает усадку и трескается, подрагивая кусками на кладке. Толстым слоем ее нанести на карниз не получается ни у кого – нужна арматура, а где ее взять? Люди переживают. Они спешат поправить свою работу, хлещут по стене кистями, омолаживая раствор, трут его полутерками, заглаживают каш-

мой, но тщетно... Это только усугубляет дело, приближая печальный конец. Раствор отслаивается и падает на пол. Муки творчества позади.

– Весна, – говорю им я в утешение. – Повышенная влажность воздуха... Нужно сушить помещение. Перекур.

Каждый осужденный мечтает быть мастером, пускай даже в глазах другого осужденного, – важно признание! На воле отделочники живут полноценной жизнью, новые строительные материалы оккупировали прилавки, упакованные дяди платят специалистам «огромные деньги» за евроремонты, и, плененные этими слухами, зэки смакуют каждое слово из телевизионной программы «Мой дом».

Я для них ископаемый консерватор-мастодонт, не ведающий прогресса.

Вчера я выругался матерно, как все мы ругаемся на воле, разговаривая между собой – произвольно и беззлобно.

– Я полгода ждал этой минуты, – торжественно объявил ученик.

Я извинился.

Люди работали. Сначала они сеяли раствор, дорывая последнее сито. Потом перетирали вчерашнюю штукатурку, устраняя ее дефекты, настраивали правила для отделки откосов, нарезали русты, клали кафель. Беседовали о жизни.

Осужденные живы мечтой о свободе. Она для них панацея от всех болезней. Десять лет жизни в неволе – немалый срок. Силы уходят. Стойкие, неотвязные болячки обволакивают за суставом сустав, а в памяти – годы побед: в любви ли, на ринге, на рынке, в пути ли... Слышится шум далекой реки и ласковый шепот матери. Чистые воспоминания детства сильны и стойки даже у не единожды судимых. Но иногда идиллия уступает место злобе.

– Вот приеду домой и убью участкового, – начинает один из них рисовать картину реванша. – Терпили поймаю!..

Здесь человек улыбается до ушей, смакуя расправу, и тягостно выдавливает: – Зарою по шею в землю гада и буду его пытать, выжимая по капле жизнь!

Высказавшись, он успокаивается и начинает работать.

Скоро полдень. Наша работа заканчивается, и мы готовимся вернуться в жилую зону. Двери распахнуты настежь. Дорога раскисла до черноты, капель барабанит с нарастающей силой. Заходит нарядчик.

– Закрытые вскрылись.

Гробовая тишина воцаряется в помещении.

– Восемь человек... Один умер, а двое без памяти. «Петухи» черные от крови тряпки под мусором прячут. «Жилка» кипит.

– Он же слово офицера публично давал, что прессовать никого не будут?

– А где ты тут офицеров видел?.. Нет у них чести!..

Нарядчик покидает мастерскую и говорит, прощаясь:

– Будьте осторожны. В «жилке» каратели – ОМОН.

Перепуганные люди молчат.

5

Поздно вечером я иду домой. Один. Немногие фонари освещают улицу. Трое молодых людей тихо идут мне навстречу. Красивые, не перекошенные злобой, открытые лица. Двое спокойно проходят мимо, а третий неожиданно берет меня за рукав и тянет его на себя.

– Что надо? – спрашиваю я.

Он молчит. Из рта – запах спиртного.

– Отпусти меня, пожалуйста.

Нет!.. Чужая рука тянется к замку на моей куртке и расстегивает его.

– Гоп стоп, – соображаю.

Его подельники занимают позицию у меня за спиной. Заело молнию.

Я отталкиваю переднего задиру ладонью в лоб и прижимаюсь спиной к стене ближайшего дома. Теперь я хорошо вижу их всех. Каждый выше меня на голову. Они набрасываются нахрапом, но удары не достигают цели. Зачинщика мне удается опрокинуть на спину в лужу. Он быстро поднимается на ноги и что-то ищет у себя за пазухой. Нож?.. Я понимаю, что мне не устоять, шарю глазами вокруг и думаю: «По асфальту мне убежать от них будет скользко и опасно». Я подныриваю под руки парней и лечу по рыхлому снегу. Они несутся за мною вслед и бьют.

«Главное не упасть!.. Затопчут».

И ни одной живой души!.. И ни одного открытого подъезда!.. Морозный воздух режет легкие, рвет гортань. Мне бежать еще целый квартал по опустевшей России, спасаясь от преследующих меня людей. Железные двери, решетки, льды!.. Убегу ли от них?.. Доживу ли до завтра?.. Это не сон...

Ростислав Горчаков

Из конвоя – под конвой

Война и неволя всегда были практически неразделимы, а положение пленных воспринималось историками, как своего рода лакмусовая бумажка общего состояния цивилизации: например, летописцы Циньской династии не преминули отметить, что для составления списков знатных военнопленных император Цинь Ши Хуанди отрядил в войска особого чиновника. Чиновники более поздних времен включали в такие списки уже не только полководцев, но и всевозможных армейских «разночинцев» – к великой радости исторических романистов, от Дюма до Сенкевича. Дальнейшее развитие гуманизма ознаменовалось принятием Женевской конвенции, Красный Крест озабочился судьбой попавших в плен, стойкость военнопленных стали отмечать медалями, а мужество при побегах – боевыми орденами.

Все это, разумеется, не превратило плен в земной рай, и тем не менее уже к началу Первой мировой мемуары военнопленных заметно отличались от горестных записей летописцев эпохи Тамерлана: «...сдавшихся же потоптали слонами, дабы не тратить припасы войска на прокорм». Не менялось на всем протяжении истории только одно: шла ли речь о полоненных татарами у Днестра русских князьях, или об англичанах, бежавших из кайзеровского лагеря Кольдиц, – под словом «пленные» подразумевались только воины противника. Угодить в плен случалось и бывшим союзникам, но достаточно редко – слава предателей мало кого привлекала.

Так было до той поры, пока в историю не пришли большевики с их знаменитым «Цель оправдывает средства». Целью революционной власти было объявлено мировое господство, а предательство стало одним из самых распространенных средств достижения цели. Кто бы ни приглашался большевиками в союзники – крестьянство или интеллигенция, махновцы или бундовцы, «военспецы» или «сменовеховцы», –

все они в конечном итоге оказывались в лагерях либо у стенки. Ни малейшего смущения по этому поводу власть, естественно, не испытывала. И не испытывает: в Питере по сей день продолжает существовать улица Бела Куна – выродка, отправившего в Крым на казнь десятки тысяч врангелевских офицеров, которые сдались в плен, поверив честному слову новой власти. Цену этому слову разъяснил поделщик Куна по расстрельной крымской тройке Георгий Пятаков: *«Диктатура пролетариата есть власть партии, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами. Если партия для осуществления ее целей потребует белое считать черным – я это сделаю своим убеждением»*. Что он и подтвердил в 1937 году, умоляя разрешить ему *«лично расстрелять всех приговоренных по процессу, в том числе мою бывшую жену»*. На заре перестройки и Кун, и Пятаков были почтительно реабилитированы, как несправедливо осужденные ветераны ленинской гвардии.

Горделивые откровения, подобные пятаковским, постоянно появлялись на страницах советской прессы, и каждое из них звучало для окружающего мира напоминанием о древней истине: тому, кто решится ужинать с дьяволом, следует запастись длинной ложкой. Причем союзы с властью, «не связывающей себя никакими законами», были заведомо опаснее, чем с дьяволом: тот от выполнения собственных обязательств никогда не уклонялся.

Если бы американскому боцману Освальду Мариону Смитсу сказали, что в 1944 году его привел в Молотовск союзнический долг, то, скорее всего, он бы просто не понял, о чем идет речь. Этот двадцатилетний парень из бедной фермерской семьи в Билокси, штат Миссисипи, твердо знал, что на торговый флот он шел в 1942-м с одной-единственной целью: заработать побольше денег для родителей и сестры. Отправляя сына во Флориду на курсы морского резерва, мать сунула ему в карман старенький кошелек, добытый со дна своей шкатулки. «Тут все, что у меня накопилось, сынок», – смущенно сказала она. В кошельке было 4 доллара 35 центов.

Годичные курсы Смит окончил в числе лучших и сразу же нанялся на танкеры, перевозившие в трансатлантических конвоях горючее для союзной Англии. Выбор юноши был сознательным: немецкие подлодки охотились за нефтеналивными судами особенно рьяно, поэтому повышенный риск для их экипажей компенсировался высокими заработками. После благополучного возвращения из двухмесячного рейса на Глазго матрос с гордостью отправил родителям свой первый зара-

боток: 380 долларов. Согласно контракту, в случае его гибели семье выплачивалась сумма в 5000 долларов, но Смит полагался на свою удачу, веря, что на палубе он сумеет заработать куда больше, чем на дне.

Счастливая звезда не изменяла молодому моряку и в последующих конвоях к британским берегам – теперь он пересекал Атлантику уже в качестве боцмана, которым стал по предложению своего капитана, оценившего сноровку и трудолюбие недавнего фермера. А когда в начале 44-го Смит узнал, что его компания *Marine Transport Line* набирает добровольцев в команду танкера, арендованного Советским Союзом по программе ленд-лиза, то подписал предложенный ему контракт без колебаний: конвои в Россию считались самыми опасными и вознаграждались удвоенными премиями за риск.

Транспорты, передаваемые СССР, обычно уходили к портам приписки уже с советскими экипажами, но дизель-электрические двигатели танкеров серии Т-2 были в те годы новинкой, поэтому в судовую роль танкера, впоследствии получившего название «Таганрог», вместе с нашими моряками включили трех американцев: механика, боцмана и матроса. Механик знал двигатель, боцман – палубные механизмы, а матрос – русский язык. Как показали первые же дни плавания, ключевой фигурой на танкере оказался именно матрос Джордж Боркле, чью киевскую бабушку то и дело поминали добрым словом на всех палубах. Не научи она своего внука языку, проблемы с освоением незнакомой техники оказались бы для нового экипажа куда сложнее. Никаких других трудностей Освальд Марион Смит в рейсе не отметил – все остальное было «как обычно в конвоях», вплоть до самого момента швартовки у заснеженного молотовского причала.

Неожиданности в жизни трех американцев начались тем же вечером – и какие! Первой из них стал расчет в рублях. Напрасно они показывали капитану свои контракты со строчкой “*All payments are in US dollars only*” («вся оплата только в долларах США») – ни единого доллара в судовой кассе не нашлось. Визит в администрацию порта они решили отложить до утра, а пока приняли приглашение посетить местный клуб моряков, где им гарантировали теплый прием и хороший концерт самодеятельности. Концерт оказался действительно хорошим, а теплоту приема заметно усилили бесчисленные тосты в честь союзников, фронтовой дружбы, скорой победы над Гитлером и прочих замечательных вещей. Под впечатлением этих тостов троица, не дожидаясь припоздавшего автобуса, в обнимку выбралась на безлюдную Советскую и хитроумными «противолодочными» зигзагами направилась к своему судну. Вместо порта зигзаги вскоре привели их в какой-

то неосвященный закоулок. Там они с хохотом повалились в сугроб и тут же начали вспоминать последний куплет понравившейся всем троем песни про Катюшу.

Столь бурное веселье, дерзко нарушавшее тишину ночного города, привлекло внимание патруля НКВД. Прихваченная из клуба бутылка водки объяснила чекистам причину нарушения куда красноречивее бессвязных русских междометий Боркле, сопровождаемых дружными криками «Ура!». Без долгих словопрений моряков зашвырнули в кузов крытой брезентом полуторки, где они тут же заснули младенческим сном, свято веря, что находятся на пути к родным каютам.

Наутро их разбудил протяжный паровозный гудок, завершившийся резким толчком. Открыв глаза, они увидели, что находятся в наглухо закрытом товарном вагоне вместе с примерно полусотней мужчин, одетых кто во что, от вполне приличных пальто до ватников и драных шинелей. Эта пестрая толпа сидела или спала на вещмешках, рюкзаках и фанерных чемоданах, схожих со старинными морскими сундучками. Американцы принадлежали к числу немногих пассажиров, ехавших без багажа. Поговорив с соседями, Джордж Боркле сообщил товарищам ошеломляющую новость: за нарушение комендантского часа они угодили в какую-то «рабочую колонну» из Архангельска, отправленную на трехмесячное строительство узкоколейки к югу от Онеги. Бедолаг, очутившихся в вагоне без вещей, при разных (в основном – нетрезвых) обстоятельствах задержали патрули, остальных в принудительном порядке мобилизовали на стройку с прежних мест работы.

Часа через три состав замер на разъезде, где, как пояснил Боркле опытный сосед, «всегда кипятки дают». Едва в проеме открываемой двери показались станционные здания, как не совсем еще протрезвевший механик с воплем *“I’m an American seaman, I’m an American seaman!”*¹ бросился из вагона. Снаружи донеслись крики и брань, а затем, к ужасу моряков, они услышали беспорядочную ружейную стрельбу. Дверь захлопнулась, на скобы вновь с лязгом опустился наружный засов. После томительно долгого ожидания они все же дождались кипятка, но когда Джордж Боркле попытался заговорить с разносившими баки женщинами в военной форме, одна из конвоиров молча потянулась к своей громадной кобуре. Матрос отпрянул.

Так, еще до того как они очутились среди бараков огороженной колючей проволокой стройки, боцман Смит начал догадываться, что в этой «союзной стране» его жизнь – впрочем, точно так же, как и жизнь

¹ Я – американский моряк, я – американский моряк! (англ.)

любого из находившихся с ним в вагоне советского гражданина, – не стоит ни гроша. Попытки «обратиться к мэру города» заканчивались знакомой уже руганью охранников и угрозами применить оружие. Бригадир пожимал плечами: вот закончим работу, контингент отправят назад в Архангельск, а уж там во всем разберутся. Работяги и во все не проявляли к ним никакого интереса, предпочитая держаться от «качающих права» иностранцев как можно дальше. Сначала моряки думали, что власти быстро разыщут их по оставшимся на танкере документам. Потом вдруг уверовали, что механик уцелел и расскажет о случившемся недоразумении. Еще какое-то время у них теплилась надежда на судовую компанию, которая обязательно примется их отыскивать. Не могли же их просто вычеркнуть из списков живых!

Могли. Когда в ближайшей к Молотовску союзной миссии в Архангельске был получен отосланный капитаном танкера пакет с удостоверениями трех американцев, там решили, что русские отправили пакет по причине гибели моряков. Миссия уведомила об этом руководство нью-йоркской компании и вернулась к повседневному кругу своих архангельских дел: военнослужащими погибшие не были, а на торговых флотах стран-союзниц от сотен моряков, исчезавших в конвойных плаваниях, часто не оставалось вообще никаких документов...

Тот, кто предположит, что союзным военнослужащим везло в СССР больше, чем «штатским», ошибется: шансов на внимание собственных чиновников у них было ровно столько же, сколько у боцмана Смита. Когда, например, американский сержант-десантник Джозеф Бейрли, бежавший из фашистского плена навстречу советским армиям, сумел (после доблестного участия в боях вместе с нашими солдатами, ранения и лечения в госпитале, где его навещил сам маршал Жуков), добраться в феврале 45-го до своего посольства в Москве, то наградой ему послужил хладнокровный совет возвращаться на улицу. По официальным данным, Джозеф Бейрли погиб еще год назад во Франции, а тратить драгоценное время на самозванцев в посольстве не собирались. Сержанту удалось «воскреснуть» только благодаря требованию сличить его отпечатки пальцев: как участник десантов в немецкий тыл он проходил в своей дивизии дактилоскопию. *«И как это нам самим не пришла в голову такая простая мысль?»* – сокрушался чиновник, вручая восстановленные документы обладателю боевых советских и американских орденов...

По прошествии месяца изматывающего труда на полугодном пайке Смит решил бежать. Не в Архангельск – относительно «там разбе-

ругся) у него имелись серьезные сомнения. Географию советского севера боцман представлял довольно приблизительно, но он продолжал неколебимо верить в свою удачу и поэтому вознамерился держать курс на нейтральную Швецию. Боркле от участия в побеге наотрез отказался: ему было далеко за сорок, от усталости он еле добирался до койки, да и стрельба на северном полустанке оставила в памяти матроса такое сильное впечатление, что перспектива лично проверять меткость союзников вызвала у него долгий приступ нервного заикания. *«Б-боцман, расскажи обо мне, если доберешься, – шептал он, – но т-ты доберешься, я знаю, ты наверняка д-добрешься!»*

И боцман добрался. Правда, не до Швеции, а до оккупированной немцами Норвегии, но переправиться оттуда с помощью подпольщиков в Англию было уже «делом техники». Главную же роль в успехе побега Смит отвел своей поистине счастливой звезде: без нее саамские олениводы не смогли бы обнаружить на берегу лесной реки выбившегося из сил человека, повторявшего в полубреду те же слова, которые недавно погубили его механика: *“I’m an American seaman, I’m an American seaman...”* Вероятно, саамы тоже не поняли значения этих слов, но их реакция была совершенно иной, нежели у железнодорожных конвоиров. До тех пор пока беглец не очутился в партизанской зоне, охраняемой организацией норвежского сопротивления Милорг, его передавали от стойбища к стойбищу, через леса и границы, держась как можно ближе к соплеменникам и как можно дальше от городов.

Пока боцман Смит совершал рискованные ночные путешествия под вагонами, крал из пристанционного ларька вяленую рыбу и брел через карельскую тундру к западу, по восточным тылам советской лагерной империи путешествовал в 1944 году другой американец. У этого не было необходимости скрываться: вице-президента США Генри Уоллеса, непрерывно восторгавшегося увиденным, возил с прииска на прииск не кто иной, как сам хозяин «планеты Колыма» комиссар госбезопасности Иван Никишов. В своей книге «ГУЛАГ» Энн Эпплбаум приводит поразительный вывод, который Уоллес сделал по окончании колымского визита: *«Американцы и русские по-своему нащупывают пути, которые позволили бы простому человеку взять от современных технологий все самое хорошее. В наших целях и намерениях нет ничего непримиримого, а те, кто думает иначе, – преступники»*. После таких слов вице-президента Соединенных Штатов упоминать о дьяволе и длинной ложке было бы вопиющей бестактностью. Никто и не упоминал – кому хотелось причислить себя к преступникам?

Посол США в Москве Аверелл Гарриман писал в Белый Дом: *«Если мы сохраним хорошие личные отношения со Сталиным, то все подозрения между нашими странами будут устранены»*, советник Рузвельта Гарри Гопкинс требовал от американского народа *«поверить, что он объединяет свою мощь с мощью Советского Союза ради блага всего человечества»*, другой президентский советник Алджер Хисс регулярно снабжал Москву сведениями о планах собственного шефа, а сам Рузвельт был готов поднять тост за расстрел Сталиным 50 тысяч германских офицеров. «Нью-Йорк Таймс» возмущалась злодеяниями вермахта, расстрелявшего в Катynie польских пленных, из Европы в СССР потянулись транспорты союзников, набитые будущими узниками сталинских лагерей. Их страшная судьба лишней раз подтверждала правоту вице-президента США: в его намерениях и впрямь не было ничего непримиримого с намерениями Сталина.

В последующие годы Генри Уоллес, а также его бесчисленные последователи при американских и западноевропейских правительствах удостоивались самых разнообразных оценок – от «великих либералов» до «агентов Кремля», но, пожалуй, точнее всего их сущность определял известный ленинский термин «полезные идиоты». Первопричину «полезного идиотизма» можно усматривать в чем угодно – в излишней доверчивости, в циничном политиканстве, в наивном идеализме, но для тех, кому в отличие от боцмана Смита не удалось бежать из-за союзной колючей проволоки, все это оборачивалось внезапным трагическим прозрением: *«Им на нас наплевать!»*.

Насколько наплевать, стало ясно почти полвека спустя после колымских откровений Уоллеса. 23 мая 1991 года сенатский комитет США по иностранным делам, рассмотрев на основе предоставленных Горбачевым архивов ситуацию с пропавшими без вести и военнопленными, был вынужден признать: *«Даже фрагментарный анализ союзнических документов показывает, что около 12 500 американцев так и не были репатрированы с территории, контролируемой Красной Армией»*.

Пока преданные «великими либералами» пленники гнили за железным занавесом, на всемирных саммитах как ни в чем не бывало продолжали разглагольствовать о благе всего человечества, значении разрядки, важности хороших личных отношений и прочую «чушь прекрасную нести». На состояние армии, призванной быть защитницей свободного мира, эта чушь оказала самое разлагающее воздействие. На исходе корейской войны в руки разведки США попал рапорт китайских психологов с поистине убийственной оценкой качеств среднего американского военнопленного: *«Американский солдат больше не*

лоялен по отношению к своей стране. Его концепции справедливости туманны и несформированы. Легко идет на контакт. Неуверен в себе, быстро поддается устрашению. Недооценивает свои силы, свою способность выстоять».

Только так и ведут себя солдаты, которые уверены, что «им на нас наплевать». Американские журналы тех лет были полны славословий в адрес аграрных реформ Мао Цзэдуна, госсекретарь Дин Ачесон утверждал, что *«Корея находится вне нашего оборонного периметра»*, генералу Дугласу Макартуру было категорически воспрещено защищать своих солдат от китайских бомбардировок, а когда он выступил с критикой подобных запретов, президент тут же отправил героя Второй мировой в отставку. Подписанный Эйзенхауэром «мир с честью» лишил всякой надежды на освобождение свыше 400 американцев, вывезенных в Китай. Стоит ли удивляться, что целая треть из находившихся в северокорейском плену 7000 солдат впервые за всю историю Соединенных Штатов активно сотрудничала с пропагандистами врага? Для сравнения: ни один из 229 пленных, сражавшихся в Корее в составе турецкого контингента ООН, на сделки с коммунистами не пошел (у Турции не было своих «великих либералов»).

Дальше – больше. Итальянская журналистка Ориана Фаллачи с презрением вспоминает в своей «Ярости и гордости» американского пленного пилота, бросившегося с поклонами подбирать конфеты, брошенные на пол вьетнамским тюремщиком. Френсис Пауэрс, сбитый над СССР во время разведывательного полета, жалобно лепетал на весь мир из московской телестудии: *«...сознаю, что совершил тяжчайшее преступление и заслужил за него наказание. Я глубоко раскаиваюсь. Несколько минут тому назад я упоминал о срыве совещания в верхах и увеличении напряженности в мире. Искренне сожалею, что причастен к этому».*

Разведчик Натаниэл Хэйл, пойманный англичанами в разгар борьбы Джорджа Вашингтона за независимость от британской короны, тоже выражал сожаление. Но сожалел он в плену совсем о другом: *«Жалею, что у меня лишь одна жизнь, которую я могу отдать за Америку!»* Достойный сын своей страны, Натаниэл Хэйл не проронил больше ни слова и был повешен. Достойный питомец «великих либералов», Пауэрс выдал все, что только знал, и получил по возвращении в Штаты 45 тысяч долларов за героизм. Времена явно меняются.

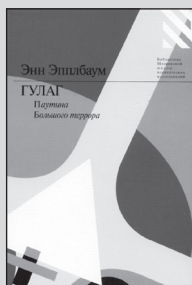
Они меняются, что бы там ни писала наша расстрелянная святая Анна о постоянстве ужасов российского плена: в круговерти нынешних дружеских встреч в верхах, почетных награждений, политкорректных ужинов стало почти невысказано разглядеть, кто там ужинает с ан-

гелом, а кто там с дьяволом – все как-то на одно лицо. Мода запасаться на всякий случай длинными ложками, похоже, окончательно умерла. Зачем? Какой случай? Да и у кого они теперь есть, эти длинные ложки?

Боцман Смит над такими вопросами не задумывался. Он упрямо шел по тундре к дому, даже в бреду повторяя одно, самое главное: *«I'm an American seaman, I'm an American seaman!»* Первое, что он сделал, очутившись в Англии, – рассказал о своем товарище по несчастью. Благодаря настойчивости боцмана, Джорджа Боркле удалось за месяц до конца войны вырвать из лагерной пасти, где навсегда осталось свыше 12 тысяч его земляков.

В 1988 году ветеран торгового флота США, кавалер наград за участие в корейской и вьетнамской кампаниях, штурман Освальд Марион Смит вышел на пенсию. Писатель Томас Симмонс завершает посвященную ему книгу такими словами: *«Сам он, конечно, будет это отрицать, но, по-моему, он принадлежит ко множеству незаметных американских героев, которые заслуживают отдания чести уже за то, что никогда не поступались правом на свободу».*

Возможно, никогда не поступаться правом на свободу – это и есть та ложка, которой следует запастись всем, кому твердят, что «в Архангельске разберутся»? Пусть она и не самая длинная из всех, но ведь помогла же она боцману Смиту оставить дьявола с носом!

Энн Эпплбаум
ГУЛАГ. Паутина Большого террора
М.: Московская школа политических исследований, 2006.
Перевод с английского Л. Мотылева.
608 с., илл.

Эта книга – история советских концлагерей со времени их возникновения в годы большевистской революции, история их превращения в важную часть советской экономики, история частичного демонтажа лагерной системы после смерти Сталина. В этой книге говорится и о наследии ГУЛАГа: несомненно, порядки и обычаи, царившие в советских лагерях для политзаключенных и уголовников в 70-е и 80-е годы, развились непосредственно из порядков и обычаев предшествующей эпохи, и поэтому без последнего периода лагерная история была бы неполной.

В то же время я стремилась дать читателю представление о жизни в ГУЛАГе, и поэтому книга рассказывает о лагерях двумя способами. Первая и третья ее части построены хронологически. Они последовательно описывают эволюцию лагерей и их управления. Вторая часть посвящена лагерной жизни и построена по тематическому принципу. Большинство примеров и цитат в этой части относятся к 40-м годам, когда лагеря достигли высшей степени развития, однако нередко, нарушая хронологию, я обращалась и к временам более поздним и более ранним. Некоторые стороны лагерной жизни менялись с годами, и я сочла нужным объяснить, как это происходило.

Сказав, что в этой книге есть, я хотела бы теперь сказать, чего в ней нет. Это не история СССР, не история чисток, не история репрессий в целом. Это не история правления Сталина и его Политбюро. Это не рассказ о его карательных органах, чью сложную административную историю я сознательно постаралась, насколько возможно, упростить. Хотя я использовала многое из того, что написали советские диссиденты, зачастую находясь под огромным давлением и проявляя огромную отвагу, эта книга не содержит полной истории движения за гражданские права в Советском Союзе. Она не отдает в полной мере должное отдельным народам и отдельным категориям заключенных – полякам, прибалтийцам, украинцам, чеченцам, немецким и японским воен-

нопленным, которые пострадали от советского режима как в лагерях, так и вне их. Она не исследует в полном объеме массовые убийства 1937–1938 годов, которые большей частью происходили за пределами лагерей, и не исследует уничтожение тысяч польских офицеров в Катыни и в других местах. Поскольку книга рассчитана на массового читателя и не предполагает глубокого знания им советской истории, все эти события и явления в ней упомянуты. Однако невозможно было бы в рамках этой книги отдать им должное сполна.

Может быть, самое важное – что она почти не затрагивает историю миллионов «спецпереселенцев», которых зачастую лишали свободы в то же время и по тем же причинам, что и будущих узников ГУЛАГа, но отправляли не в лагеря, а в отдаленные поселки для ссыльных, где многие тысячи из них умерли от голода, холода и непосильной работы. Одних – например, кулаков – в 30-е годы ссылали по политическим причинам. Других – в частности поляков, прибалтийцев, украинцев, немцев Поволжья, чеченцев в 40-е годы – по причинам национальным. Их судьба в Казахстане, в Средней Азии, в Сибири была очень разной – слишком разной, чтобы можно было рассказать о них в этой книге, посвященной лагерям. Я упоминала об этих людях лишь эпизодически, когда их опыт казался мне особенно близким к опыту заключенных ГУЛАГа или помогающим пролить на него свет. Но хотя их история тесно связана с историей ГУЛАГа, чтобы рассказать ее полностью, понадобилась бы еще одна книга такого же объема. Надеюсь, вскоре кто-нибудь ее напишет.

Хотя здесь идет речь о советских концлагерях, их невозможно рассматривать как изолированное явление. ГУЛАГ рос и развивался в определенное время и в определенном месте, параллельно происходили другие события, и он принадлежит по меньшей мере к трем разным контекстам. Строго говоря, ГУЛАГ, во-первых, принадлежит к истории Советского Союза; во-вторых, к международной и российской истории тюрем и ссылки; в-третьих, к истории особого интеллектуального климата в континентальной Европе в середине XX века, породившего также и нацистские концлагеря в Германии.

Под словами «принадлежит к истории Советского Союза» я имею в виду нечто вполне конкретное: ГУЛАГ не явился в готовом виде из вод морских, в нем отразились нормы существовавшего общества. Если лагеря были мерзкими, а охранники – жестокими, если работали в лагерях из-под палки и кое-как, то причина отчасти в том, что мерзости, жестокости и кое-как выполненной из-под палки работы хватало и в других областях советской действительности. Если существование

лагерников было ужасным, невыносимым, нечеловеческим, если смертность среди них была огромна – этому тоже трудно удивляться. В определенные годы жизнь в Советском Союзе была в целом ужасной, невыносимой, нечеловеческой, и смертность была высокой не только в лагерях, но и «на воле».

Разумеется, не случайно первые советские лагеря стали создаваться сразу же после революции, с ее кровью, жестокостью и хаосом. Во время революции, террора и гражданской войны многим в России показалось, что безвозвратно рушится сама цивилизация. «Смертные приговоры выносились произвольно, – пишет историк Ричард Пайпс. – Людей расстреливали без всякой причины и столь же беспричинно выпускали». После 1917 года вся общественная система ценностей была поставлена с ног на голову; богатство и профессиональный опыт, накопленные в течение всей жизни, стали источником риска, грабеж был объявлен «национализацией», убийство стало законным способом осуществления диктатуры пролетариата. В этой атмосфере взятие Лениным под стражу тысяч людей по причине одного лишь бывшего богатства или дворянского титула не казалось чем-то из ряда вон выходящим.

Точно так же высокая смертность в лагерях в определенные годы в какой-то мере отражала события, происходившие по всей стране. Смертность среди заключенных выросла в начале 30-х, когда во многих регионах Советского Союза царил голод. Она опять выросла во время Второй мировой войны: вторжение Германии стоило Советскому Союзу не только миллионов убитых на полях сражений, оно вызвало эпидемии дизентерии и тифа, а также новый голод как в лагерях, так и вне их. Зимой 1941–1942 годов, когда от голода умерло, возможно, около миллиона жителей блокадного Ленинграда, от нехватки продовольствия погибла и четверть заключенных ГУЛАГа. Лидия Гинзбург в «Записках блокадного человека» писала: «Голод перманентен, невыключаем. Он присутствовал неотступно и сказывался всегда (не обязательно желанием есть) мучительнее, тоскливее всего во время еды, когда еда с ужасающей быстротой приближалась к концу, не принося насыщения». Читатель увидит, что ее слова зловеще перекликаются с воспоминаниями бывших узников.

Ленинградцы, правда, умирали дома, тогда как ГУЛАГ раздирали жизни на части, разрушал семьи, отрывал детей от родителей, принуждал миллионы людей жить в отдаленных диких местах в тысячах километров от родных. Тем не менее страшный опыт заключенных вполне выдерживает сравнение с жуткими воспоминаниями «свободных» советских граждан – таких, как Елена Кожина, которая была эвакуирована

из Ленинграда в феврале 1942 года. В дороге у нее на глазах умерли от голода брат, сестра и бабушка. Приближались немцы. Елена и ее мать шли по степи и видели вокруг себя «беспорядочное бегство. <...> Мир разлетелся на тысячи кусков. Повсюду дым и ужасающий запах гари. В степи было нечем дышать, нас точно сдавил раскаленный, закопченный кулак». Хотя Кожина не побывала в лагерях, она пережила ужасный холод, голод и страх, когда ей не было еще и десяти, и воспоминания о них преследовали ее всю жизнь. Ничто, писала она, «не могло заставить меня забыть мертвого Вадика, которого выносили под одеялом, предсмертную агонию Тани и то, как мы с мамой, последние оставшиеся в живых, шли сквозь дым и грохот по пылающей степи».

У заключенных ГУЛАГа и остальных жителей СССР было много общего помимо страданий. Как в лагерях, так и за их пределами можно было увидеть один и тот же подневольный труд, от которого старались отлынивать, одних и тех же тупых и преступных бюрократов, одну и ту же коррупцию, одно и то же злобное пренебрежение человеческой жизнью. Однажды, работая над этой книгой, я описала своему польскому другу лагерную систему *туфты* (создания видимости выполненной работы), о которой пойдет речь ниже. Друг расхохотался: «Ты думаешь, это заключенные изобрели? Весь советский блок занимался туфтой». В сталинском Советском Союзе разница между жизнью по одну и другую сторону колючей проволоки не была фундаментальной, это был всего лишь вопрос степени. Видимо, поэтому ГУЛАГ нередко описывали как квинтэссенцию советской системы, ее наиболее полное выражение. Даже на лагерном жаргоне внешний мир часто называли не «волей», а «большой зоной», более обширной и не такой смертоносной, как «малая зона», но отнюдь не более человеческой. <...>

Из Предисловия

Сергей Скалаух

Аналитическая записка

Вступление

Уголовно-исполнительная система потенциально способна исправлять и воспитывать людей с патологическими отклонениями морально-нравственного базиса личности, предопределяющими их преступное поведение. Упрощает задачу и то, что процесс социализации личности преступника вовсе не требует созидания из «грешника» «святого» и воспитания такого высочайшего уровня нравственности, который бы предопределил идейную убежденность человека, органичное неприятие им самой теоретической возможности нарушения закона. Цель исправления будет вполне достигнута, если человек не станет совершать преступления и по другим мотивам, в том числе и субъективно «корыстным». Например, осознав невыгодность преступного образа жизни для личностной социальной самореализации или поняв ценность времени жизни, которое можно безвозвратно потерять в местах лишения свободы.

Еще более упрощает задачу то, что в настоящее время преступность значительно «помолодела». Возраст осужденных к лишению свободы резко снижается, то есть увеличивается количество осужденных, которые более всего и нуждаются в корректировании личности. Имеются в виду те, чье преступление было предопределено окружением и образом жизни и совершено, в большинстве случаев, «за компанию».

С. Скалаух – сотрудник уголовно-исполнительной системы.

Год назад этот документ был отправлен автором Президенту РФ. Из Администрации президента документ переслали в Минюст, откуда автору пришла чиновничья отписка о прочтении.

Печатается журнальный вариант. Полную версию можно прочесть на нашем сайте: www.index.org.ru

Сегодняшний объект воспитательного воздействия УИС – это чаще всего педагогически запущенный молодой человек, с далеко не сформировавшейся психикой и мировоззрением. Безусловно, для достижения целей воспитательного воздействия – это более легкий «материал», он требует меньшего напряжения сил, нежели среднестатистический осужденный 70–80-х годов.

И все же при том, что приговоренный к наказанию в виде лишения свободы человек на долгие годы попадает в полное и безраздельное распоряжение уголовно-исполнительной системы и полностью лишен возможности избежать потенциального воспитательного воздействия, пребывание преступившего закон гражданина в лоне УИС, как правило, приводит к прямо противоположным результатам. Зачастую человек, ни в коем случае для общества не потерянный, именно «благодаря» своему пребыванию в местах лишения свободы в дальнейшем совершает преступления несоизмеримо более опасные для общества, чем то, которое предопределило его первоначальное знакомство с уголовно-исполнительной системой.

В повседневной работе приходится сталкиваться с таким большим количеством подобных лиц, что есть все основания обозначить этот феномен как тенденцию. А если (как ни прискорбно это осознавать) какая-то часть осужденных во время отбывания наказания и изменяется в выгодную для общества сторону, то происходит это не благодаря, а вопреки влиянию администрации ИУ.

Сегодня пенитенциарные учреждения должны занять свою нишу и стать подсистемой государственной социально-педагогической системы, призванной оказывать воспитательное воздействие на граждан. Исполнение уголовного наказания должно подразумевать приоритетность функций защиты общественной безопасности, то есть его цель – переориентировать преступную личность на нравственно приемлемые и социально одобряемые формы поведения и не допускать, чтобы личность «сырая», несостоявшаяся, не ориентировалась на антисоциальный образ жизни. Однако...

Если исходить не из провозглашаемых лозунгов, а из анализа реальной действительности, то прослеживается ряд тенденций, позволяющих утверждать, что сущностное реформирование главной части УИС – пенитенциарной системы – ни за прошедшие с 1991 года 14 лет, ни за прошедшие с момента передачи УИС в Минюст 7 лет не продвинулось ни на йоту. Более того, примерно с 2003 года явственно обозначился «откат назад».

Связано это, как думается, скорее всего с неадекватной оценкой ситуации определенными лицами, которые восприняли предпринятые политическим руководством шаги по укреплению российской государственности как признак грядущего возрождения «старого доброго порядка». По крайней мере на уровне регионального руководства УИС эта версия подтверждается конкретными высказываниями его представителей.

Центр работы с осужденными все более и более смещается в сторону усиления репрессивного начала в организации порядка отбывания наказания. При этом игнорируется законодательно закрепленный принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Пенитенциарные администрации ассоциируют свою роль с ролью некоего «второго суда», призванного дополнительно наказать уже наказанных лишением свободы преступников, и тем ограничиваются.

Никакого воспитания в смысле исправления личности не происходит и в условиях существующей организации деятельности происходит **не может**. Напротив, происходит процесс социализации личности на основе мировоззрения и моральных положений, отвергающих Право. А это в конечном итоге формирует личность, воспитанную в лоне криминальной культуры.

Вся работа сотрудников по-прежнему направлена не на исправление осужденного, а на **формирование образа** «идеального» осужденного, который органично вписывался бы в театральные декорации и показал бы стороннему зрителю, как все прекрасно в уголовно-исполнительной системе.

В настоящее время действует система рейтингов учреждений и управлений УИС, оценивающая их работу посредством множества критериев, большинство из которых **для общества** никакого практического значения не имеют.

Может быть, рейтинги и имели бы смысл, если бы были акцентированы на проблемы социальной реадaptации преступника после отбывания наказания. Тогда можно было бы предусмотреть, например, такой важный для общества пункт, как «количество лиц, повторно совершивших преступление после отбывания наказания». При этом было бы нетрудно установить учреждение, в котором повторно осужденный ранее отбывал наказание, и поставить рецидив в «заслугу» конкретному учреждению, а также соответственно оценить деятельность его работников...

По данным федеральной статистики, рецидив преступлений ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы варьирует в рамках

25–35%. Цифры высокие и к тому же не отражают полной картины влияния ранее судимых лиц на криминальную обстановку в обществе. Во-первых, значительная часть впервые совершивших преступления совершила их в составе группы, организованной и вдохновляемой ранее судимым. Во-вторых, какая-то часть спровоцирована на совершение преступления ранее судимыми, которые, как более опытные, сами избежали уголовной ответственности. А какая-то часть впервые совершивших преступление просто «воспитана» ранее судимыми. По результатам проведенного ВНИИ МВД СССР в 1987 году исследования (Ю.М. Антонян, С.З. Бородин) установлено, что в круг близкого общения 80% совершивших преступления входили ранее судимые лица.

А изнутри системы и без всякой статистики очевидно, что пенитенциарная система долгие годы являлась и до сего дня является «кузницей кадров» преступного мира. Система работает не на государство, не на общество; система работает **на саму себя** и сама оценивает свою деятельность. В. Ялунин¹ вообще открыл обществу глаза на то, что от УИС не следует ждать перевоспитания правонарушителей: *«... по данному показателю – рецидив преступлений – нельзя судить о степени эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы по исправлению осужденных, так как сложная социально-экономическая обстановка в стране, криминализация общества, недостаточная профилактика правонарушений и преступлений, стимулирующая в обществе правопопустивное поведение, отсутствие в законодательстве норм, обязывающих работодателей обеспечивать работой лиц, имеющих судимость, и другие социально-экономические факторы не позволяют в полной мере закрепить результаты воспитательной работы, достигнутые специалистами учреждений УИС»*².

В общем, у нас все в порядке, это страна – неправильная...

Впрочем, на обществе действительно есть своя вина. Благодаря деятельности правозащитных организаций, единственный аспект, в последние годы возбуждающий внимание общества, – это права человека в местах лишения свободы. Но данный аспект (хоть и важный) – всего лишь один из множества в деятельности УИС и на стратегические результаты этой деятельности решающего влияния оказать не может...

В общем, пенитенциарная система России приносит пользу государству и обществу лишь в той мере, в коей обеспечивает временную физическую изоляцию преступника от общества. А это не является

¹ Заместитель Министра юстиции РФ с декабря 2004 по август 2006 года.

² «Военно-промышленный курьер», февраль 2004 года.

решением проблемы, а лишь отодвигает ее проявление на более поздний срок – причем в обостренном виде.

Задачи исправления и воспитания фактически не реализуются, хотя и всячески декларируются. Органы государственной власти лишены объективной информации и **системно вводятся в заблуждение**. Деятельность личного состава УИС на всех уровнях – от рядового сотрудника до высших руководителей – в очень большой степени подчинена целям, в обиходном языке называемыми «показухой» и «очковтирательством».

Целью предлагаемой аналитической записки является раскрытие основных негативных тенденций в деятельности сегодняшней УИС и формулирование обоснованных предложений по приведению ее деятельности в максимальное соответствие интересам государства и общества.

Воспитатель-делопроизводитель

Один из заместителей начальника тогда еще ГУИН МЮ РФ по Челябинской области на беседе с личным составом отдела по воспитательной работе с осужденными Верхнеуральской тюрьмы сказал: «Воспитательная работа – это нечто такое, результаты чего нельзя предьявить наглядно. Мы не можем проверить результаты воспитательной работы. Но мы можем проверить ее следы. А следы остаются на бумаге».

Вниманию читателя предлагается расчет затрат времени на ведение документации начальником отряда отдела по воспитательной работе с осужденными в условиях Тюрьмы №1 ГУФСИН России по Челябинской области³.

№ п.п.	Наименование операции	Время на 1 операцию, (час) (50чел/100чел)	Кол-во операций в месяц (шт)		Затраты времени в месяц (час)	
			При численности		При численности	
			50 чел	100 чел	50 чел	100 чел
1	Написание ежегодных характеристик на осужденных	1,2 / 1,2	4,16	8,33	5,0	10,0
2	Написание характеристик по запросам, ответы на различные запросы, письма	1,0–2,0 / 1,0–2,0	4,4	8,8	4,4– 8,8	8,8–17,6

³ При расчете исходили из 22 рабочих дней в месяц. Численность осужденных в отряде, в соответствии с Приказом Минюста РФ от 25 марта 2003 г. № 69, от 50 до 100 человек.

№ п.п.	Наименование операции	Время на 1 операцию, (час) (50чел/100чел)	Кол-во операций в месяц (шт)		Затраты времени в месяц (час)	
			При численности		При численности	
			50 чел	100 чел	50 чел	100 чел
3	Подготовка пакета документов на наложение на осужденного дисциплинарного взыскания	0,6 / 0,6	8,5	17	5,1	10,2
4	Написание справок-характеристик к жалобам и обращениям осужденных	0,8 / 0,8	13,2	26,4	10,6	21,1
5	Оформление новых дневников индивидуальной воспитательной работы (далее по тексту – ИВР) с осужденными	0,8–1,5 / 0,8–1,5	5	10	4,0–7,5	8,0–15,0
	<...> ³					
26	Написание плана проведения выходных и праздничных дней (журнал ИО)	0,5 / 0,5	4,35	4,35	2,17	2,17
27	Учет мероприятий, проводимых в отряде	0,2 / 0,2	15	15	3,0	3,0
28	Написание протокола проведения «Дня отряда»	1,2 / 1,2	1,0	1,0	1,2	1,2
29	Написание годового плана занятий с осужденными в системе социально-правовых знаний (СПЗ)	4,0 / 4,0	0,08	0,08	0,32	0,32
30	Написание планов-конспектов занятий в системе СПЗ	1,0–1,5 / 1,0–1,5	2,0	2,0	2,0–3,0	2,0–3,0

Итого: на сотворение всевозможной документации при численности отряда 100 человек (самое реальное количество) уходит от 13 до 15 полных рабочих дней в месяц.

Можно прокомментировать каждую строку отчета, а можно сразу сделать вывод: 80–90% всей «бумажной работы» никакого смысла не

⁴ Целиком таблицу можно посмотреть в полной версии документа на сайте журнала.

имеет и на качество процесса исправления осужденного положительного влияния не оказывает.

Комментарий к отчету:

1. Выполняется, приобретает к личному делу осужденного. Операция имела бы практическую пользу только при переводе осужденного из учреждения в учреждение, но при условии, что выполнялась бы не формально. Чаще всего характеристики пишутся по шаблону, причем людьми, ни разу не общавшимися с осужденным.

2. Выполняется. Ответы на письма и запросы, касающиеся осужденных, как правило, подразумевают предварительный сбор данных от различных служб учреждения, ибо затрагиваемые вопросы в большинстве случаев к компетенции начальника отряда не относятся. Объем этой работы в каждом конкретном случае индивидуален, поэтому время на ее выполнение в расчет времени на выполнение операции в целом не включено. Учитывается только собственно написание и действия по подготовке к отправлению.

3. Выполняется. Пакет состоит из постановления, акта, справок о проведении беседы начальником отряда, инспектором режимного отдела, оперуполномоченным. Три последних документа практически слово в слово дублируют друг друга. Смысл изготовления рукописного документа, содержащего 80–100 слов, уместается в одну фразу: «Полагаю целесообразным наказать в дисциплинарном порядке».

4. Ввиду многократно возросшего количества жалоб и ходатайств осужденных в последние 2 года выполняется фрагментарно, ибо в ряде случаев выполнение нереально. Однако де-юре требование не снято. Во время массовой акции протеста осужденных Тюрьмы №1 в апреле 2004 года, например, принималось и направлялось адресатам до 600 жалоб в день. Учитывая жестко установленные законодательством сроки отправки, в подобных случаях о каком либо дополнительном оформлении администрацией обращений осужденных речи идти не может. И тем не менее в июле 2004 года по требованию Челябинской областной прокуратуры по надзору за соблюдением законности в учреждениях УИС в ее адрес направлено около 500 характеристик на осужденных. Для обеспечения этого практически весь личный состав воспитательного отдела на неделю был выведен из процесса работы с осужденными. Возникает вопрос: каким образом характеристика осужденного может влиять на рассмотрение его жалобы по поводу конкретного факта нарушения закона или его законных прав?

5. Выполняется. Количество операций в месяц указано реально. Практическую пользу в дневнике имеет только информация об осужденном, его родственниках, совершенном им преступлении и аспектах отбывания наказания, а так же - при переезде осужденного из учреждения в учреждение – о характерологических особенностях его личности и динамике их изменения.

<...>⁵

26. Выполняется формально. «Под копирку». В практической деятельности не требуется.

27. Выполняется. «Показуха для проверяющих».

28. Выполняется. «Показуха для проверяющих».

29. Выполняется. Практически полезно.

30. Практически полезно.

В расчет не включено оформление документов на условно-досрочное освобождение, на замену не отбытой части наказания более мягким, на изменение вида исправительного учреждения, ибо на тюремном режиме такие случаи единичны; но в исправительных колониях данная документация составляет достаточно чувствительную долю в общем объеме. Еще в колониях добавляется документация по самодеятельным организациям осужденных, планы и протоколы проведения дней открытых дверей, различных культурно-массовых и спортивных мероприятий, которые на тюремном режиме не проводятся. Вне сомнения, бюрократическая нагрузка на начальника отряда в исправительной колонии гораздо выше, нежели в вышеприведенном расчете.

Поступающая в процессе неформального общения с офицерами исправительных колоний информация дает основание утверждать, что широко распространена практика привлечения осужденных к оформлению документации «под образец». Это касается и характеристик, и планов, и даже отчетов. Ценность и объективность такой документации очевидна.

Ситуация с другими категориями сотрудников, находящихся в непосредственном контакте с осужденными, аналогична. В любом подразделении, любой службе, любом отделе – кипы и кипы «документов», которые здравомыслящий человек иначе, чем макулатурой, не назовет. При этом в абсолютном большинстве случаев множество людей множество раз из месяца в месяц и из года в год переписывает одно и то же.

---

⁵ Целиком эти комментарии можно посмотреть в полной версии документа на сайте журнала.

Куда рациональней было бы централизованно отпечатать всю эту документацию – все, что «ДОЛЖНО БЫТЬ!» – типографским способом. В учреждения это можно даже не рассылать: пусть себе лежит в кабинетах у чиновников и чиновники получают возможность все это «проверить», не тратясь на командировочные расходы.

Производство макулатуры

Не сомневаюсь, что такая серьезная государственная структура, как ФСИН, устанавливая объем бюрократических требований к исполнителю, действует исключительно из принципов научной организации труда (службы). При этом руководители системы прекрасно понимают, что: 1) время – не резиновое; 2) сама по себе, из воздуха, ни одна бумажка не возникает.

Отсюда логично вытекает вывод: стремление максимально затруднить возможность непосредственной практической воспитательной работы с осужденным (лишая любого воспитателя требуемого на это времени) – осмысленно и обосновано. В таком случае возникает вопрос: «Кому это выгодно?»

Процесс бюрократизации не завершен и прогрессирует, приобретая черты агрессивной диктатуры, и прекратить его течение без коренного структурного и организационного изменения УИС не представляется возможным.

Деятельность всего очень многочисленного руководящего организующего и контролирующего аппарата Управлений и Главных Управлений в первую очередь сводится не к чему иному, как к обеспечению производства в бумажной массе.

Постоянно «сверху вниз» спускаются все новые и новые требования, направленные на усложнение и увеличение объема всевозможных отчетов, планов, справок, анализов, пояснительных записок и т. п. Все чаще и чаще возникают требования откровенно абсурдные и противоречащие здравому смыслу. Львиная доля всей направляемой «снизу вверх» информации «высосана из пальца», что, однако же, времени на ее оформление не экономит, а скорее наоборот (так как заставляет исполнителя напрягать фантазию).

Иначе, вероятно, быть и не может, если, например, численность всего личного состава УИС Челябинской области – около 7000 человек, 1200 из них населяют здания областного Главного Управления. Вдумайтесь в соотношение: 5800 – в 17-ти колониях, 4-х следственных изоляторах и 1 тюрьме и 1200 – в областном управлении. Если

такое же соотношение сохраняется во всех регионах, то количество «управленцев» в УИС России должно быть более 55 тыс. человек. Девять мотострелковых дивизий комплектации 201-й. Вся эта огромная армия кабинетных работников вынуждена как-то оправдывать свое существование, а самый легкий путь для этого – эскалация «бумагопотока».

Служебное время

Бюрократическое делопроизводство не является единственным способом отвлечения сотрудников от исполнения их прямых должностных функций. Рассмотрим практику привлечения офицеров к дежурству в оперативных группах.

Утвержденная приказом Минюста инструкция по организации надзора подразумевает, что данная группа из лиц начальствующего состава в состоянии быстрого реагирования должна находиться в распоряжении дежурного помощника начальника учреждения (оперативного дежурного). Она должна выполнять специальные задачи надзора за осужденными и принимать меры к стабилизации оперативной обстановки в учреждении в случаях ее осложнения или при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Некоторое время назад, еще в начале 2000-х, члены оперативной группы в период дежурства занимались выполнением своих прямых обязанностей. Участие в составе оперативной группы предполагало, что эти сотрудники должны находиться на постоянной связи с дежурной частью для обеспечения при необходимости быстрого контакта.

В настоящее время офицеры – до майора включительно – во время дежурства используются на равных с рядовым составом дежурной смены и выполняют функции рядового и сержантского состава: работают выводными, конвоирами, контролерами. Разумеется, во время дежурства офицера его обязанностей по занимаемой должности никто не выполняет. (В учреждении ЯВ-48/Т-1 каждый офицер дежурит в среднем 2–3 раза в месяц.)

В должностной инструкции начальника отряда зафиксирована обязанность принимать участие в режимных мероприятиях, проводимых в отряде (обыски, строевые смотры, технические осмотры помещений и пр.). При этом за каждым отрядом осужденных закреплен офицер отдела режима (отдела безопасности), функцией которого, собственно, и является организация, проведение и контроль режимных мероприятий на протяжении всего рабочего дня. Получается, что воспита-

тель с утра до вечера должен заниматься не чем иным, как дублировать деятельность инспектора режимного отдела.

Надо сказать, что в деятельности учреждений УИС основные тезисы: «Режим – это главное», «Режим – основа всего». А в случае выявления недостатков режимной работы такая ее организация удачно обеспечивает распыление ответственности («отвечают все, следовательно, не отвечает никто»).

На воспитателя – начальника отряда – возложена обязанность разрешения практически всех вопросов. За счет его времени решаются и периодически возникающие проблемы в жизнедеятельности учреждения.

Цензоры оперативной части не успевают обрабатывать корреспонденцию и осужденные жалуются на задержки с отправлением и получением писем? Пусть цензорам помогают начальники отрядов.

Медсанчасть учреждения не может принять всех желающих, потому что не хватает выделяемых дежурной сменой выводных? Пусть осужденных в медсанчасть водят начальники отрядов.

Инспектор по приему-выдаче посылок и передач не успевает вовремя обслужить всех осужденных? А пусть начальники отрядов водят осужденных в посылочную.

Сложности в группе специального учета? В службе тылового обеспечения? Если они касаются осужденных, решение проблемы всегда будет привычным и без вариантов.

Если в приказах, инструкциях, других документах, регламентирующих деятельность УИС, есть хоть малейший намек на какую-то долю участия в мероприятии воспитателя (начальника отряда) – ему не повезло. Он будет не участвовать, он будет отвечать. Потому, что все остальные занимаются серьезным делом – охраной, режимом, оперативной работой, бухгалтерским учетом, пошивом рукавиц, заготовкой овощей...

А «воспитание» – это как бы и не работа вовсе, это – пустой лозунг, химера. Это можно между делом...

Обязанности воспитателя

Хочется просто перечислить официально вменяемые начальнику отряда обязанности:

Получать информацию об обстановке в отряде от оперативного дежурного и оперативного сотрудника, закрепленного за его отрядом, и принимать необходимые меры по ее реализации.

Участвовать в подборе кандидатур осужденных для предоставления им права передвижения без конвоя и проживания за пределами территории колонии.

Принимать участие в выявлении и постановке на профилактический учет осужденных, склонных к совершению правонарушений, вести с ними индивидуальную работу.

<...>⁶

Распределять и закреплять за осужденными индивидуальные спальные места, места в столовой, ящики (ячейки) для хранения личных вещей и продуктов питания. Еженедельно проводить строевой смотр осужденных.

Обеспечивать совместно с сотрудниками отдела специального учета ИУ соблюдение сроков рассмотрения вопросов о представлении осужденных к условно-досрочному освобождению или замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания, переводу в колонию-поселение.

Принимать участие в подготовке документов по представлению осужденных к условно-досрочному освобождению, изменению вида ИУ и условий отбывания наказания, помилованию, предоставлению осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ, а также проживания за пределами территории ИУ, готовить на них необходимые материалы.

Сочетать законные и обоснованные требования к выполнению осужденными их обязанностей с соблюдением и оказанием содействия в защите их прав, свобод и законных интересов, сохранении и поддержании их здоровья, а также справедливым и внимательным отношением к ним. Вести работу по созданию, укреплению и развитию материальной базы для воспитательной работы с осужденными.

Это – только то, что официально, документально вменено высшим руководством. Перечень корректируется в сторону увеличения региональным руководством, затем еще более увеличивается руководством подразделений. И это – только простое перечисление обобщенных тезисов, а если продолжить каждый из них препарированием по схеме «в исполнение чего...», объем такой папки увеличится страниц на десять.

Одному сотруднику всю эту работу качественно и исчерпывающе проделывать в отношении ста подопечных просто нереально. Категорически нереально. Зато любому и каждому можно – при возникновении такой потребности – абсолютно обоснованно инкриминировать «халатное отношение к служебным обязанностям».

А собственно состояние воспитательной работы хочется охарактеризовать совсем коротко: «больной умер». Ну, может быть, при смерти, но трагедия в том, что реанимировать его, похоже, никто не собирается...

⁶ И еще две страницы убористого текста смотрите в полной версии на сайте журнала.

Будь лучшим

В системе ежегодно в три этапа проводится конкурс на лучшего начальника отряда. В учреждениях, затем в регионах, затем – все-российский. Сам смысл слова «воспитатель» сразу же порождает следующие ассоциации: профессиональная психологическая готовность, компетентность, коммуникативное мастерство, способность убеждать, интеллектуальное превосходство, педагогическая культура...

Как бы не так!

Приложение № 1
к приказу ГУФСИН России по Челябинской области
от 31.05.2005 года № 425

СВОДНАЯ ВЕДОМОСТЬ проведения 1 этапа профессионального мастерства среди начальников отрядов и воспитателей исправительных учреждений

Дата _____ Учреждение и место проведения _____

№ п.п.	звание	Ф.И.О.	Специальная подготовка		Мат. часть ПМ и меры безопасности		Нормативы по огневой подготовке		Боевые приемы борьбы		Подтягивание на перекладине		Кросс 1 км		Техническая подготовка		Медицинская подготовка		Всего баллов	Занятое место
			оценки	баллы	оценки	баллы	оценки	баллы	оценки	баллы	оценки	баллы	оценки	баллы	оценки	баллы	оценки	баллы		

Возникают некоторые затруднения с продолжением темы оценки «профессионального мастерства» воспитателя – автор вообще не знает, как после этого продолжить...⁷

⁷ Особенно больно вспоминать о детских воспитательных колониях. Группа психологов Кемеровского Государственного университета проводила исследование с целью определения психологических предпосылок профилактики и коррекции агрессивных форм поведения несовершеннолетних правонарушителей. Фраза из заключения: «Роль уголовно-исполнительной системы есть исправление человека и воспитание психологически здорового и безопасного для общества индивида. Однако, как показывают результаты исследования, подросток, попавший в заключение, не только не исправляет свое положение, а в большинстве случаев усугубляет его. Личностные деформации, имеющиеся у подростка до заключения, приобретают более сложный характер и закрепляются в его сознании как нужные и правильные...»

Вставшие на путь... исправления

Многое и многое в демонстрации организации воспитательной работы (правильнее будет сказать именно так, а не «в организации воспитательной работы») ориентировано на вещи, имеющие корни в догматах советского строя. По сути, мы имеем пока все тот же «лагерь» – звено единой народно-хозяйственно-культурной системы, пытающейся эксплуатировать механизмы коллективного сознания. Возьмем «Совет воспитателей отряда», «Советы коллектива» осужденных, самодеятельные организации, в которые осужденный обязан вступить добровольно-принудительно, чтобы не попасть в разряд «осужденных отрицательной направленности».

В советское время наличие в «вольной жизни» всевозможных месткомов, домкомов, товарищеских судов и пр., призванных осуществлять воспитательное воздействие на гражданина, неизбежно подразумевало создание таких же структур и в местах лишения свободы. Очевидна была и настоящая цель организации «общественной жизни» в местах лишения свободы: обеспечение **управляемости массы**⁸ осужденных.

Самые массовые самодеятельные организации осужденных относительно «безобидны», это – секция досуга, физкультурная секция, совет клуба / библиотеки и т. п., за их счет достигается цифра, поскольку количество осужденных в самодеятельных организациях – важный рейтинговый показатель. Обычные на сегодняшний день цифры – 85–95%. Во многих учреждениях доля осужденных, состоящих в самодеятельных организациях, доведена до 100%.

Но существуют «источники напряжения» – секция дисциплины и порядка; отчасти санитарно-бытовая секция, производственная секция. И, разумеется, Совет коллектива колонии, Советы коллективов отрядов. Эти структуры обязаны «оказывать администрации содействие в поддержании...».

Беда в том, что – при поощрении администрации – реально они оказывают это «содействие» латентными методами, трудно поддающимися контролю. В тех колониях, где силен «актив», не редкость избиения, моральные и физические надругательства, вымогательство.

Страшное сопоставление: доля несовершеннолетних осужденных в общей массе всегда не более 3%, и... **каждый четвертый** особо опасный рецидивист и **каждый пятый** осужденный к пожизненному заключению – бывшие воспитанники учреждений для несовершеннолетних!

⁸ Напомню, что на свободу из колонии / тюрьмы выходит не передвигающаяся строем под контролем и надзором масса, а отдельная человеческая личность.

«Воспитательная» составляющая таких взаимоотношений представляет собой демонстрацию очень опасного для общества принципа: «прав тот, кто сильнее». Страдают, естественно, в первую очередь самые слабые и незащищенные группы осужденных. Организованный блатной криминалитет под этот «пресс» загнать уже не так просто.

Результат принадлежности осужденного к «активу» – характеристика, в которой указано «твердо встал на путь исправления» или «доказал свое исправление», и все вытекающие из этого блага, вплоть до условно-досрочного освобождения.

Сопутствующим результатом административного введения в УИС института самостоятельных организаций осужденных стало возникновение феномена, не имеющего аналогов в западном мире: тюремной субкультуры, опирающейся на неофициальные нормы так называемого «тюремного закона».

Тюремная субкультура⁹

Авторитет закона

Сегодня в пенитенциарной системе крайне необходимо вновь соединить друг с другом два элемента: власть и нравственность. Только тогда можно получить культурную социальную систему, которая будет пользоваться уважением и поддержкой. Мы же продолжаем иметь администрацию (которая ассоциирует себя с властью, а осужденных – с врагами власти), основанную только на немотивированном насилии. Если она и апеллирует к официальному Закону государства, то только в той степени, в которой это не противоречит личным корыстным целям.

Вот наглядный пример того, как легко вносятся поправки в действующее законодательство.

Статья 129 Уголовно-исполнительного Кодекса РФ гласит: «1. В колониях-поселениях осужденные к лишению свободы: а) ...могут носить гражданскую одежду; могут иметь при себе деньги и ценные вещи; пользуются деньгами без ограничения...».

А вот распоряжение ГУФСИН России по Челябинской области:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ГУФСИН РОССИИ
ПО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

454091 г. Челябинск
ул. III Интернационала, 116
факс 266-65-66

от 08.08.2005 № 2413-186
на № _____

Пачальникам ИК-1,2,3,5,6,8,9,10,11,15,
18,21,24,25,АВК (1-1) ГУФСИН России
по Челябинской области

В целях недопущения побегов осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя и отбывающих наказание на участках колоний-поселений ГУФСИН России по Челябинской области **т р е б у ю:**

1. Обеспечить осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя и осужденных, участка колонии-поселения единой специальной формой одежды, нанести на спец. одежду: фуфайки, костюмы х/б (куртки, брюки) и т.д. полосу шириной 10-15 см. ярко-красного цвета с логотипом учреждения. (Пример УКП ЯВ 48\1, или БК 48\1).
2. Запретить нахождение у осужденных участка колонии-поселения наличных денежных средств. Все денежные средства данной категории осужденных зачислять на лицевые счета. Отоваривание осуществлять в магазинах учреждения.
3. Запретить ношение гражданской формы одежды, все гражданские вещи осужденных участка колонии-поселения сдать на вещевой склад учреждения.

17 августа 2005 г. 08.08.05
В исполнении: Давыдов Д.О. 11.08.05
Курдюков С.И.
Удальцов А.И.
Курдюков С.И.

2456
11.08.05

По поводу несоответствия этих требований закону руководителям учреждений на коллегии ГУФСИН было заявлено: «С прокуратурой мы договоримся».

Вне всякого сомнения, руководство территориального управления прекрасно осознает, что столь грубое и неприкрытое нарушение действующего законодательства в отношении условий отбывания наказания неизбежно вызовет резонанс, и данное распоряжение, ввиду бесспорной противозаконности, рано или поздно все равно придется отменить. Зачем же ему вообще появляться на свет?

А все очень просто. Территориальному управлению необходимо именно сейчас, именно сию минуту выдать «высокие показатели», занять высокое место во всероссийском рейтинге Управлений и Главных управлений ФСИН (дальше, как говорится, «хоть трава не расти»), а в исполнение этого – любой ценой застраховаться от любых теоретически возможных «неприятностей». В данном конкретном случае – от побега осужденного из участка колонии-поселения.

Цена вопроса – шаг по карьерной лестнице конкретного человека.

Управляемость

Но вернемся к проблеме исправления осужденных. Показательно, что сами осужденные говорят «встал на путь приспособления» вместо «на путь исправления».

На практике единственным и достаточным фактором, определяющим для администрации «степень исправления» осужденного, является его управляемость. Причем управляемость абсолютная, не ограниченная требованиями, предъявляемыми действующим законодательством. Более того, «чисто» законопослушное поведение воспринимается как само собой разумеющееся, а во внимание именно и берется подчинение требованиям, выходящим за рамки закона.

Осужденные бывают разные: умные и глупые, скандальные и терпимые, грамотные и неграмотные. Бывает, что осужденный предъявляет претензии, не обоснованные юридически, иногда даже абсурдные. В таких случаях вопросы решаются очень легко и быстро, не перерастая в фазу конфликта. А в основе всех «трений», всех конфликтов и противостояний между администрацией и осужденными всегда (!) лежит стремление администрации отстоять свое право на вольную трактовку закона вплоть до полного его игнорирования. Порой возникает впечатление, что напряженность нагнетается осознанно, что осужденные целенаправленно провоцируются на выражение протеста.

Не самому экономически благополучному государству мира будет интересно знать, насколько серьезны проблемы, решением которых занят находящийся на содержании бюджета личный состав УИС.

Постели в камерах Верхнеуральской тюрьмы, например, заправляются вот так:

А начальник ГУФСИН России по Челябинской области решил, что крайне необходимо вот так:

Ну, понятно: так красивее (в первый день после стирки). Все белое. Зайдут какие-нибудь гости в тюремную камеру, скажут: «Как красиво». Скажут: «Санаторий». Скажут: «И правда, условия содержания улучшаются, реформа идет полным ходом по пути гуманизации».

Одна мелочь. Кроме нар, в камере присесть-прилечь негде, а постели на нарах с 6 утра до 10 вечера должны находиться в заправленном состоянии. А присесть хочется. Так что среди арестантов это новшество восторга не вызвало, а совсем даже наоборот.

Ну и что? Нам не впервой – заставим! Поломаем!

«Ломали» почти полгода – с февраля 2005 по июнь. Вопрос в списке приоритетов стоял под № 1. Каждая утренняя и каждая вечерняя «оперативка» начиналась с анализа: в каких камерах заправили постель

«по белому», а в каких – не заправили. Сколько за это сегодня в карцер посадили, сколько завтра будем сажать. Все наличные силы и средства воспитательного, режимного, оперативного отделов и дежурных смен были сосредоточены в первую очередь на этом. Пока не «победили». Объявили передышку, потому что есть ведь и другие дела.

Например, осужденные не хотят представляться «как положено». Заходит, скажем, представитель администрации в камеру к осужденному, а осужденный говорит: «Здравствуйте, гражданин полковник». А положено говорить: «Осужденный Петров Олег Иванович, 1980 года рождения, статья 109, 7 лет, начало срока – такая то дата, конец срока – такая то дата». И никаких вам «здравствуйте».

Правда, нигде про это не написано – ни в Уголовно-исполнительном Кодексе, ни в Правилах внутреннего распорядка ИУ, ни в других нормативных актах, регламентирующих отбывание наказания в виде лишения свободы. Там прописано так: «Осужденные обязаны здороваться при встрече с работниками ИУ и другими лицами, посещающими ИУ, вставая, обращаться к ним на "Вы", называя "гражданин", "гражданка" и далее по званию либо занимаемой должности». Еще: «Осужденные обязаны...давать объяснения по требованию представителей администрации». То есть спросят статью – обязан ответить. Спросят срок – обязан ответить. А вот что должен отвечать, когда не спрашивают, – не написано.

Ну и что, что не написано. Все равно – положено.

«...Из Златоуста этап к нам едет – их там три месяца ломали! Всех сломали! Все представляют, все докладывают! Если мы их опять расслабим – генерал нам этого не простит!!!»

Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год... Война. Ради Высокой Общественно Значимой Цели.

Еще.

Законодательно определено, что осужденные по территории колонии должны передвигаться строем. Нигде не прописано, что при этом они должны петь песню. Но какой же строй без строевой песни? Все должны видеть, как весело живет осужденному – он аж поет.

В результате – титаническая работа, широкомасштабные боевые действия, усиленные варианты несения службы, массовые голодовки и демонстративные вскрытия вен... На войне, как на войне.

Зато – победили. Челябинская область поет как бы вся. Те, кто упрямо сжимает зубы и петь не хочет, имея наглость заявлять, что требования администрации противозаконны, спрятаны в запираемые поме-

щения, ПКТ, ЕПКТ, ШИЗО, тюрьму. Они – «злостные нарушители». А кто остался на виду – поет.

Засняли на видео и отправили в Москву. Огромный жирный «плюс». Вот это – действительно реформа!

И подобная работа – **самая главная** работа основных служб в сегодняшних учреждениях.

Капля камень точит: скоро мы окончательно победим, осужденные все, как один, будут представляться, петь песни и заправлять постели «по-белому». И тогда эти люди, выйдя на свободу, уже больше никого не убьют и не ограбят...

Критерии исправления

Такая абсолютная управляемость, которой требует административная система пенитенциарных подразделений, не только безнравственна, она явно вредна и опасна для общества. А в ситуации, когда отбывший свой срок попадает в микросреду, ориентированную на криминальное или полукриминальное поведение, абсолютно управляемый человек чрезвычайно опасен для общества, поскольку никаких собственных и независимых моральных ограничений у него нет. И он будет так же управлять той микросредой, как был управляем администрацией пенитенциарного учреждения – абсолютно, без оглядки на законы и нормы морали.

Интересно, что для сегодняшней пенитенциарной администрации наиболее опасным субъектом является «искатель справедливости», пишущий жалобы и не признающий ее самопровозглашенного удельного самодержавия. Вот истинные блатные, например, жалоб не пишут – им это «не по понятиям». Поэтому раздражают не в пример меньше.

Необъективность реально применяемой методики оценки «степени исправления» доказана жизнью. Рецидив преступлений среди освобожденных условно-досрочно, «вставших на путь исправления», не ниже показателя рецидива освобожденных по истечении срока наказания, а в некоторые годы даже выше. То есть точно так же варьирует в рамках 25–35%.

Неопределенность понятия «исправление» делает неопределенной и саму цель исправления. В существующей на сегодняшний день методике исполнения уголовных наказаний (в условиях постоянного подавления, насильственного, а зачастую необоснованного подчинения не Закону, а личным интересам и личным требованиям облеченных властью людей) нет предпосылок для исправления человека.

Уголовно-исполнительным законодательством определены средства исправления осужденных: «...установленный порядок исполне-

ния и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие»¹⁰. Особенности практического применения этой нормы в пенитенциарных учреждениях обуславливаются тезисом: «Режим указан первым, значит это – самое главное, и все остальное должно быть подчинено ему».

Правоведы и пенитенциарные философы могут сколько угодно заниматься терминологическим анализом и истолковывать понятие «режим», но на практике режим привычно и традиционно рассматривается исключительно как концентрированный способ выражения кары и принуждения. И толкование это – исчерпывающее. Всяческие апелляции к тому, что «установленный порядок отбывания наказания» включает в себя и обеспечение правового поля, и реализацию прав и законных интересов осужденных – это уже слишком сложно, это уже «словоблудие».

Режим – это когда «быдло стоит в стойле». Не «принуждение для исправления», а «исправление для того, чтобы осужденный безропотно воспринимал принуждение».

По существующей методике состояние воспитательной работы региональных управлений оценивается одним-единственным показателем: уровнем злостных нарушений!¹¹

Между тем исправление, безусловно, следует признать педагогической категорией, так как основой исправления является развитие человека, его изменение в лучшую сторону путем приобретения позитивных социальных качеств и подавления негативных. Режим нужно рассматривать в качестве средства достижения дисциплины и создания благоприятных условий для проведения воспитательной работы. То есть режим должен быть подчинен интересам воспитательной работы. Формулировка норм закона в этом отношении должна быть проста и понятна как для сотрудника, так и для осужденного, и не должна допускать разночтений¹².

¹⁰ Ст. 9 УИК РФ.

¹¹ «2.2. Состояние воспитательной работы с осужденными оценивается показателем: 2.2.1. Уровень злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний, употребления спиртных напитков и одурманивающих веществ в исправительных учреждениях в расчете на 1000 осужденных» (Приказ МЮ от 5 июля 2000 года № 196).

¹² Например, п. 2 ст. 9 УИК РФ мог бы звучать следующим образом: «Средством исправления осужденных является организованная воспитательная среда, подчиненная целям воспитательного воздействия на осужденных. Оптимальная воспитательная среда достигается реализацией принципа подчинения организации деятельности исправительных учреждений, установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима), общественного воздействия и взаимоотношений персонала и осужденных интересам воспитательной работы».

Пенитенциарные ученые давно и безуспешно пытаются выработать универсальные критерии оценки исправления осужденного. А так ли уж это необходимо? Не будет ли более конструктивным и полезным отказаться от каких бы то ни было оценок степени исправления осужденного в период отбывания наказания и сосредоточить усилия собственно на процессе исправления? А конечные результаты пусть оценивает статистика, исходя из развития событий после освобождения осужденного из мест лишения свободы.

Пенитенциарная среда

Основной трудностью, с которой столкнется организация воспитательного процесса в учреждениях УИС, является состояние мировоззренческого поля ее сотрудников. Социальная структура администраций мест заключения, неформальные отношения, психологические шаблоны и штампы – все это складывалось десятилетиями, и, естественно, одними приказами и постановлениями этого не изменить. Однако, чтобы достичь чего-то, необходимо хотя бы начать движение в этом направлении. Возможно ли на сегодняшний день такое начало?

Люди, сумевшие сделать карьеру в советское время, привыкли думать, что говорят. Но иногда расслабляются и говорят, что думают. Директор ФСИН России Ю.И. Калинин тоже сказал: *«Тюрьма никого не перевоспитывает, не дает ничего положительного. Я не верю в возможность перевоспитания человека тюрьмой»*¹³.

Вот и все. В нашу главную цель директор ФСИН не верит.

Ради справедливости надо уточнить, что сказано это Юрием Ивановичем, когда он приводил аргументы в пользу более широкого применения альтернативных видов наказания, что автор настоящей записки полностью поддерживает.

Но – сказано. И имеет самостоятельный смысл.

Вы неправы, Юрий Иванович. Тюрьма перевоспитывает. Но не благодаря нашим усилиям, а вопреки. Многие только здесь начинают задумываться, что жизнь, оказывается, одна (*«и прожить ее нужно так, чтобы...»*). Многие только здесь начинают читать книги, «копаться в себе», интересоваться психологией, философией, религией. Многие только здесь начинают воспринимать жизнь серьезно, в отличие от предшествующего бездумного порхания. И многие в результате меняются – меняются к лучшему. Может, таких и немного, но и немало.

В наших силах сделать, чтобы их стало больше.

¹³ Российская газета, см.: <http://www.rg.ru/2004/12/17/ispolnenie-nakazaniy.html>

Еще Макаренко заявлял о решающем влиянии социальной среды, условий труда и отдыха на формирование личности: *«Воспитывает не только или не столько сам воспитатель, сколько среда...»*.

Процитируем «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными», принятые Конгрессом ООН в 1955 году:

«Все сотрудники мест заключения всегда должны вести себя и выполнять свои обязанности так, чтобы служить примером для заключенных и завоевывать их уважение»...

Это недостижимо? Это легко достижимо, даже административно-командными методами.

Толерантность и этичность, не только во взаимоотношениях с осужденными, но и между собой – и эта самая среда уже совершенно другая. Тщательность и пунктуальность в следовании закону для всех, вне зависимости от должностей и званий, – и среда уже совершенно другая. Отказ от подхода, когда в трактовке любой неточности и неясности закона из множества вариантов всегда выбирается максимально невыгодный и максимально неудобный для осужденного, – и среда уже совершенно другая...

Осужденные и сотрудники обречены на совместное существование, и только вместе они могут оказать влияние на то, будет ли среда в пенитенциарном учреждении положительной в воспитательном отношении или отрицательной. Но за кем должна быть инициатива? За осужденными, что ли?!

Наша сегодняшняя среда – это среда простреливаемой полосы между линией окопов. Мы обвиняем осужденных в том, что мы изо всех сил «стабилизируем», а они – «дестабилизируют». Что мы хотим «в соответствии с законом», а они – не хотят. Осужденные обвиняют нас в том, что они хотят тишины и покоя, а мы – не хотим. И что закон у нас – «что дышло».

И кто прав?

Отрица очевидное

Набор предлагаемых уголовно-исполнительным законодательством мер дисциплинарного воздействия на нарушителей оказывается бессильным в отношении той немногочисленной (но реально влиятельной) категории, к которой относятся криминальные «авторитеты» различных уровней «авторитетности», и те, кто стремится таким «авторитетом» стать. Всяческие репрессии и дисциплинарные наказания только способствуют росту их авторитета. Это как медали и ордена за боевые заслуги. «Страдая», такой осужденный делает себе своеобразную карьеру. Если человек не боится карцера, холода, голода, избиений, туберкулеза – его труд-

но остановить. Ни штрафные изоляторы, ни переводы в строгие условия, ни изменения режима не продлевают общий срок лишения свободы, а потому по большому счету никакого значения для осужденного, настроившегося сидеть «от звонка до звонка», не имеют.

Заведение уголовных дел в учреждениях УИС – большая редкость. Принципы неотвратимости наказания и его соразмерности в учреждениях УИС не действуют из-за пресловутого рейтинга, так как любое уголовное дело в учреждении – это «пятно» и «падение показателя». В результате уголовно наказуемые деяния наказываются в дисциплинарном порядке и по бумагам проходят как «нарушение формы одежды» или «нарушение распорядка дня».

Если что-то неприятное для системы получает огласку, виноват в этом неприятном – кто угодно, только не мы.

Нелишним было бы проанализировать протестную активность осужденных, накал которой года этак с 2003 весьма ощутим. Начнем с массовой голодовки осужденных ИК г. Дмитровграда Ульяновской области в сентябре 2005 года.

Там требования осужденных были действительно в защиту неформальной нормы, согласно которой так называемые «опущенные», или «обиженные», не имеют права садиться за общий стол и пользоваться общей посудой. Все остальные, в свою очередь, не имеют права прикасаться к их вещам, здороваться с ними за руку и т. п.

Руководство колонии, якобы озаботившись правами сексменьшинств¹⁴, решило положить этому конец и рассадить в столовой всех за общими столами. Осужденные отказались от приема пищи.

Вот как комментирует причину протеста руководство ФСИН: «... Требования, которые они предъявляют, они абсурдны. Первое требование – разрешить общак в колонии, то есть легализовать. Что, "малину" создать нужно в колонии № 3 и назвать ее "малиной"? И второе требование – убрать так называемых обиженных, то есть пассивных гомосексуалистов, которые там тоже находятся. Вот в основе их требования» (Ю.И. Калинин).

По первому пункту: «общак» – своеобразный «фонд взаимопомощи» для продовольственно-сигаретной поддержки убывающих на этап, или прибывших «голыми» с этапа новичков, или «отстрадавших» в штрафном изоляторе / ПКТ / ЕПКТ и «поднявшихся в зону». Существует

¹⁴ Удачный ход; правозащитникам, особенно западным, не найдется что возразить.

ет во всех исправительных учреждениях, хотя формально в Правилах внутреннего распорядка ИУ есть пункт, запрещающий *«продавать или отчуждать иным способом в пользу других осужденных продукты питания, предметы, изделия и вещества...»*¹⁵.

Легализованный «общак», кстати, существует в каждой колонии в рамках официальных самостоятельных организаций осужденных. В него работающие осужденные добровольно (а куда ж они денутся?) отчисляют часть своего заработка. Средства предназначены для материальной помощи освобождающимся и членам семей осужденных, однако зачастую направляются на приобретение строительных и отделочных материалов, на бытовые и хозяйственные нужды.

По второму пункту: «опущение» – это «высшая мера наказания» тюремного закона за серьезные проступки. Психологическая изоляция, отверженность «опущенного» и является собственно содержательной сущностью этого наказания. Поэтому *«...то есть пассивных гомосексуалистов»* – передергивание. Это совсем не «то есть».

А *«... убрать так называемых обиженных...»* (в устах Юрия Иванoviча прозвучало как «убрать из колонии») – требование действительно абсурдное именно с точки зрения «тюремного закона», который запрещает изгонять кого бы то ни было из камер, блоков, общежитий...

У осужденного, который «запачкался» о представителя категории «обиженных» (например, ел с ним за одним столом), возникают реальные проблемы с определением собственного статуса. Руководство колонии, посадив «обиженных» за общие столы, не могло не знать, что в ста случаях из ста все остальные за эти столы не сядут.

Эту проблему – проблему неформальной тюремной субкультуры – не решить силовыми методами. Случай в димитровградской ИК – яркий образец привычных примеров, когда администрация действует топором там, где нужно действовать скальпелем.

Впрочем, варианта все же два: либо – непрофессионализм и «топором», либо – все это сотворено целенаправленно, чтобы спровоцировать протестную активность осужденных и затем представить ее как стремление криминала руководить учреждением не по закону, а по своим античеловеческим понятиям.

¹⁵ На момент описываемых димитровградских событий, а равно и на момент написания аналитической записки, для запрета общака не было законных оснований, так как указанный пункт был изъят из ПВП редакции 2001 г. (приказ МЮ № 224 от 30.07.01) и вновь возвращен в редакцию в 2005 г. (приказ МЮ № 205 от 3.11.05).

Любопытно рассмотреть все остальные случаи массовых протестов осужденных (и их претензии), которые просочились в СМИ и получили огласку за последние 2 года.

Февраль 2004 г.; ИК п. Фornosово, ряд учреждений УИС Ленинградской области	<i>Моральные унижения, лишение законных прав и свобод, физическое и психологическое насилие, избиения, вымогательство денег у осужденных и родственников силами «актива»</i>
Апрель – май 2004 г.; ИК г. Зима, ряд учреждений УИС Иркутской области	<i>Изъятие личных вещей, неоправданные бытовые ограничения</i>
Апрель 2004 г.; тюрьма г. Верхнеуральск, ряд учреждений УИС Челябинской области	<i>Изъятие личных вещей, избиение осужденных, неоправданные бытовые ограничения, незаконные требования</i>
Май 2004 г.; ИК и СИ г. Ярославль	<i>Ограничения в подаче воды, избиение осужденных</i>
Август 2004 г.; ИК г. Новокуйбышев Самарской обл.	<i>Избиение осужденного, организация сотрудниками оперативного отдела конфликта, закончившегося убийством осужденного, нарушения условий отбывания наказания</i>
Октябрь 2004 г.; ИК п. Индустриальный Красноярского края	<i>Нарушения норм питания осужденных</i>
Ноябрь 2004 г.; ИК г. Златоуст Челябинской области	<i>Избиение осужденных</i>
Декабрь 2004 г.; Лечебное учреждение г. Саратов	<i>Нарушения прав больных туберкулезом осужденных, строевая подготовка на морозе инвалидов 1–2 группы</i>
Январь 2005 г.; ИК г. Владимир	<i>Предъявление незаконных требований, угроза применения спецназа в случае их неисполнения</i>
Июнь 2005 г.; ИК г. Льгов Курской области	<i>Избиение осужденных</i>
Сентябрь 2005 г.; СИ «Матросская Тишина», Москва	<i>Избиение подследственного</i>
Ноябрь 2005 г.; ИК п. Анохово Смоленской области	<i>Избиение осужденных</i>

Оставим вопрос об обоснованности и объективности претензий осужденных. Речь сейчас не об этом.

Речь о том, что во всех случаях осужденные декларируют защиту своих законных прав, апеллируют к официальному закону, требуют привести условия содержания в соответствие именно с ним, а не с так называемыми «воровскими понятиями». Они обращаются за помощью к прокуратуре, суду, правительству, а не к какому-нибудь «Паше Урюпинскому». Ни разу, вопреки уверениям руководства ФСИН, в ходе вышеперечисленных акций не озвучены требования к администрации обеспечить какие-то нормы воровского закона скрюченных пальцев.

А чиновники ФСИН анализ причин и условий протестных акций настойчиво подменяют активными поисками их организаторов. И упорно пытаются приписать организацию протестных акций «лжеправозащитникам, которые находятся на содержании у воров в законе».

Во-первых, вызывает сомнение, что в существующих условиях (слава нам!) «ворам в законе» для внедрения своей политики в местах лишения свободы нужны посредники.

Во-вторых, интересная складывается ситуация... По эту сторону забора – мы, многочисленные и профессиональные, круглые сутки находящиеся в прямом контакте, лицом к лицу с осужденными. По ту сторону забора – за 50, 500, 1000 километров – две с половиной экзальтированные тетеньки, которые под нашим носом организуют наших осужденных на массовые акции. И нам все это – исключительно сюрпризом. Ну, и не грош ли всем нам тогда цена?

Понятно только одно: счастье, что эти акции носят ненасильственный характер. Что осужденные режут вены и животы пока только сами себе. Но все это – чревато и «пыхнуть» может в любой момент. А «сгущение атмосферы» ощущается все более и более, почти физически. Накопление нерешенных проблем уже в краткосрочной перспективе способно привести к неуправляемому развитию событий. И тогда мы вынуждены будем применить уже открытые жесточайшие меры репрессивного подавления. У нас просто не будет другого выхода.

Закрытость системы

Поподробнее хотелось бы остановиться на «лжеправозащитниках».

Этот вопрос напрямую связан с открытостью уголовно-исполнительной системы для общества, каковая, согласно официальным заявлениям, якобы имеет место быть. Открытость эта на самом деле весьма односторонняя и проявляется только тогда, когда речь идет о всевоз-

можных КВНах, конкурсах красоты «мисс толстушка колонии №5» и прочих чемпионатах по плевкам в длину.

Как только речь заходит о серьезных вещах, могущих спровоцировать критику, все игры в открытость заканчивается.

Вернемся к акциям протеста осужденных. Когда в поступающей от пенитенциарных чиновников информации за версту чувствуется махровая «казенщина»; когда чиновники, не успев договориться, путаются в цифрах и фактах и противоречат друг другу; когда невооруженным глазом видно стремление «спасти лицо» и «переложить с больной головы на здоровую» – выбор представителей общественных организаций и независимых СМИ вполне понятен. Они не верят официальной информации и с жадностью принимают любую информацию из источников неофициальных. И тогда появляются шедевры-ужастики типа «осужденных рвут собаками, заставляют раздеваться, а потом избивают палками и молотками».

Самое интересное, что страдает от своей закрытости прежде всего сама система. Если человек чувствует себя правым – что ему скрывать?! Большому количеству сотрудников УИС, поскольку они не делают ничего противозаконного, постыдного или позорного, нисколько не помешают всевозможные «общественные контролеры» или правозащитники, даже если будут ходить по пятам в течение всего рабочего дня. Даже помогут, поскольку любой критик в этих условиях через месяц-другой поймет, что упрощение до уровня «все менты – козлы, а осужденные – белые и пушистые» – глупо...

И сразу будет видно, кто «лже», а кто не «лже», кто действительно озабочен правами человека и интересами общества, а кто отрабатывает заокеанский заказ на ослабление российской государственности.

Разумеется, той части практических сотрудников, которые привыкли решать служебные задачи, особо не утруждаясь необходимостью строго следовать нормам закона и права, придется слегка «напрячься». Они вынуждены будут приспособиться и приспособятся, ничего не теряя и ни в чем по большому счету не проигрывая.

А вот к многим руководителям вопросы появятся очень серьезные и очень для них не приятные.

Кадры решают

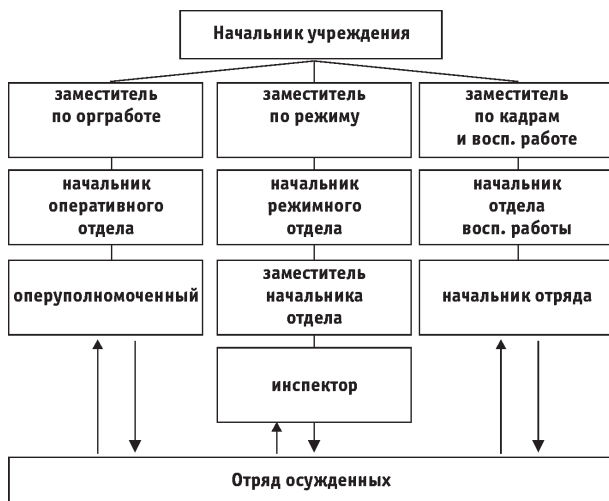
Микроклимат в коллективе хорошо виден на примере того, как люди работают, но еще лучше – на примере того, как они отдыхают. В Верхнеуральской тюрьме на корпоративный вечер по случаю наступления

нового 2005 года, кроме сотрудников штабных служб (бухгалтерия, канцелярия и т. д.) никто не выразил желаний прийти. Пришлось начальнику учреждения устанавливать «план представительства» под страхом наказания: «по столько-то человек от каждого отдела чтобы были». Год три-четыре назад такое воспринималось бы как фантастика.

Коллективов как таковых, подразумевающих сообщество работников, сознающих взаимосвязь своих целей и судеб, в учреждениях не существует. Существует несколько изолированных противоборствующих группировок, исповедующих принципы отнюдь не спортивного соперничества, а принцип «чужие беды – наши победы».

Казалось бы, разделение на отделы и службы должно логично обеспечивать и разделение функций конкретных сотрудников, однако в УИС это разделение, наоборот, провоцирует постоянную возню по перекладыванию друг на друга и функций, и ответственности. И «возня» эта – отнюдь не мирная. Существующая организационно-штатная структура не отвечает целям оптимальной организации службы и достижения максимальных результатов. Зато идеальна для решения задач «феодализации» как конкретного учреждения, так и системы в целом.

Разумеется, узкая специализация вспомогательных служб не позволяет избежать их частичной организационной изолированности. Но основные службы, по большому счету, имеют одну функцию: воздействие на осужденного. И их крайне необходимо объединить «под общим знаменем». Вот что мы имеем на сегодняшний день в учреждениях по основным службам:

При такой схеме функции организации взаимодействия может выполнять только начальник учреждения – единственный арбитр во всех ситуациях. Но он сильно отделен и отдален от того уровня, на котором, собственно, конфликт интересов и возникает. И, поскольку «черепаха не прыгает», арбитр этому уровню недоступен.

Особенности этой организации активно и с успехом используют осужденные. На их жаргоне это называется «столкнуть лбами». Сталкиваются ежедневно.

А эффективная структура может быть очень простой: начальник учреждения – заместитель, скажем, по обеспечению порядка отбывания наказания (с аппаратом) – начальник отряда с 2 помощниками – отряд осужденных. При той же численности.

Однако, думается, руководству выгодна сегодняшняя система, при которой каждый сотрудник – уязвим и незащищен, а значит, безмолвен. И если по отношению к осужденным закон нарушается все же с некоторой оглядкой (они ведь жалобы пишут), то в отношении сотрудников упоминание рабовладельческих отношений – отнюдь не «красное словцо».

Например, существует Трудовой кодекс, на который ссылается в том числе и Закон «Об органах и учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы». Существует приказ министра юстиции, регламентирующий порядок применения норм Трудового кодекса к сотрудникам УИС. Согласно этому документу, в случае служебной необходимости привлечение сотрудника к работе сверх установленных норм времени производится на основании письменного приказа начальника учреждения и оплачивается. В случае крайней необходимости – устный приказ, с последующим обязательным письменным оформлением в течение 2-х суток...

Но «служебная необходимость» возникает практически ежедневно. Сотрудник уходит домой не потому, что окончился рабочий день, а потому, что сказали: «Можно, иди». Сходил начальник на обход территории, увидел где-нибудь окурок. Все, служебная необходимость – все «остаются после уроков» наводит порядок. Конец рабочего дня, звонок по секрету из регионального управления: «К вам выехал подполковник имярек». Служебная необходимость. Распоряжение на КПП: «Офицеров из учреждения не выпускать». На всякий случай. Письменные приказы? Ага, щас. «Не нравится – иди в народное хозяйство».

Это не особенности одного-двух учреждений, это **норма** на всем пространстве от Калининграда до Находки.

А те же деньги, что и в учреждении, только без постоянного нервного напряжения и постоянных «служебных необходимостей» (сутки через трое) предлагают множество охранных предприятий, которые сотрудников УИС на работу берут с удовольствием...

Руководство системы не осознает, что именно человеческий капитал – основное конкурентное преимущество в условиях рыночной экономики. Что, кроме стратегии точных организационных структур и высококвалифицированных сотрудников, для процветания система должна располагать сильной культурой и особым стилем, четко выработанным имиджем и корпоративным духом. Что в дополнение к дисциплине, послушанию, власти, приходят участие, самоопределение, коллектив, раскрытие личности, творчество. Что процветать сегодня может только такая система, в которой создан сплоченный коллектив, где сломлены иерархические перегородки, где каждый кровно заинтересован в общем успехе, ибо от этого зависит его не только материальное благополучие, но и психологический комфорт.

Все это мало кого волнует. Абсолютное большинство сегодняшних «управленцев» озабочено только такими важными делами, эффект от которых можно будет «пощупать» нынче же вечером, ну, или в крайнем случае, не позже послезавтрашнего утра.

Заключение

Автор просит прощения за допущенный местами сарказм и злую иронию. Реалии состояния дел в уголовно-исполнительной системе провоцируют на болезненное и эмоциональное их восприятие.

Разумеется, в системе в последние годы произошло и много положительного, касающегося, в основном, благоустройства жилых и производственных помещений; продовольственного, медицинского обеспечения, развития материальной базы. Но узкая зацикленность руководства разных уровней на материальном – на том, что «можно предъявить глазу», вряд ли является прогрессивной в плане реализации главных задач УИС.

Безусловную поддержку и одобрение вызывает инициатива директора ФСИН по изменению статуса предприятий УИС из ГУПов в учебно-производственные мастерские. Очень много полезного сделано, и достигнуты хорошие результаты в деле повышения качества внешней охраны учреждений, в деле совершенствования инженерно-технических средств охраны и надзора, внедрения высоких технологий...

Однако, полагаю, что и без меня нет и никогда не будет недостатка в желающих проинформировать Президента об успехах и победах...

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Стратегическое влияние на процесс реформирования системы способны оказать следующие мероприятия, требующие воли Президента:

1. Кадры

Руководитель пенитенциарного учреждения – ключевая, центральная фигура, от которой зависит вся жизнедеятельность учреждения во всех ее проявлениях. Всяческие аттестации и утверждения – формальная процедура, ни на что не влияющая. Назначение на должность начальника тюрьмы / колонии / изолятора в настоящее время – полностью единоличная прерогатива начальника территориального управления УИС.

При этом, разумеется, одним из наиболее важных факторов является личная симпатия, личная заинтересованность регионального руководителя именно в этой кандидатуре. Это нормально и по-человечески понятно; ненормально – когда это вступает в противоречие с интересами службы (службы в высшем ее понимании, как службы Родине, обществу, государству).

Тезис «Кадры решают все» озвучен уже давно и при другой политической системе, но, думается, что он универсален. «Человеческий фактор» может погубить любую, самую стройную и тщательно проработанную программу.

Целесообразно в структурной организации пенитенциарной системы применить принцип «от частного к общему» и сделать ставку на конкретные человеческие личности.

Для реализации этого пенитенциарная система оказывается достаточно компактной: в России по состоянию на 1 января 2005 года всего 760 ИК, 62 ВК и 8 тюрем.

а) Необходимы целенаправленная подготовка и очное обучение по специальности «руководитель пенитенциарного учреждения», тщательнейшим образом отобранных кандидатов (имеющих высокий образовательный, интеллектуальный уровень, харизматичность и данные лидера, достаточный опыт работы в системе).

б) Необходимо ликвидировать кадровый фактор «временщиков», повысить статус начальника учреждения, назначать начальников учреждений на эту должность на длительный срок – вплоть до выхода на пенсию. Разработать систему материального и морального стимулирования, реально компенсирующую этой категории невозможность дальнейшего карьерного роста и приоритетную заманчивость именно этого статуса перед статусом даже вышестоящего чиновника.

в) Жестко разграничить полномочия начальника пенитенциарного учреждения и вышестоящего руководства, обеспечив невозможность не мотивированного законными основаниями вмешательства вышестоящих ведомственных органов в процесс реализации порядка отбывания наказания и организации служебной деятельности в конкретном учреждении УИС.

2. Структура

Раздутые штаты региональных управлений ФСИН являются фактором, негативно влияющим на организацию деятельности уголовно-исполнительной системы. Современная численность сотрудников в Управлениях и Главных управлениях целесообразно не обоснована и провоцирует развитие бюрократической машины.

Исходя из потребностей контроля, достаточно, например, трех, максимум пяти человек на учреждение, чтобы качественно и непрерывно контролировать, вникая до мелочей во все происходящие в нем процессы. Поскольку реальная деятельность управлений большей частью сосредоточена именно на контроле, соотношение 50 сотрудников управления на 1 подконтрольное учреждение, мягко выражаясь, вызывает недоумение.

Безусловно, на ослабление «прокладки» между центральными органами ФСИН и учреждениями добровольно генералитет не пойдет, поскольку это чревато чувствительным сокращением высоких должностей.

а) Необходимо преобразовать региональные управления в компактные региональные представительства Федеральной службы исполнения наказаний, не ответственные за деятельность подконтрольных учреждений. Сущность ведомственного контроля ограничить сбором и анализом информации, с правом реагирования на те или иные аспекты деятельности начальников учреждений исключительно дирекцией Федеральной службы.

б) Акцент в направлениях работы представительствам сделать на организацию взаимодействия с местными властями и государственными органами, общественными и иными организациями, методическую деятельность, подразумевающую адаптацию к местным условиям и практическое внедрение в жизнь учреждений технологий исправления осужденных и т. п.

в) Реальную потребность в численности штатов устанавливать на основе детального инспекционного изучения этой работы, ориентированного на потребности учреждений; то есть по схеме «чиновник для подразделения», а не «подразделение для чиновника».

3. Воздействие на осужденных

Одним из необходимых условий создания в пенитенциарном учреждении оптимальной воспитательной среды является законопослушное поведение осужденных и выполнение ими требований порядка отбывания наказания.

В области стимулирования поведения конкретной человеческой личности никто не придумал метода действеннее метода «кнута и пряника». В уголовно-исполнительной системе сейчас проблемы и с тем, и с другим.

Сначала о «кнуте».

Сохранение за осужденным правового статуса гражданина является принципиальным положением политико-правовой доктрины российского государства. Это означает, что осужденный не освобождается от выполнения возложенных на него общегражданских обязанностей. В Кодексе об административных правонарушениях, например, нет упоминания того, что административный арест не может применяться к осужденным к лишению свободы. Некоторые «нарушения порядка отбывания наказания» являются теми деяниями, за которые предусмотрен административный арест. Почему бы не заменить водворение в штрафной изолятор административным арестом, налагаемым судом и продлевающим его общий срок лишения свободы на 10–15 суток? Почему бы не расширить положения Административного кодекса, предусмотрев в нем наказания за нарушения режима содержания в исправительном учреждении? Кому нравится сидеть – пусть сидит.

В комплексе с обеспечением принципа неотвратимости наказания такие меры явились бы крайне действенными. Разумеется, если ликвидировать причины, побуждающие администрации учреждений к сокрытию и замалчиванию правонарушений.

А из «пряников» самым важным для осужденного является условно-досрочное освобождение. Реальная доступность УДО очень легко и безболезненно снимает проблему «воровской романтики» и влияния блатного мира на основную массу осужденных. Введенный поправками 2003 года порядок УДО, его доступность обеспечивает лишь малой частью и к тому же не снимает с администраций лишней и никому не нужной бюрократической нагрузки.

а) Необходимо обеспечить судебное присутствие в учреждениях УИС. Одна-две выездные сессии в месяц не затруднят районные суды по месту дислокации учреждений даже без расширения их штатов. Механизмы правоприменительных процессов на территории учреж-

дений УИС необходимо привести в соответствие существующим «на свободе».

б) Условно-досрочное освобождение должно применяться автоматически, по умолчанию, в установленные Законом сроки. Отсрочка УДО (на конкретный срок) допустима только решениям суда¹⁶.

4. Оперативно-розыскная деятельность

а) Представляется целесообразным выполнение задач оперативно-розыскной деятельности в учреждениях УИС возложить на МВД и другие органы, предусмотренные ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

б) органы и учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, лишит права осуществления оперативно-розыскной деятельности.

5. Контроль

Объективные условия сейчас как никогда ранее благоприятны для обращения деятельности пенитенциарной системы на максимальную пользу обществу и государству. Даже отставание в этой сфере от европейских государств дает колоссальное преимущество: мы имеем возможность отследить их ошибки, сравнивать и выбирать, экономить время на отказе от уже опробованных «пустышек». Сегодня практически нет проблемы денег или сил, пока еще нет острой проблемы нехватки людей. Нет и проблемы приоритетов власти или, если угодно, проблемы политической воли.

Есть проблема объективной информации и проблема контроля.

Политическая власть принимает решения, а ведомство обязано их претворять в жизнь. Но политическая власть принимает решения на основании поступившей информации. А откуда сегодня поступает информация? От того же ведомства, которое информацию «корректирует» в соответствии с узковедомственными интересами, которые с интересами власти в общем случае не совпадают.

¹⁶ Примерный вариант редакции ст. 79 Уголовного кодекса РФ:

«1. Лицо, отбывающее исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, в сроки, предусмотренные частью третьей статьи 79 настоящего Кодекса, подлежит освобождению условно-досрочно, если судом не будет признано, что для своего исправления оно нуждается в продолжении отбывания назначенного судом наказания». И так далее. Соответственно – по замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ).

Не решив вопроса об организации постоянного объективного и конструктивного контроля со стороны власти, о каком бы то ни было качественном реформировании пенитенциарной системы говорить бессмысленно¹⁷.

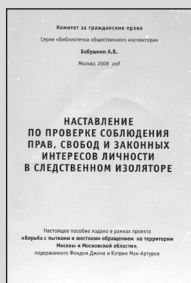
Такое консервативное сообщество, как уголовно-исполнительная система, по определению не может качественно реформировать само себя, без вмешательства извне.

а) В уголовно-исполнительной системе крайне необходимо постоянно действующее полномочное представительство Президента.

*б) Максимально гарантировать осуществление организации и действенного контроля реформы, возможно, позволило бы создание (воссоздание?) надведомственного государственного института **комиссаров**, подчиненного и подотчетного непосредственно Президенту России.*

---

¹⁷ Вот взять, к примеру, ситуацию с МВД. Средний для европейских стран уровень раскрываемости преступлений – 40% («крайние» показатели: Великобритания в 2001 г. – 24,0%, ФРГ в 2001 г. – 53,3%). Очевидно, что для работающего в более тяжелых условиях МВД России уровень раскрываемости 75,6% в 2000 г., мог быть результатом только массового сокрытия от регистрации «глухарей», «неочевидных», заведомо неперспективных для раскрытия преступлений; необоснованных прекращения и отказов от возбуждения уголовных дел. Летом 2001 г. это признал министр внутренних дел Б. Грызлов, заявив о необходимости изменить критерий оценки деятельности милиции и прекратить сокрытие преступлений от регистрации, предприняв ряд жестких мер по обеспечению реального, объективного учета. И тут же уровень раскрываемости начал резко снижаться: 2001 г. – 69,7%, 2002 г. – 61%, 2003 г. – 56%, 2004 г. – 54%. . . Показатели становятся объективными. Путь тяжелый, но путь ЧЕСТНЫЙ.

А.В. Бабушкин
Наставление по проверке соблюдения прав, свобод и законных интересов личности в следственном изоляторе
М.: Комитет за гражданские права, 2006.

1. Цели и задачи общественного контроля:

- активизация собственных духовных и организационных ресурсов уголовно-исполнительной системы;
- повышение социальной и правовой защищенности сотрудников и спецконтингента;
- более полная реализация целей уголовного наказания, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ;
- преодоление условий для развития коррупции в органах и учреждениях УИС;
- распространение положительного опыта, накопленного в УИС;
- подготовка предложения для изменений законодательства и нормативно – правовой базы;
- включение механизмов социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы и подготовки к освобождению;
- привлечения внимания общественности и властей к важным вопросам деятельности и развития УИС.

2. Объективные показатели соблюдения прав заключенных

В большинстве случаев уровень соблюдения прав и законных интересов личности в учреждениях уголовно-исполнительной системы может быть измерен на основании объективных показателей. Среди таких показателей особенно следует отметить такие, как:

- уровень смертности и его динамика за последние 3 года;
- уровень заключенных, имеющих дефицит веса и его динамика за последние 3 года;
- соотношение заработка работающих осужденных и работников, которые на свободе в данной местности выполняют такую же работу; однако при этом следует иметь в виду, что зарплата состоит не только из средств, получаемых на лицевой счет, но также из средств, удержи-

ваемых в качестве алиментов, оплаты по гражданскому иску. В колонии, кроме того:

- оплата питания, одежды, обуви, жилищно-коммунальных услуг;
- соотношение цен в магазине, обслуживающем осужденных, и в торговой сети в данной местности;
- процент освобождаемых условно-досрочно и средний процент срока, на который они были освобождены.

Вместе с тем для оценки состояния дел в учреждении УИС приемлем и метод субъективной экспертизы. Этот метод состоит в том, что выбирается ограниченный круг экспертов, например 50 человек из числа сотрудников СИЗО, родственников, освобожденных, адвокатов, следователей, которым предлагается высказать свое личное мнение о том, каким образом обстоит дело в СИЗО или ИК с питанием, медициной, физической неприкосновенностью личности, отправкой жалоб и т. д., ухудшилась или улучшилась ситуация в учреждении по сравнению с прошлым годом, как выглядит практика учреждения в этой части по сравнению с соседним учреждением. Однако выводы субъективной экспертизы почти никогда не могут быть применены для принятия управленческих решений, а являются лишь ориентирами для того, чтобы понять, на что надо обратить особое внимание, какие вопросы следует исследовать с особой тщательностью.

3. Начальник СИЗО

При посещении СИЗО вам, скорее всего, придется общаться с начальником следственного изолятора. Следует иметь в виду, что начальник СИЗО осуществляет не только текущее руководство деятельностью следственного изолятора на принципах единоначалия, но и сам определяет пределы полномочий своих заместителей и начальников структурных подразделений (п. 4.2.2 Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утв. приказом Минюста РФ от 25 января 1999 г. № 20, с изменениями от 5 марта 2004 г.). В СИЗО могут находиться осужденные, за содержание которых и хранение их личных дел начальник отвечает лично – это осужденные к смертной казни.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 30.11.2006 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная